

Лео Карлсон

Над водами Ксанфа

Ошибка царьзидента

Лео Карлсон

**Над водами Ксанфа.
Ошибка царьзидента**

«Издательские решения»

Карлсон Л.

Над водами Ксанфа. Ошибка царьзидента / Л. Карлсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834220-2

Ксанф и ЗыЁрс — две планеты-близнеца, две судьбы. Что лучше — просвещенный крипто-тоталитаризм под маской всепланетного Сената, или же внезапная победа демокриц, как на ЗыЕрсе? Где спрятано золото сбежавшего царьзидента Карассии? Кем является, и какие цели преследует Супер-Эльф, манипулирующий Сенатом? Можно ли бросить вызов узурпаторам власти в эпоху настоящего Большого Брата? Жанр — социальная фантастика и альтернативная история.

ISBN 978-5-44-834220-2

© Карлсон Л.
© Издательские решения

Содержание

Над водами Ксанфа	6
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Над водами Ксанфа Ошибка царьзидента Лео Карлсон

© Лео Карлсон, 2016

© Gaël Reignier, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4220-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Над водами Ксанфа

По тенистому бульвару древнего, красивого и очень зеленого города, упруго отталкиваясь новенькими кроссовками от разноцветной брусчатки, шел молодой эльф. Все вокруг было тоже юным, чистым, как только что произведенное оконное стекло, еще не знакомое ни с пылью фермерских полей, ни с копотью промышленных центров. Надо отметить, что на планете Ксанф, где проживал наш эльф, грязных производств давно уже не осталось. Все вокруг – воздух, вода в канале, идущем к реке, все было свежим, жизнерадостным и радовало глаз. Цвета вокруг поражали немыслимой чистотой и незамутенностью, в воздухе стоял запах какой-то цветущей растительности.

Было еще лето, но часть листвы на деревьях уже намекала на грядущие перемены, характерные для данной широты северного полушария Ксанфа, но даже это не портило общей картины! Летнее еще солнышко начинало припекать, и эльф растянул верхние пуговицы своей рубашки.

Чего-то не хватало для полного счастья. Чего-то еще.

И тут он услышал музыку. Что это было конкретно, установить трудно. Жителям нашей Земли, или обитателям родственного ей Зыёрса, мелодия, возможно, напомнила бы что-то из поздних битлов, а может «Je veux» ZAZ. Нашлись бы, конечно, и довольно многочисленные сторонники радикальных версий о том, что это вообще была лютня. Или что-то вообще такое, что нам, старперам, лучше и не слышать. Впрочем, теперь, когда миры окончательно сошли с ума, это уже не важно. И хотя мне, землянину, лично ближе версия с ранней неизданной песней Кейт Буш, спорить ни с кем не буду. Поэтому, «Je veux» так «Je veux». Даже если это вообще не «Je veux».

Проигрши он узнал с первых двух нот. И уже приготовился услышать знакомый голос, но тут его окликнули.

– Мальчик, закурить не найдется?

Голос этот показался бы нам, землянам, один в один голосом хулиганистой француженки – любительницы попеть на улице. Он оглянулся и никого не увидел.

– Тут я, тут...

Он прищурился от яркого света и наконец-то разглядел говорящую. Она сидела, прислонившись к дереву за скамейкой и обхватив колени. Рядом валялась черная сумочка. Несомненно, это была юная самка орочьей породы. Глаз эльфа в таких вещах не давал осечек. Орки и их самки могут как угодно маскироваться под эльфов, одевать их одежды, душить их духами, притворяться, что слушают их музыку, пытаться копировать слащавый и напыщенный и претенциозный с их точки зрения эльфийский дискурс, но эльфа все равно не проведешь. И настоящий эльф никогда не впустит в свой магический круг ни орка, ни даже орку, как бы обольстительно та не выглядела.

Нет, конечно, в силу правоты печальной мудрости последнего столетия, гласящей, что «в каждом эльфе есть немного орка», а также не менее печального обстоятельства, что орки неистребимы как тараканы, эльфам приходится с ними общаться и даже вести общие дела. И, что уж скрывать, вступать порою в интимные отношения с дамами оркской породы. Не бесприятные. Но вот жениться на них, и тем более заводить общих детей, не уж, увольте.

И если такие ошибки порой происходят, то ничего хорошего это ни эльфу, ни его супруге не сулит. Вот браки орков с эльфийками – дело куда более частое. Но тоже редко успешное. Либо разведутся, либо эльфийке приходится, чтобы выжить, мутировать в орку.

Наш эльф был юн и не очень искушен в вопросах любви. Но в чем ему нельзя отказать, так это в знании истории взаимоотношений эльфов и орков, древней как сам Мегамир, вме-

стилице бесчисленных вселенных. История эта, пестрая как восточный ковер, описана ныне в бесчисленных мифах, в центре которых возлежит полная мрачной эротики и страданий легенда о любви ворлорда-орка и эльфийской царевны, потомство которых и населило всю известную разумным существам часть мироздания. И именно потомство несет с тех пор весь генетический груз этого смешения не совместимых противоположностей.

Конечно, в школе эльф изучал и альтернативную версию, далекую от метафизики и мифопоэтики. Дескать, путь к разумности во всех мирах всегда лежит через хищничество, являющееся сутью и смыслом низшей по отношению к эльфам оркской породы. Отсюда и поговорка – «В каждом эльфе есть немного орка». Или – «Поскреби любого эльфа, обнаружишь орка». Нет, наш эльф знал не только мифологию, но и реальную историю планеты Ксанф, что заставляло смотреть на вещи трезвее и проще.

– Что, не нравлюсь?

– Да нет... Ты ничего... – Да и ты ничего. Так закуришь дашь? – Не курю, извини...

– Не извиню. Пока, не подкажешь адресок один, не извиню.

Она, не вставая, полезла в сумочку. Покопавшись сначала внутри, она для простоты поисков вывернула все на траву и наконец-то смогла извлечь из образовавшегося на траве хаоса что-то вроде древней записной книжки и стала искать что-то уже в ней. Она явно любила винтаж.

– Вот! ... Тайгер Лилли Лайн – это где?

– А ты, что – не местная?

Тайгер Лилли Лайн – про эту улицу он слышал в новостях. Это в новом микрорайоне, на границе с лесом. Зеленые долго не согласовывали это строительство. Строили микрорайон для не богатых служилых орков, выходящих на пенсию. Квартиры там вроде бы имели не очень хорошую репутацию из-за качества строительства вороватыми подрядчиками, орками, естественно.

– Ага, приехала к знакомому. Так покажешь?

Он вкратце объяснил ей как добраться. – Спасибо, ты такой умный... Чем занимаешься, красавчик?

– Универ заканчиваю в этом году. Буду работать смотрителем миров.

– Миров... А они есть, эти миры? И чего в них хорошего?

– Есть, есть...

Он не стал ей говорить, что тема его будущей работы, как он надеялся, и будет связана с изучением динамики численности орков в наблюдаемой части Вселенной. Причем, не в той, что изучается при помощи телескопов, а в так называемых мерцающих мирах, свободных от ограничений безжалостного закона, придуманного одним давно умершим усатым эльфом с еврейскими корнями. В так называемом реальном мире все, что ты можешь – это наблюдать. Причем только издали, придумывая все более и более изолированные и опосредованные методы наблюдения. А что поделаешь, вот оно, Великое Ограничение – скорость света!

В мерцающих мирах все проще. Создаешь миниатюрную виртуальную черную дыру с определенными параметрами, грузишь в нее необходимые настройки, а через нее выходишь через такие же дыры в других мирах туда, куда нужно. Настраиваешь здесь, потом настраиваешь там, и вот у тебя уже что-то типа телескопа, но с куда большими возможностями, вплоть до почти физического присутствия. С тех пор как печальный эльф Эверетт нашего земного мира сделал вывод, что эти самые призрачные или мерцающие миры существуют, в мире Джереми, нашего эльфа-студента минуло уже много лет, но только недавно маленькая исследовательская группа получила из одного анонимного источника надежный способ путешествия по ним. Увиденное окрылило и настолько напугало ученых, что сама программа исследований тут же была засекречена. Но не закрыта. Работа продолжалась усилиями группы энтузиастов, называющих себя членами «Ордена лиловой звезды», закрытой

неформальной организации, обнаружение которой в обществе, где запрещены любая ложь и незаконные исследования, принесло бы ее участникам значительные проблемы. Технология оказалась настолько простой и настолько не затратной, что для проведения исследований удавалось использовать ресурсы лабораторий участников.

Отнюдь не корысть двигала участниками тайной научной группы. Как очень надеялись члены Ордена, изучение параллельных миров могло помочь с решением ряда проблем, о которых яростно спорили футурологи, например пресловутой и давно обещанной сингулярности, которая все не наступала и не наступала. И кое-чего еще...

Пока им приходилось работать с мирами примерно одного временного среза, с небольшим сдвигом в прошлое. И если границы сдвига оставались практически неизменными, то возможности выборочного наблюдения объектов в посещаемых мирах быстро росли. Поговаривали даже о том, что однажды удастся и взаимодействие с этими мирами. Против таких попыток высказывались весьма серьезные возражения. Профессор Каннинг, например, прямо указывал на то, что это может привести к опасному контакту параллельных бран и даже гибели всей Вселенной. И большинство старших участников Ордена месяц назад поддержало такую точку зрения. С тех пор все усилия сводились лишь к наблюдению как можно большего количества миров и изучению на полученном материале общих тенденций развития цивилизаций. Иногда случались и странные прорывы, когда инструменты позволяли наблюдать миры, скорее перпендикулярные чем параллельные, настолько странными и необычными они были. Ими тоже занимались отдельные энтузиасты, но с куда меньшими успехами. Им было труднее из-за того, что точную настройку на такие миры проводить никак не получалось. Вот он, мелькнул перед глазами прекрасный мир кислородной планеты на стадии примерно нашего триаса, прекрасный и манящий, а все что успели – это сделать фотографии и некоторые примитивные оценки. Или вот еще один мир, где обитаемым был спутник планеты очень напоминающей наш Уран, мир вулканов и удивительных и свирепых существ, мелькнул как мираж и исчез навеки.

Наш эльф попал в орден совершенно случайно. Просто повезло однажды попасть еще на первом курсе на правильную пирушку правильных людей. Да и по учебе он старался. И вот месяц назад, видимо после долгой проверки и колебаний, он получил предложение от своего шефа, которому очень обрадовался, и о котором, как его сразу предупредил Гарсиа, не полагалось никому рассказывать.

Он изобразил вежливость.

– А ты чем занимаешься? – Тусуюсь. Я орка на пособии. – Не скучно?

– Да ну нафиг скучно... Фестивали, тусовки, свидания. У тебя вот девушка есть?

Постоянной девушки у него не было, и уже довольно давно. Последний месяц он дневал и ночевал в институте. И если говорить честно, на то были и материальные и не совсем приличные причины. Открывшаяся возможность наблюдения за другими мирами рисовала впереди чудесные перспективы наблюдения не только за политическими и научно-техническими процессами, идущими там. Нет, он не был откровенным вуайеристом, но кто удержится, чтобы не взглянуть поближе на понравившуюся незнакомку их параллельного мира. Иногда он чувствовал, что готов влюбиться в одно из этих призрачных существ, ведущих свои собственные жизни и даже не подозревающих о том, что за ними следят внимательные и порою весьма возбужденные глаза.

– Нет.

– А знаешь почему? Потому, что постоянно думаешь о разной ерунде. Вот у тебя есть образование, и работа будет и карьера, наверное. А жизни, может, и не будет.

Он промолчал. А она, видимо решив, что нагрубила, добавила:

– Да, ладно... Не обижайся. Ты симпатичный. Было бы время и условия, я бы...

У него сжалось где-то внизу. Лицо покраснело. Она была симпатичная, эта юная орка. А она, заметив его смущение, довольно засмеялась и, потрепав его по плечу и еще раз поблагодарив за помощь, помчалась своей дорогой.

Что ж, она в чем-то права. Кто он и чем занимается? По сути, он – член не совсем законной организации с сомнительным финансированием, деятельность которой могут прикрыть в любой момент. Занят тем, что наблюдает, если разобраться, за миражами. Да, эти миражи очень зрелищны, теоретически когда-нибудь они могут дать ценную информацию, но вот только как преподнести все это обществу? Причем не только угрюмым необразованным оркам, но и вполне себе либеральным и просвещенным эльфам. Примут ли они то, что накопал их Орден, ох, не известно...

* * *

Джеремии, а именно так звали нашего эльфа, плыл по городу в облаке самых возвышенных мыслей. Ходьба всегда на него действовала бодряще и стимулировала выработку самых свежих мыслей и идей. Особенно сегодня. Он думал о том мире, открытый им уже с неделю назад, сразу как у него стали получаться настройки, но о котором даже еще не удосужился доложить своему шефу. Мир этот относился однозначно к зеркалам мира, в котором они жили сами, только отпочковавшиеся довольно давно. Он еще не понял, когда произошло разделение, но судя по всему, тысячу лет назад, не меньше. Отличия были разительны. Обитатели того мира, в отличие от его собственного, хоть и не обошли вниманием двойственную оркско-эльфийскую природу самих себя, но так и не смогли поставить под контроль темное оркское начало. Вместо этого понапридумывали массу забавных понятий типа «права человека», «политкорректность», «свобода», призванных решить довольно простую о сути задачу, с которой в его, Джеремии, мире давно уже справились. И как следствие слабости этого паллиатива, тот мир был наполнен злобой, обманом и преступлениями.

Нет, у них там, на планете со смешным названием Зыёрс, тоже догадывались о дихотомии и дуединстве Добра и Зла, но использовали для описания этого совсем другие метафоры. В их мире всем до сих пор заправлял всемогущий Бог, отвечающий за Добро, и который при этом очень хотел, чтобы его имя никто не связывал со Злом. Для того, что бы отвести все подозрения от себя, он действовал как хладнокровный серийный заказчик многочисленных убийств и других жутких преступлений, который нанял для выполнения всех своих грязных делишек беспринципного грубого гопника, эффективного менеджера по любым скользким вопросам. Тот и отвечал за педофилию, изнасилования, массовые казни и Евровидение. Гопника звали Дьяволом.

Про эльфов и орков в том мире догадывались давно, хотя и не настолько отчетливо, чтобы понять всю давнюю и трагичную историю противостояния двух рас и начал – светлого эльфийского и темного орочьего.

Второй интересной деталью этого мира было то, что по уровню технологического развития он отставал от его Джеремии, мира примерно на сто пятьдесят – двести лет. Здесь еще пользовались сотовой связью, и маленький экран все больше заслонял от его обитателей реальную жизнь, а примитивный Интернет, предтеча современного Облака, пожирал жителей этой планеты заживо.

И третье – в том мире борьба между орками и эльфами шла даже не на уровне конкретных личностей и рас, а на уровне целых государств. Были государства потомственных орков и государства, где эльфам удалось победить. Иногда победы происходили, что называется, в прямом эфире. Как раз незадолго до его открытия этого мира в одной из стран, Карассии, закончился вековой период правления орков. Закончился, как это часто бывает, не без крови и слезы. Но закончился быстро и неожиданно для всех. К власти каким-то чудом

пришли эльфы, которых местные орки именовали «Демокрицами». Демокриц было довольно мало, им противостояли активные орки в количестве примерно трети населения. Посередине молчаливо топталась и наблюдала происходящее другая половина населения – орки пассивные или «терпилы», как тут еще называли

Страна Карассия имела сложную историю. Одна из влиятельнейших империй на протяжении четырех столетий, однажды она споткнулась о революцию и больно ушиблась. А когда очнулась, то поменяла сразу пол и направление движения. Если старая Карассия видела смысл своего существования в непонятной гордости своими размерами и задирании соседей, то новое государственное образование на ее месте было куда более амбициозным. В этой державе было решено во что бы то ни стало «встать с колен». Оно, кстати, так и называлось – Сколенский Встаюз. Школьников в этом государстве сразу учили их главной жизненной задаче. На второй странице «Букваря», их первой школьной книжки, уже на второй странице была напечатана фраза – «Мы – не рабы, рабы – не мы.»

Злые языки потом утверждали, что в предложении допущена ошибка, и правильно написание такое: «Мы – не рабы, рабы немы», но это было уже потом. А еще школьникам рассказывали, какое в древности было хорошее государство Спарта, и заставляли учить и повторять девиз – «Всегда готов!». К чему готов, правда, не уточнялось.

А потом Сколенский Встаюз вдруг захворал и скоростижно скончался. А на его обломках снова образовалась Карассия, уже куда меньшая, чем Карассия времен напыщенных самодержцев. Эта поскромневшая на первых порах Карассия сначала обратилась к опыту Запада. Но новые правители быстро поняли, что карассийцы гораздо легче понимают простые и понятные приказы, чем призывы к общественным дискуссиям и договоренностям. Даже название верховного правителя страны в Карассии приобрело самобытный, чисто карассийский вид – вместо безликого, как у всех, президента или премьер-министра, Карассию возглавлял царьзидент. Должность эта – «результат исторического компромисса», как изящно пояснил всему миру один из царьзидентов. Саму же политическую конструкцию государства гордо именовали гибридной демократией. Надо заметить, что Карассия всегда имела склонность к гибридности и химерности. Даже государственный герб ее являл собой странную двухглавую рыбу-ёриша. Патриоты-державники утверждали, что этот ихтиологический мутант отражает единство двух миров – западного и восточного. Джереми казалось, что герб этот отражает неосознанную до конца двуединую природу любого разумного существа.

Долгие годы страна находилась в руках местных орков. Даже царьзиденты и их ближайшее окружение не могли скрывать своих низменных привычек и пристрастий. Так прошло 25 лет. И потом случилось то, что случилось. Можно лишь предположить, что победа эльфов произошла потому, что прирожденная и старательно культивируемая привластными орками-заклинателями злость вдруг обернулась против самих заказчиков. Чем тут же воспользовались эльфы как внутри страны, так и снаружи. Но это только версия.

Джереми чувствовал, что происходящее в том мире таит в себе что-то очень важное для его собственного мира, но больше всего его заинтересовало то, что в мире Карассии его обитатели не различали друг друга по расам. Они называли себя и других просто «люди». Это было странно. Он попытался понаблюдать и составить типологию местных орков и эльфов. И не заметил, как увлекся. На его глазах развернулось настоящее театральное действие, детектив, в котором участвовали эльфы и орки, а также разные промежуточные типы. И все они желали одного – стать богатыми. В его родном мире быть эльфом – это как принести некую пожизненную клятву. А там... «не ведают, что творят» – так, кажется, у них говорят, правда, всегда про других, а не про себя.

Сравнивая свой мир с миром Карассии, он ощущал себя путешественником во времени, попавшим из современности в средневековье. Правда, средневековье комфортабельное,

с довольно современными лекарствами, быстрыми летательными аппаратами и всемирной Сетью. И все же средневековье.

В его, Джереми, мире все было по-другому. Здесь уже сто лет как произошла Всеобщая Гармонизация, или как еще принято говорить, Консенсус. Преступность победили в зародыше тем, что совершать преступления стало почти невозможно. В основу нового миропорядка был положен принцип Арены, рассматривающий любую частную жизнь как театральное действие, открытое взорам всех и каждого. Именно тогда, 100 лет назад начала претворяться в жизнь программа по повсеместному развитию и внедрению средств наблюдения. И уже через пару лет все разумные и не очень существа на планете были идентифицированы и оснащены датчиками передвижения.

Тогда же, 100 лет назад, ложь была признана преступлением. «Не свидетельствуй против себя и своих родственников»? Какой архаичный, глупый и беспомощный бред, смешно про такое слышать!

Результаты были вполне ожидаемыми. Количество преступлений и коррупция пошли на спад. И даже противоречия между эльфами и орками потеряли былую остроту. Ведь что отличает орка от эльфа? Орк гордится своей темной стороной. Он обожает военные победы, грубую воинственную музыку, уважает силу, любит сбиваться в стаи. Орк ненавидит думать, именно поэтому склонен искать себе воздзя, ворлорда, или, на худой конец, авторитета в наколках. И когда такое существо теряет способность приносить окружающим вред, его темная сторона находит выход во внешних, впрочем довольно безобидных проявлениях типа татуировок, замысловатых оркских прикидов, в военных ролевых играх и различных контркультурных объединениях.

Если говорить об обычной жизни, то новый порядок не сильно повлиял на распределение орков и эльфов по сферам деятельности. Наука и образование по-прежнему оставались в ведении эльфов, в искусстве же произошло четкое разделение – эльфы смотрели и слушали свое, орки – свое, и всех это устраивало. Имело место и взаимовлияние. Некоторые эльфы находили определенное обаяние в оркских формах самовыражения и создавали свои пародийные сообщества. И наоборот.

Но полного исчезновения границ между двумя расами так и не возникло. «Орк — это орк, ну а эльф – это эльф, и вместе им не сойтись», ну, вы помните у классика...

Джереми вошел в здание института, остановился и провел рукой над экраном сканера. Что-то щелкнуло, и он двинул дальше по прохладному вестибюлю к своей лаборатории. Там никого не было, но это было не удивительно – выходной. У него, еще студента, был постоянный пропуск как у сотрудника – он подрабатывал здесь сторожем. Работа сторожем давала ему возможность дополнительное время для наблюдений за мерцающими, или как их еще называли, призрачными мирами. Охрана при институте давно уже была пустой формальностью, и ее не упразднили до сих пор только в рамках программы по борьбе с безработицей – слишком большое количество орков на пособии в одном месте порой начинало создавать некоторые проблемы. В охране работали одни орки, и Джереми был единственным представителем эльфов, попавшим сюда по жуткому благу.

Но сейчас ему не нужен был его пост. Он вошел в лабораторию, поставил чай и занялся калибровкой виртуальной черной дыры. Прошлые настройки никогда не сохранялись – так было принято в Ордене. Что ж... Не в первый раз... Он действовал интуитивно. Он давно уже чувствовал какое-то непонятное сродство с тем миром, таким далеким и чуждым и уже таким знакомым. Его туда тянуло.

Это тебе не рабочее лабораторное время, когда приходится заниматься совсем другими работами, куда менее интересными, но нужными для отчетов и грантов.

В воздухе перед ним возникла тень – предвестник глаза. Смутное пятно, слегка закрывающее то, что за ним, за пятном. А затем вспышка света, и вот ты уже внутри чуждого

мира. Ты как невесомая частичка. Но видишь все вокруг. Происходящее не всегда понятно, но со временем начинаешь разбираться. Первое время внимание постоянно уводят в сторону детали, необычности, но потом начинаешь уверенно держаться главного. А главным здесь была настоящесть происходящего вокруг. В своем мире Джереми чувствовал себя таким защищенным во всех отношениях, что порой казался себе персонажем компьютерной игры. Здесь же Смерть была реальностью. Он ее здесь уже наблюдал. Вот и сейчас, только заглянув в утро этого далекого мира, он тут же ощутил приступ непонятного страха... Хотя с чего бы?

* * *

По боковой, мало посещаемой дорожке старого сада крался кот. Крался по старым, покрытым тоненьким слоем ярко-зеленого мха растрескавшимся красным кирпичам, уложенным елочкой. Кота влекли беспечные и такие жирные голуби у скамейки, подчищающие остатки крупы и крошеного старушками печенья.

Птахи поменьше щебечут в кронах старых вязов и древних и давно почти переставших плодоносить яблонь. Первые пчелы совершают свой пробный полет, бабочки проводят разминку для еще не потертых жизнью цветастых крылышек. Прекрасное летнее утро намечается!

Кот уже почти занял позицию для финального и, несомненно, успешного броска, как вдруг чей-то громкий крик нарушил пасторальную картину. Там, в стороне, где старая кирпичная дорожка выходила на новую, выложенную разноцветной плиткой, и ведущую к главному корпусу, послышались торопливые семенящие шаги и крики. Голуби, хлопая крыльями, разлетелись.

Модест Иннокентьевич мирно прогуливался по подконтрольной ему территории с любимым в последнее время Гайдном в наушниках. Его длинные нервные кисти рук порой пробегались по воображаемым клавишам, а черные глаза на некрасивом, слегка асимметричном лице, которое сам Модест Иннокентьевич всегда считал благородным и ассирийским, то блаженно закатывались, то наоборот широко раскрывались. Но что-то сегодня старичок Гайдн не радовал. Ну никак не радовал Модеста Иннокентьевича старый добрый Гайдн! И на то по всем ощущениям имелись веские причины...

То ли вчерашняя статья про возмутительные действия и еще более возмутительнейшие планы люстрационной комиссии чем-то расстроила, то ли задержка финансирования со стороны одного из ключевых меценатов, то ли еще что-то, но настроение было у Модеста Иннокентьевича было совсем не безоблачное и не летнее, в полном противоречии с погодой и временем года.

Модест Иннокентьевич поравнялся с боковым, пожарным выходом, и внезапно остановился. И во время – капля свежего голубинового помета, белого как бабушкина деревенская сметана, упала как раз там, где он мог бы оказаться, если бы не Провидение. Но и это не слишком обрадовало. Если бы Модест Иннокентьевич читал труды земного физика Эвереста, то он мог догадаться, что, возможно, это случайное падение возмутительной капли с неба было вовсе не случайным явлением, а результатом интерференции параллельных миров, где тоже в этот самый момент что-то произошло. Возможно, где-то отменили выборы. А может, кто-то осторожно заглянул оттуда сверху в его, Модеста Иннокентьевича дольний мир и спровоцировал голубя на столь возмутительный демарш. Но Модест Иннокентьевич Эверетта не читал.

Капля, застыв, приняла форму удивленно раскрытого глаза – белый обод белка здорового и не старого человека и расширенный встревоженный синеватый зрачок посередине – видимо, птица откушала накануне ягоды. Подняв глаза наверх, туда, откуда замышлялась эта неудавшаяся небесная атака, Модест Иннокентьевич зацепил взглядом балкон, который в последнее время часто привлекал его внимание. На балконе никого не было.

Пазл сложился. Вот кто был причиной плохого настроения. Сумасшедшая старуха, Карла Адольфовна, которую подсунули в приют около года назад.

Модест Иннокентьевич, принявший руководство этим государственным, но, по сути, скорее частным приютом для престарелых с заболеваниями нервной системы уже давно на многое успел здесь насмотреться и в благословенные мирные времена и в злые нынешние. Разные здесь доживали свой век пациенты. И просто ненужные родители разлетевшихся по миру детей со средствами, и слишком богатые пожилые родственники, в распоряжение имуществом которых давно не терпелось вступить более молодым и зубастым наследникам. И, что душой кривить, которым Модест Иннокентьевич порой небескорыстно помогал.

Он всегда был открыт простым человеческим просьбам, особенно, если они хорошо вознаграждались.

И поэтому, около года назад, несмотря на то, что государственные медучреждения уже попали под пристальный взгляд антикоррупционного комитета, он не смог отказать, когда ему позвонили и попросили взять к себе «сложную пациентку, но прекраснейшего и немного замкнувшегося в себе человека, от которой отказались близкие родственники». Звонивший представился давним другом семьи и обещал щедро платить за содержание, а при личной встрече выдал внушительный аванс в рублях и валюте.

Старушку определили в отдельный номер, ей полагалась сиделка не из штата приюта («бабушка к ней привыкла») – щедрый первый взнос позволял пойти на необычные для этого заведения уступки.

Из особых пожеланий анонимного благодетеля брошенных старушек было «поменьше беспокоить бабушку разговорами – это ее утомляет и будит не нужные, травмирующие душу воспоминания». Кроме того, как объяснил человек, доставивший сюда несчастную старушку, та почти всю жизнь прожила в Германии и по-русски хоть и говорит, но не очень хорошо.

Почему бы и не уважить такую простую просьбу? Все пожелания благодетелей несчастной иностранки были выполнены в лучшем виде. Питалась старая немка у себя, еду ей приносили, гулять выходила два раза в день, рано утром и поздно вечером. Гуляла всегда вдвоем со своей прислугой. Странная это была парочка!

Коренастая с большими и не по возрасту упругими, торчащими вперед грудями старуха всегда выходила на улицу в платке с ярко и неровно покрашенными губами, губы эти были при этом недовольно сложены в курную гузку, а узко посаженные глаза над утиным носом с ненавистью буровили окружающих. Передвигалась старушка, переваливаясь с боку на бок, и чем-то всегда напоминала Модесту Иннокентьевичу беременного краба.

Служанка была под стать ей – высокая широкоплечая блондинистая девка с не слишком женственной походкой и столь же враждебным и внимательным взглядом. Эта всегда заправляла волосы в платок.

Впрочем, было место, где эта загадочная Карла Адольфовна иногда преображалась. Модест Иннокентьевич не раз видел, как в дальнем заброшенном углу сада старушка порой

играла с забредшей на территорию приюта собачкой. Все остальное время ее лицо было хмуро и печально. Она напоминала то состарившуюся лягушку, так и не ставшую царевной, то, наоборот, монаршую особу в не справедливом изгнании и забвении.

Если персонал приюта четко следовал инструкциям касательно нежелательности общения со старухой, то проживающие в приюте не могли не попытаться установить контакт с новенькой. Самые активные старухи. Вера Иосифовна и Элеонора Моисеевна несколько дней подкарауливали новенькую на прогулке. Но получили весьма жесткий отпор в виде явно недружественной тирады на немецком. Немку прозвали просто Адольфовной, и кличка эта мгновенно закрепилась. Кстати, по удивительному совпадению, и записана она была в заведение по паспорту Карлы Адольфовны Питерсон, бездетной, ни разу не бывавшей замужем, если верить паспорту.

Не удивительно, что заботы, тяготы и пасторали семейной жизни обошли это странное создание стороной, подумал Модест Иннокентьевич. Даже если напрячь все воображение, то представить себе любовные прелести молодой, пышущей гормонами и феромонами Карлы Адольфовны Модест Иннокентьевич, как ни пытался, не смог. И не потому, что Карла Адольфовна до ужаса напоминала мужика. Вместо пусть и траченных временем, но все-таки женских ручек у старухи были жилистые и какие-то опухшие от тяжелых трудов гралки-хваталки пролетария-молотобойца. Сзади она была вся какая-то квадратная, с нешироким мужицким задом. И совершенно без талии. И эта не то утиная, не то обезьянья, вразвалку походка. Из женских атрибутов имелись: огромная, пятого размера грудь, удивительным образом еще не стекшая в пояс, вечно неумело подведенные глаза и рот, и синевато-седые волосы, собранные в пучок.

Днем эта странная клиентка часто сидела на балконе своего номера и глазела на проходящих внизу или что-то читала с планшета. Тем же занималась и ее огромная служанка. К немке со временем привыкли, и все вошло в некую привычную и приемлемую для всех колею.

И вот неделю назад в приют внезапно позвонили люди, назвавшиеся родственниками и попросили о встрече со старушкой. На вопрос Модеста Иннокентьевича «а не собираетесь ли забрать ее к себе» ответ был уклончивым – дескать, посмотрим, как ей у вас.

И это был первый повод для тревоги – старушками с таким весомым денежным вкладом в бюджет приюта, да и что там говорить, самого Модеста Иннокентьевича, в наше время не разбрасываются.

Нужно было что-то придумать. А тем временем, встреча с самозванцами «родственниками» состоялась. Перед воротами стоял большой черный джип с тонированными стеклами, хорошо запомнившийся Модесту Иннокентьевичу, который по своей давней привычке обходил в утренний час свои владения. И как раз во время визита подозрительных гостей под окнами номера Адольфовны проходили две подружки, активнейшие и бдительнейшие члены местного комьюнити, Вера Иосифовна и Элеонора Моисеевна. Они-то и сообщили о громких криках и каком-то шуме в номере. И как будто там что-то разбилось.

Услышав об этом, осторожный Модест Иннокентьевич послал разведать обстановку дежурную сестру. Ту из номера с вежливой натянутой улыбкой выставила сиделка старухи, сказав, что зря пустили самозванцев и что-то еще на тему «раньше надо было думать и заботиться». Сама сиделка при этом лихорадочно набирала кого-то по мобиле.

Не задолго до конца рабочего дня сиделка выгодной старухи напросилась на разговор в кабинете. Модест Иннокентьевич впервые смог близко рассмотреть «сиделку». Увиденное вблизи ему не понравилось. Низкий, нарочито томный голос не мог обмануть многоопытнейшего Модеста Иннокентьевича – перед ним сидел молодой, симпатичный мужчина, не очень умело загримированный под женщину.

И самое плохое, он знал, что визави тоже это знает. А Модест Иннокентьевич никогда не стремился знать лишнее. Особенно когда это лишнее представляло угрозу для его спокойствия, безопасности и финансового благополучия.

Разговор был коротким и простым – «Вы не беспокойтесь, мы от вас не собираемся съезжать. Вот только попросим – избавить нас впредь от подобных сюрпризов и если что, предупреждайте заранее».

Этим же вечером, на местном новостном сайте проскочило сообщение о найденных неподалеку от приюта трех убитых мужчинах, которых кто-то торопливо попытался сжечь в их же машине. Названные приметы трупов и марка машины заставили Модеста Иннокентьевича похолодеть. Ему сразу захотелось в отпуск. На юг... на юг... куда-нибудь подальше отсюда, из этого внезапно ставшего опасным уголка Карассии, где как казалось еще вчера можно с легкостью пересидеть трудные для страны времена.

Да! На юг, на юг!... Или вообще куда подальше. Но такое он позволить себе, увы, не мог, поскольку всегда предпочитал жить на широкую ногу, и все его небольшие накопления и сбережения канули во время последнего глобального катаклизма, накрывшего его несчастную страну.

Оставалось проявлять максимальную осторожность. Меньше знаешь, лучше спишь.

И вот и без того страдающего от неприятных предчувствий маститого профессора (Модесту Иннокентьевичу нравилось так называть себя хотя бы наедине с собой) заставил вздрогнуть громкий крик. Сомнений не было – кричали именно там, откуда он больше всего ожидал неприятностей. Модест Иннокентьевич застыл на секунду, оглянулся по сторонам и... пошел в обратном направлении, в сторону главного входа на территорию.

Не успев дойти до выхода, он услышал шаги сзади и окрик. Это была одна из сестер.

– Модест Иннокентьевич, немка, кажись, помирает, бредит.

– Кто там сейчас у нее?

– В том-то и дело, что никого!

– А где ее сиделка?

– Не знаю, а только надобно идтить. Священника бы по уму надоть...

С тяжелым сердцем Модест Иннокентьевич направился в сторону главного корпуса.

В комнате умирающей стоял странный запах, который знававший лучшие времена Модест Иннокентьевич безошибочно определил как запах очень дорого французского коньяка. На столе стояла тарелка с кусочками швейцарского сыра, маслинами и пара небольших рюмок.

Пить в приюте запрещалось, но делать замечание умирающей было бы странным.

Сама немка возлежала на высоких подушках, тяжело дыша и пристанывая. Лицо ее было бледно, маленькие узко посаженные глаза смотрели в потолок. Губы что-то неразборчиво шептали. Руки лихорадочно плясали по выпуклостям грудям, и весьма неприлично сжимали то один, то другой из двух своих могучих куполов на передней части тела. Внезапно она как будто

осознала присутствие вошедших и посмотрела на них. Глаза приобрели осмысленное выражение.

– Вы, – властно сказала немка на чистом русском, обращаясь к Модесту Иннокентьевичу, – останьтесь. Все остальные – вон!

Голос был слаб, но четок и властен. Сестра повиновалась. Они остались вдвоем.

– Подойдите ближе. Сядьте рядом, – он повиновался и сел на край кровати.

– Меня отравили. Этого стоило ожидать, – спокойно и смиренно сказала низким мужским голосом старуха.

– Кто вас отравил?

– Они. Впрочем, не важно, Слушайте сюда, у нас мало времени. Я не хочу, что бы этим все это досталось. Вот – пощупайте, – и умирающая, схватив горячими старческими руками с несоразмерно массивными клешнями-хваталками длинную худую кисть Модеста Иннокентьевича, положила ее себе на одну из массивных и совсем не старческих грудей.

– Вы что?! – в ужасе закричал Модест Иннокентьевич, которого женские прелести, тем более такие не очень свежие, и раньше не особо возбуждали.

Но рука его осталась в мертвом захвате все на том же месте. «Старуха» часто и напряженно дышала. Парик сбился, обнажив редкий седой ежик на виске.

– Не дурите, щупайте. Чувствуете?! Чувствуете?!?! – голос ее перешел на свист.

Рука Модеста Иннокентьевича еще глубже вжималась в неожиданно тугую грудь жуткой старухи. Да, он определенно что-то чувствовал. Что-то продолговатое и твердое, как ему показалось.

– Они меня все предали, и потому будут наказаны. Возьмите это – там карта, ключи и миллиарды...

Внезапно голова старухи, еще минуту назад проявившей перед лицом смерти такую не женскую силу, вздрогнула как от удара пули, глаза закатились, глазные яблоки дернулись пару раз и застыли.

Модест Иннокентьевич оглянулся на дверь, потом резко откинул верхнюю часть одеяла, прикрывавшую тело усопшей, которое теперь и вовсе напоминало старого некрасивого и к тому же мертвого мужика. Седые волосы, торчащие пучками из ноздрей, щетина, провисшая морщинистая кожа на шее.

Миллиарды... Это слово Модесту Иннокентьевичу определенно нравилось! Надо не терять ни секунды! Иногда Модест Иннокентьевич мог быть весьма эффективным и быстрым. Вот и сейчас он мгновенно разобрался в ситуации. Решительно, по-гусарски разорвав ночнушку, он увидел пару накладных телесного цвета грудей в виде лифчика, пристегнутых сзади широкой тесьмой и плечевыми лямками.

Быстро сорвав с бездыханного тела жуткий муляж, он еще более удивился – под накладной грудью была еще одна – натуральная, и тоже весьма не маленькая. Размер третий. Имплантанты, конечно. Швы, хоть и качественно сделанные, были все равно видны. Операция была явно не очень давней, но удивляться косметологическим причудам этой странной «бабушки» было некогда. Модест Иннокентьевич бросил накладную грудь на пол и жадно навалился на нее обеими руками. В левой части было что-то твердое и продолговатое, правая хранила в себе предмет г-образной формы. С внутренней стороны протеза была щель, куда можно было просунуть руку. Модест Иннокентьевич запустил туда свои длинные как у музыканта пальцы и извлек полиэтиленовый пакет с небольшим футляром внутри. Извлеченный из второй груди небольшой пистолет он осмотрел и быстро вернул на место.

Футляр в кармане. Что делать? Модест Иннокентьевич прислушался – снаружи было тихо. Он быстро вернул накладную грудь на прежнее место, и прикрыл покойницу одеялом. Встал, застыл на секунду и быстро вышел из палаты. Он уже примерно знал, что делать дальше.

* * *

С точки зрения Джереми, который в это время с колотящимся сердцем наблюдал за Модестом Иннокентьевичем, тот был не орком, а редкой разновидностью откочевавших на сторону зла эльфов. Такое иногда случается. Вот вроде все есть для того, чтобы данный эльф стал полноценным и успешным представителем своего вида: родители – эльфы, и интересы вполне возвышенные и разносторонние. Ан, нет! – что-то такое происходит внутри подобного существа и чернеет оно иногда буквально на глазах, а иногда в течение долгих лет.

Здесь явно имел место второй вариант. А вот насчет старухи у него сомнений не было – типичная орка, хотя... тоже нет!... Самка жадного горного гнома, вот кто она была! Горные гномы – разновидность людей, которые с малых лет поставили себе задачу стать царем горы, не имея на это ни особых способностей, ни возможностей. Они жадны, расчетливы, и не ценят ничего кроме власти.

Наблюдая за происходящим, Джереми ощутил необычное для себя чувство редкого возбуждения. В его мире все было куда скучнее. А тут такие резкие повороты событий и самое настоящее, не киношное и не игровое, насилие. Он вдруг представил себя там, в этом самой Карассии, бурной, не спокойной и не логичной. Но такой интересной!

Вот что сейчас сделает этот самый черный эльф? Кинется искать обещанных сокровищ? А что бы сделал он сам в этой ситуации? Он вдруг осознал, как мало он еще знает об этом мире и этой безумной планете. Но он еще узнает. Интуитивный контекстный поиск – вот что ему надо! Нужны все сведения по этим людям – этой странной старухе гномихе и этому высокому эльфу с планеты Зыёрс. Нужны все сюжетные линии вокруг них! Он еще плохо представлял себе, как будет работать контекст в чуждом для него мире.. Что ж, посмотрим.

* * *

Наряд полиции уже час прорывался через пробку. И это со спецсигналом. По радиии сообщили об аварии с участием большегруза, перегородившей сразу все полосы в одну сторону. Капитан Поляков с подручными от нечего делать разговорился о даче, о рыбалке, и более осторожно – о новых властях и их инициативах. Машина, наконец, миновала место аварии, где завалявшийся контейнеровоз уже оттащили к обочине, и до места назначения оставалось минут пять, не больше.

У ворот богадельни их встретил сам главврач – испуганное унылое пугало, вечно потирающее свои длинные как у богомола лапки. Главврач, который сразу не понравился Полякову (мутный тип), быстро изложил ситуацию (сиделка исчезла, бабка померла, дело подозрительное) повел наряд к месту происшествия. Какая-то муть и ерунда, подумал Поляков.

Дверь палаты услужливо открыл сам главврач. В качестве понятых пригласили сестру-хозяйку и одну из работниц столовой. Они стояли слева от двери, главврач – справа. Когда они вошли, Поляков сразу почувствовал легкий, неуловимо знакомый запах, затем увидел стол

с коньяком и закуской, открытую дверь на балкон. И пустую кровать со сброшенным на пол одеялом.

Один из сотрудников без команды кинулся в санузел и тут же выскочил – Никого!

Поляков вопросительно посмотрел на главврача. Тот выкатил на него внезапно ставшие очень большими и очень честными глаза и молитвенно сложил руки у груди.

– Клянусь Господом, она тут была!!! Кого хотите, спросите – вот Анастасия Львовна...

Та уже с готовностью кивала головой...

– Мы ее час назад тут видели.

– Кто еще ее видел здесь и мертвую?

– Дежурная сестра, которая сменилась.

Конечно, исчезнувшая мертвая старушка – это вам не три здоровых мужика, расстрелянных в упор из свечкина и поджаренных без приправы и маринада в собственной машине. Но расстрелянных, кстати, всего в полукилометре от этой самой богадельни. Вызвали на подкрепление наряд с собакой. Та вроде бы взяла след, который вел в коридор, оттуда на первый этаж, затем шел к мало используемому туалету. Эта часть главного корпуса уже семь лет находилась в состоянии ремонта. Туалет был закрыт изнутри. Дверь взломали и увидели открытое окно.

Под окном были видны следы приземления. Здание было старым, и подоконник возвышался над землей не менее чем на два метра. Те, кто украли покойницу, были явно в хорошей форме и бабушку не уронили. Однако следы были только двух ног одного человека. Шустрая, однако, бабушка... Если это, конечно, она...

Поляков подошел к главврачу и спросил —

– Вы точно уверены, что ваша постоялица была мертва?

В черных пуговицах глаз на сером искаженном страхом лице стоял неподдельный ужас.

– Уже и не знаю... Но она там была!!! Анастасия Львовна!!! Марина Николаевна!!!

Те дружно согласно закивали.

– И пульс вы щупали?

– Да, что там щупать, мы тут на мертвых, знаете, сколько насмотрелись...

Когда закончилась вся эта чехарда с осмотром места, поездкой в полицию, где Модесту Иннокентьевичу пришлось в числе прочего лицезреть фотографии трех убитых, одного из которых не узнать он не мог. Решил, что благоразумней не врать.

– Да, вот этого видел...

– Точно он?

– Никаких сомнений.

И Модест Иннокентьевич обстоятельно изложил все, что знал. Пришлось рассказать и историю появления старушки в приюте. Естественно, без излишних финансовых подробностей.

Он подписал показания и отбыл к себе домой. Приют уже больше не казался безопасным и тихим местом, островком привычной благодати среди бушующего мира. Его теперь как вулкан, как взрывчатка разогревал изнутри посторонний объект. И лежал этот объект в надежном (надежном ли?) месте – на территории пансионата, в вертикальном углублении развилки дерева, приваленном сверху куском кирпича. Если на дерево не залезть, но и не видно. Но Модесту Иннокентьевичу с его ростом и лезть никуда не надо. Просунул руку и взял.

* * *

Контекстный поиск тут же направил Джереми в странное место. Он сразу понял, что видит что-то настолько чуждое делам и заботам его собственного мира, что напрягся и насторожился. Его чувство опасности здесь, в этой части Карассии, было еще более выраженным. Сущности, которых он наблюдал сейчас, были смесью черных эльфов и самых настоящих боевых орков. Что ж, посмотрим, как вы тут поживаете...

* * *

Квасква, древняя столица Карассии, со всех сторон окружена дачами и особняками. Их здесь десятки, сотни тысяч. Есть роскошные, практически дворцы. Есть куда поскромнее. Есть ухоженные и жилые. А есть брошенные и пришедшие в упадок. Брошенных после последних великих потрясений стало заметно больше. Есть даже целые поселки таких вот покинутых бывшими владельцами поместьев, так и не успевшими стать солидными родовыми гнездами, переходящими от отцов к детям и далее по цепочке поколений туда, в неизвестное и туманное Будущее,

В одном из таких поселков из трубы летней крытой веранды на территории вокруг не самого роскошного особняка поднимается струйка легкого дымка. Веранда застеклена со всех сторон и происходящее внутри закрыто от посторонних глаз. Во всяком случае, так думают находящиеся внутри. Высокий, трехметровый забор по периметру участка увит девичьим виноградом, таким же как в мире Джереми. На территории слоняются и скучают серьезного вида мужчины в камуфляже – охрана.

Внутри веранды вокруг огромного стола сидят пять человек. Во главе стола восседает старик с изжеванным временем, желтым, нездоровым лицом, впалыми щеками и неприятным выражением лица. Голос его хрипл, интонации выдают человека властного, привыкшего к повиновению окружающих.

– Где Семен?! Я, вас, Сергей, спрашиваю. И где объект?!

Сергей, грузный, коротко стриженный и уже седой сорокалетний человек с небольшим, но уже заметным пузом в камуфляжных штанах и тельняшке отвечал вдумчиво и вежливо:

– Не знаем пока... Этих мы тормознули. Красиво сработали... – в голосе прозвучала профессиональная гордость, – А дальше чертовщина какая-то произошла.

– Что вы сделали, чтобы разобраться?

– У пентов у нас свой человек имеется. Оттуда всю инфу получим. Пока знаем только то, что старуха исчезла.

– Вы вообще понимаете, чем это все грозит? А если ее поймут? И вообще что с ней – ее украли? Или она нас кинуть решила?!

Сергей покраснел и собрался было что-то сказать, но тут вмешался человек до этого стоявший у камина спиной ко всем. Он говорил тихо и размеренно.

– Седой, – сказал он, явно обращаясь к председательствующему, – Мы же договорились – никаких имен. Вы сами так предложили, кстати, – он сделал паузу, никто его не перебивал.

– Так вот, чтобы не произошло, мы должны держать себя в руках. Иначе нас порвут и скормят псам. А у нас всех, напоминая, есть цель, и мы должны к ней стремиться. Давайте подытожим то, что знаем. Год назад вы нашли для нашей старушки, – он выделил особой интонацией слово «старушка» – это укрытие. Все шло своим ходом. Про вас стали забывать,

и появился шанс, что вы сможете повернуть операцию в ближайшее время, когда все уляжется.

Но три дня назад кто-то узнал, где находится наша бабушка. Семен нас предупредил, и мы отработали конкурентов. К сожалению, мы так и не узнали, зачем им она нужна – для Гааги или для чего-то еще. И это твоя вина, Бегемот! Шмальнуть со ствола каждый дурак умеет, а получить из будущего трупа информацию – только умный человек.

Джеремии, наблюдавший всю эту сцену обратил внимание, что оратор употребляет поочередно сразу два местоимения, говоря о старушке и связанной с ней хлопотам. Он говорил то «ваша», то «наша» – и это выдавало в нем новенького, но уважаемого всеми присутствующими члена совещания.

Сергей, которого только что называли Бегемотом, шумно вздохнул и насупился.

– Итак, у нас две возможности: либо просто кто-то хочет нашу старушку на кукан надеть или, что гораздо хуже – кто-то в курсе всей нашей операции. А мы из-за некоторых этого не знаем наверняка, – он выразительно посмотрел на Сергея.

Тот молча сжал кулаки на столе и ничего не ответил. Стоящий продолжал:

– Надо сделать вот что – пообщаться с начальником этого заведения. Расспросить. Поедешь ты, Харон, возьмешь ксиву соответствующую и вытянешь из этой глисты всю информацию. Если нужно, напугайте, но не трогайте. Нам лишнее внимание сейчас не нужно. Хотя подожди, пока не надо. Просто не теряйте его из вида.

Теперь о старушке, Адольфовне нашей. Честно скажу – если это ее взбрык, то я не ожидал. Всегда была человеком команды. Во всяком случае, так про нее пишут в прессе (Седой на этих словах согласно закивал) Поэтому я склонен считать, что либо ее похитили, либо она сама, что-то заподозрив, сбежала.

Ее надо найти любой ценой. И средство для этого у нас есть, – тут он многозначительно посмотрел на Седого, но ничего больше не добавил.

* * *

Это совещание, свидетелем которого только что стал Джеремии, в очередной раз показало ему, что деление представителей известных ему разумных видов на эльфов, орков и более редкие типы – не абстракция, а реальность. Только что он видел и гоблина Седого, и группу боевых орков во главе с Сергеем и эту странную личность, которую никто не назвал по имени. Ведущий совещание его заинтересовал больше всего. Это был, несомненно, орк, причем редкой породы – орк-переросток. Как известно, у любого правила есть исключения. Например, считается, что привычка к чтению – признак настоящего эльфа. Статистически это так и есть, но существуют и эльфы, предпочитающие непопулярные у эльфов способы загрузки информации в организм, и орки, просто не расстающиеся с книжкой. Нам из наших земных примеров можно вспомнить персонажа фильма «Арап Петра Первого», которого играет Золотухин.

Орк, если он умный и постоянно читает, рискует попасть в скорее неприятную для себя ситуацию – стать чужим среди своих. Он понимает ограниченность своей оркской природы, но эльфом при этом не становится.

И если он действительно умен, то либо нарочито, порою пародийно, изображает из себя настоящего орка, либо ведет себя очень отстраненно. Этаким орк-аристократ или, выража-

ясь блатным оркским жаргоном – «ломом опоясанный». Сильным оркам это прощается, слабым – нет.

Он еще раз поработал с настройками контекста... и вздрогнул от увиденного.

* * *

Старые хвойные леса, а точнее бывшие лесопосадки, где деревья сажали слишком близко друг другу – мрачное место. В таком лесу темно, нижние ветви мертвы, сухи и колючи, а почва покрыта слоем толстым отмершей хвои, из-под которой то там, то здесь сылятся выбраться наружу грибы. По одному из междурядий, спотыкаясь, брела старуха с небольшим саквояжиком в руке и рюкзаком за плечами. На старухе были кроссовки и просторный спортивный костюм. Ей было жарко, и у нее нестерпимо чесалась голова под париком. И яйца. Яйца чесались особенно сильно.

Ночь она провела в лесу и с непривычки выспалась плохо. И, тем не менее, ей было чем гордиться. Ишь, кого провести задумали... Интересно, кто это все устроил?

В то, что это личная инициатива «милочки», как она при всех называла дюзего Семена, она сильно сомневалась. Тот был симпатичен, услужлив и туп, как многие из последней генерации сотрудников ПСБС. Походу, Сема еще и торчал, правда, непонятно на чем. Хотя место, где они нашли приют, было специфическим, да и несколько раз он заставлял Олечку-Семена шушукающимся о чем-то с одним из санитаров весьма неформального вида, с серьгой в ухе, этим Кириллом...

И все же, и все же... подумать на его личную инициативу в этой попытке не отравления, конечно, а усыпления чем-то наркотическим, она конечно не могла. Она-то, Карла Адольфовна в людях-то разбиралась. А иначе как? Столько лет быть капитаном этого сумасшедшего корабля, гребцом на этих античных, допотопных триерах...

И как же устала она от этой конспирации последних полутора лет! Да и, конечно, дурацкое это имечко – они явно издевались, когда придумали такое для нее. Но времени потребовать что-то более приличное уже не было – бежали они в спешке.

Да ладно имя... А эти сиськи? Хорошо еще, что все, что запланировано, не успели сделать – только губами и сиськами и обошлось. Хотя в тайне души они, эти сиськи, ей где-то даже уже нравились. Она многое вспоминала, когда ночью обхватывала их своими немолодыми и не очень женственными руками. Обхватишь и как-то успокаиваешься, вспоминаешь все хорошее, что было в жизни и засыпаешь. Ей, Карле Адольфовне, даже стало казаться, что эти бутафорские увеличенные атрибуты женского пола обрели со временем какую-то особую чувствительность... Тьфу... вот мысли-то греховные... Отцу Собакину бы точно не понравились.

И все же он должен был поблагодарить Колодина за идею с перевоплощением. Делалось все в последний момент, наскоро. Конечно, хорошо, что не довершили преобразование – времени не хватило. Хотели преобразить по-полной – сказали, так будет безопасней...

Глумились, демоны окаянные. Совсем страх потеряли под конец.

– Вот ты теперь, Адольфовна, бабушка с хуем. Гордись. Где еще такую найдешь – с хуем и такими ценными сиськами.

Она помнила, как тогда взорвалась благородным негодованием, но никто ее особо уже не слушал – недавний альфа-самец и вожак превратился в свинью-копилку, наполненную фамильными бриллиантами, которую, конечно, полагалось всемерно охранять, но особо уважать не требовалось.

А ведь было время, сапоги были готовы лизать, слизи и шакалы.

По поводу вчерашнего беспокоиться было особенно нечего. Да, он лишился такого надежного укрытия. Да, его теперь могут объявить в розыск. Да, пропал футляр, и этот тощий глист в медицинском халате теперь знает об их последнем проекте.

Ну и что? Главного он все равно не нашел. Главное было надежно укрыто совсем не в футляре. Чья это была идея? Сейчас и не вспомнить. Она с нежностью погладила свою левую грудь. Она, Карла Адольфовна, еще всем покажет, кто в доме хозяйка! Потеря футляра ее не беспокоила. То, что там было, вряд ли кому-то могло помочь, даже если те, к кому он попал, и догадаются о смысле текста и фотографий. Без нее, Карлы Адольфовны, ни у кого никакой игры не получится!

Старушка почесала свои потные тестикулы и деловито устремилась дальше к одной ей ведомой цели.

* * *

То, что это один из ключевых персонажей разворачивающейся перед ним драмы, Джереми понял сразу. Хотя еще и не догадывался до конца – кто перед ним. То, что это был гном, а не гномица – теперь он знал это четко, коварный и замаскированный под противоположный пол гном. Вот насчет целей этой телесной трансформации он был не настолько уверен. Что это – просто маскировка или осознанное решение ввиду запоздалого осознания своей сексуальной природы?

В его, Джереми, мире, телесные трансформации используют и орки и эльфы. Но цели трансформаций совершенно разные. Орк покрывает свое тело наколками, дырявит его пирсингом, вставляет и закачивает в тело самые немислимые субстанции и предметы с одной целью – поразить окружающих.

Эльфы обычно избирают сферой трансформационных экспериментов свой мозг. Но и тело тоже, стараясь, как правило, повысить его эффективность в том или ином аспекте. Нырять глубже, соображать и двигаться быстрее. Эльфы вообще одержимы скоростью. Но это не та скорость, которую любят орки.

Орк, сидящий за рулем новенького скоростного спортивного флаера (аналог нашего красного «Феррари»), испытывает нечеловеческую гордость и восторг. Эльф, закачавший в себя за день базовый объем нового для себя языка – тоже. Но ведь это разные вещи, не так ли?

Джереми вдруг почувствовал легкий озноб и головную боль. Он перегрузился чуждой для него информацией. Надо отдохнуть. Он отставил недопитый кофе и вдруг вспомнил сегодняшнюю орку. Она ему понравилась. Он никогда не спал с орками. Ни разу, хотя поводы и возможности были. А что мешало? Он не мог себе ответить на этот вопрос. Уже не боязнь

чего-нибудь подцепить точно – эти проблемы сейчас давно уже не проблемы. Может, те пьяненькие особы не привлекли его, потому что он сам был трезвый? Да какая разница!

А вот эта... он уже пожалел, что не пообщался с ней чуть побольше... Он допил кофе и направился к выходу.

* * *

Последние два дня в жизни Модеста Иннокентьевича прошли тихо и без происшествий. Страхи немного улеглись, оставив только сожаление о потере хорошей клиентки да жгучее, всеми силами подавляемое любопытство по поводу спрятанного на дереве свертка. Тащить его к себе домой или в здание он пока боялся.

Потом прошли еще два дня. И еще два. И, наконец, он решился, достал из углубления пакет и, отойдя в укромный уголок территории, быстро развернул. В пакете лежал предмет, похожий на футляр для очков, но поменьше. Он не сразу понял, как футляр открывается, а когда открыл, увидел маленькое углубление для одного единственного предмета. Сомнений не было – перед ним в аккуратно сделанном по ее размеру гробике лежала обыкновенная флешка.

И Модест Иннокентьевич рискнул – он оставил футляр на месте в дупле, а флешку сунул в нагрудный карман. В этот момент слова «старушки» о миллиардах прозвучали в ушах так, как будто сама она находилась у него над ухом.

Он закрыл кабинет на ключ и попросил его не беспокоить, сославшись на недомогание. Дрожащими и потными от волнения руками вставил в гнездо флешку. Папка на ней была всего одна и называлась ничего для него не значащим набором букв и цифр. Она была не зашифрована. Внутри лежал небольшой набор файлов с разными расширениями. Он начал с джипегов.

Первая же картинка оказалась фотографией огромной золотой статуи. Статуя была не натуральной, а искусно выполненным в графическом редакторе макетом, размещенном на фоне разных реальных предметов (танк, погрузчик, джип) – видимо, для масштаба. Без всякого сомнения, это был император Никудай Второй. Истукан был либо из золота либо покрыт золотом или позолотой. И он был огромен! Рядом стояли обычный рогатый погрузчик, танк «Ор-Мата», армейский джип, и на фоне этих транспортных средств статуя выглядела, как минимум, метров 10 в высоту.

Злосчастный император, могильщик империи, стоял в обычной своей военной форме, опираясь обеими руками на что-то типа меча.

На втором фото статуей был уже свергнувший его Полнолунин, в фуражке и френче, высоких сапогах. И он тоже опирался на меч. Чем-то рукояти мечей отличались друг от друга, но Модест Иннокентьевич проигнорировал разницу и продолжил обзор.

А вот третья статуя – Амбросий Массандрионович Стулин! Собственной персоной. И тоже опирается на меч. Странно...

Все статуи одного размера и золотые по виду. Размер – примерно метров по 10 каждая. И тут Модест Иннокентьевич кое-что вспомнил...

Три года назад, когда стало ясно, что все совсем плохо, а властями был вдруг объявлен совершенно неожиданный курс для всех курс на новую индустриализацию, либерализацию и всеобщее единение, коммунисты предложили проект монумента всем прошедшим эпохам, призванный примирить всех и вся. По замыслу их генерального секретаря, похожего на пожилое насекомое медведку, это должна быть огромная пирамида о четырех гранях, где сверху должны стоять фигуры известных деятелей прошлого. Сам генсек предложил всего троих –

Никуда Второго, видимо, как символ самодержавия, Бурьянова-Полнолунина – зарю и знамя мирового коммунизма и, конечно, главную свою любовь – усатого Амброся Массандрионовича, коммунистический символ порядка и справедливости.

Идея нашла широкий отклик в сердцах членов правящего партийного триумvirата. И на фоне ужасающей картины обнищавшей и озлобленной страны в подконтрольных властям СМИ началось активное обсуждение этого, безусловно, спасительного и актуального проекта государственной важности. Посыпались предложения – добавить Мудра Первого! Кудряшкина! Любомудрова! Столяпина! Ну и прочих – список был большой.

Первыми забраковали деятелей искусства. Кудряшкин, конечно – наше все, но не Кудряшкины определяли веками жизнь в Карассии. Потом выбыл из списка Мудр Первый. Он не устраивал ни кого. Для коммунистов он символизировал успехи самодержавия, что было недопустимо, почвенникам-изборцам претил беспощадной и варварской по их мнению рубкой бород, а также предательским поворотом к ненавистной Европе.

Осталась четверка – Никудай Кошачий Глаз, Бурьянов-Полнолунин, Стулин и текущий руководитель страны. По замыслу Буратели, бессмертного горца отечественного монументализма и Папы Карлы многочисленных изваяний по всему миру, великолепная четверка должна была стоять на вершине пирамиды высотой в 200 метров, спинами друг к другу – Никудай смотрел на Запад как на прошлое, Полнолунин смотрел на север как территорию великой мечты, Стулин – на юг, где теплые воды Индийского океана продолжали мечтать о гордом карассийском сапоге. И нынешний царьзидент – на восток, что должно было бы символизировать известный всем геополитический разворот последних лет.

В основании пирамиды должны находиться послания потомкам от пионеров, рабочих и крестьян, лиц интеллектуального труда, которые положено было бы вскрыть через 1000 лет. По склонам пирамиды должны были проходить пути зигзагом, чтобы пионеры могли в память великих дедов, которые терпели и воевали, воевали и терпели, забегать наверх, что символизировало бы собой штурм высоты, и возлагали у подножия великих вождей прошлого цветы вечной памяти и благодарности. «Деду за победу», как говорится.

Пирамида должна была побить все мировые рекорды по размерам для подобных сакральных сооружений и лечь в основу национального туристического кластера мирового класса прямо в центре страны.

И снова жаркие споры разгорелись на тему того – что же должно венчать это титаническое сооружение. Кто-то, уже и не вспомнить кто, предложил, чтобы над головами статуй в ночной темноте парил голографический треугольник, окрашенный в цвета государственного флага. Странно, но в то время уже никто не настаивал на кресте и куполах родного Скопославия.

И тут на фоне борьбы с привилегиями и в рамках новой гласности справокарасцы покусились на святое – на фигуру царьзидента. Дескать, негоже возводить статуи живым. Да и в венчающем композицию пирамидальном элементе увидели неправильную символику с давно известной и любимой всеми в Карассии банкноты.

Тут же возник и альтернативный проект – уменьшить число фигур до трех (Бог-то троицу любит) и сделать их двуликими – одно лицо смотрит на запад, в противоречивое прошлое, второе на восток, откуда приходят лучи из несомненно светлого и прекрасного Завтра. Западная сторона, таким образом, олицетворяет ошибки, восточная – добрые дела и успехи.

Пока шло обсуждение проекта, катастрофически упала национальная валюта – дубль, по всей стране пошли задержки зарплаты, кое-где проходили забастовки и народные выступления, пока, правда, без особой крови.

Вокруг строящейся площадки, куда сотни огромных карьерных самосвалов свозили щебень и камень, непрерывно ходил кругами крестный ход, протяжно молились муллы, что-то про себя шептали ребе, исступленно камлали шаманы с дальнего севера, а также далеких и задумчивых Дувы и Мякутии.

Был утвержден и проект самих статуй. Они должны были быть из чугуна с позолотой. По всей стране шел всенародный конкурс на лучшее послание потомкам, бородатые и не очень бородатые тележурналисты и обозреватели обещали наступление Золотого Века сразу, как только грандиозный курган (в целях экономии было решено сделать не пирамиду, а курган) будет построен, статуи водружены, и в стране наконец-то наступят всеобщий мир, единение и процветание, с блинами, икрой и медовухой.

И вот курган уже почти насыпан в рекордные сроки (бюджет, правда, пришлось увеличить в три раза), утвержден проект статуй, ударными темпами льются сами изваяния. И тут происходит то, о чем все знают – ядерный взрыв. Ядерный взрыв, уничтоживший и металлургический завод, и сами статуи. Убивший три с лишним тысячи человек и поставивший мир на грань ядерной войны.

Когда ужасная новость только просочилась в Интернет, было непонятно – что же произошло? Говорили и о халатности военных и о предательством нападении блока АДО и еще о черт-те чем-то. На всякий случай были объявлена мобилизация и комендантский час. Затем поступила официальная версия – «по предварительным данным, имел место ядерный теракт с детонацией штатного ядерного боеприпаса, перевозимого по железной дороге». Ток-шоу на ТВ взорвались возмущенными криками и угрозами в адрес «безвестных врагов». По всей стране прокатилась волна арестов террористов из организаций, «запрещенных в Карассии» и их пособников. В течение двух недель были арестованы семь тысяч человек.

А затем наступил коллапс. Все произошло быстро и неожиданно. Часть воинских частей не подчинилась команде о передислокации. В другом месте военные отказались подавлять выступление рабочих, оставшихся без зарплаты. И началось... А затем, в один прекрасный день, выяснилось, что все дремлевское начальство куда-то исчезло. Вместе с остатками золотого запаса, целой тысячей тонн золота!

Модест продолжил знакомство с фотографиями из папки. Ого! Следующее же фото его ошеломило. В огромном цеху талями поднимали для погрузки стацию. В том, что это реальное фото сомнений не было. Это был все тот же Никудай Кошачий Глаз, но какой!!!

Вместо статного человека, каким был этот бестолковый император, цепи обмотали что-то напоминающее скорее шоколадного Дела Мороза – дородного, с толстыми огромными ногами и расширением в центре. Карикатурные ручки были сложены на груди. Только по усам можно было опознать державного любителя стрелять ворон и кошек. Цех был плохо освещен, но в дальнем углу виднелись две другие статуи в лежачем положении. Модест Иннокентьевич не мог поверить своим глазам – каким огромным было разительное отличие отлитых истуканов от утвержденных проектов.

Да, вот и Полнолуний со Стулиным – такие же деды морозы. Нет, пожалуй, гномы.. Золотые или золоченые, карикатуры карикатурами.

Модест Иннокентьевич вытер рукавом внезапно вспотевшее лицо и выдохнул... Перед глазами встало лицо старухи. Не может быть... А если таки ДА?

Перед воспаленным воображением Модеста Иннокентьевича всплыла ясная как день картина: никто ядерной бомбой статуи не уничтожил, ведь сам их вид указывал, что отливали их совсем для другой цели. Ну и пропажа двух третей золотого запаса...

Как бы все логично и стройно, но вот вопросы, которые тут задал себе осторожный Модест Иннокентьевич:

Зачем тогда было вообще возиться с этой отливкой, если золото в слитках проще и вывезти и продать?

Какая тебе польза, Модест, от такого знания?

С ранней юности имеющий особую страсть к авантюрам Модест Иннокентьевич всегда очень остро чувствовал ту грань, за которой кончается приключение и начинается настоящий риск. И три трупа в сожженной машине были этому весьма убедительным подтверждением. Нет, даже если он узнает, где находится это золото, дергаться бессмысленно и крайне опасно. Разве что... можно продать информацию за достойные деньги! Что такое достойные деньги, он сообразит позже.

Что же тут есть еще?.. А вот еще несколько фотографий. Те же «гномы», так их про себя окрестил Модест Иннокентьевич, но уже в странном месте со сводчатым высоким потолком. Потолок белый, беленый либо покрашенный в белый цвет, с торца помещения ближе к потолку видны потеки. Какое-то бомбоубежище, подумал Модест Иннокентьевич...

Он быстро набрал в Бигле слова «золотой запас» и «пропал». Да, пропало почти 1000 тонн золота. Он нашел текущую цену и впечатлился. Интересно, а сколько будет хотя бы 5% от этой суммы? Сумма ему понравилась. Ну, ведь не убьют же гонца с добрыми вестями, если он попросит скромнее 5%. Всего пять!!! Да и закон про вознаграждение в 25% вроде бы никто не отменял. С законами, правда, в стране Карассии всегда было не просто.

Формально страна вернулась к исполнению старой, конституции, принятой после развала Сколенского Встаюза. Масса законов, принятых за последние 20 лет, была отменены полностью или частично. Действовали декреты, без особого обсуждения принятые новыми властями, которые тут же отменялись новыми декретами. Вокруг царила жуткая неразбериха. В общем, о 25% вознаграждения говорить было пока рано.

А Модест Иннокентьевич, тем не менее, уже размечтался... Перед ним мелькали картины то солнечной Италии, то напоенной поэзией античности Греции, то знойного полуночного Тайланда. Он, в конце концов, совсем не стар и вполне здоров. Всего-то 53 лет! Жизнь только начинается... Модест, нас ждут великие дела... И он кликнул по файлу в формате DOC.

Файл начинался небольшой таблицей

Л – юг – Николай – Семен -...

С – север – Виктор – Косой -...

Н – восток – Алексей – Марк -...

Р – запад. – Виктор – 007 -...

Чуть ниже фраза: «поиск каналов, общий сбор по коду»

И нигде никакой карты, ни обещанных ключей. Все.

Что за код, какой сбор и для чего Модест Иннокентьевич понять не мог. А вот таблица наводила на некоторые размышления...

Допустим, чтобы не класть яйца в одну корзину, золото решено спрятать в разных местах. Например, некто Николай (вряд ли это настоящее имя) везет своего истукана в какое-то место на юге (от чего?), затем некто Семен мочит этого ненужного уже Семена, а затем еще некто инкогнито мочит уже Семена. Красиво и просто.

А что такое тогда сокращения? Допустим опять же. Что Л, С и Н – это Полнолуний, Стулин и Никудай. А «Р», например, слитки россыпью. И никакого намека, где это все можно искать... Загадала загадку «старушка» Адольфовна...

Модест Иннокентьевич попытался прикинуть, сколько весили золотые пупсы. Получилось, максимум по 100 тонн каждая. То есть их вполне можно было увезти как поездом, так и в обычном контейнере. Это расстраивало, но и давало некоторые намеки. Например, известен город и предприятие, где должны был отлить статуи. Известна дата взрыва. Значит, если их отливали именно там (а где еще?), то вывезли их за несколько дней или часов до взрыва. Взять что ли отпуск по болезни? Теоретически это возможно, но есть и неприятные соображения.

Во-первых, где гарантия, что данные с флэшки не скопировала «сиделка», которая куда-то исчезла?

Во-вторых, нет доказательства и того, что сама Карла Адольфовна мертва, а не сбежала.

* * *

Так получилось, что в Карассии к середине второго десятилетия 21 века практически исчез здоровый и веселый цинизм. Нет, циников стало даже больше, но каких-то озлобленных и внутренне неуверенных в себе. Они больше походили не на античного южного пана, веселого, пьяного и беспечного, а на желчного северного тролля с большой напуганной печенью, объевшегося чем-то не свежим и опасно ждущего, что вот-вот сюда явится стая быстроглазых эльфов со смертельными луками.

Троллей было много, неповоротливые и злобные, они все больше отставали от скорости окружающего мира, и как встарь, пытались объяснить происходящее при помощи мифов – простых и понятных. Теории заговоров вокруг цвели как никогда.

Веселому цинику в такой сумрачной стране было одиноко как когда-то Диогену. И ведь не выйдешь с фонарем и не скажешь: «Ищу человека» – те, кому положено, тут же признают это одиночным пикетом, запишут в пятую колонну, а суд, далеко уже не «самый справедливый суд на свете», даст даже не двושечку, а целую пятерочку.

И когда весь этот странный постмодернистский Мордор вдруг рухнул как карточный домик, а веселым циникам вышла полная амнистия, они даже растерялись. Мир вокруг был голодным и бестолковым как весенняя полянка, где стая ворон и сорок билась за скучную добычу – не свежий батон, выпавший из порвавшегося пакета подвыпившего прохожего. Билась в меру зло, вполне весело и местами весьма нецензурно.

А еще ушедшая эпоха оставила куда более ценные артефакты и способы заработать, чем сохшийся как обвисшая нефте-газовая сиська и рынок свободных вакансий. Особенно для настоящего романтика и творческой личности, не готового на компромиссы.

Было раннее утро погожего солнечного дня, когда в уездный город Н въехал на попутке молодой человек с черной щегольской щетиной и пронзительным внимательным взглядом крупных широко посаженных глаз. Вид его был задумчив и серьезен. В руке он держал небольшой чемоданчик. И хотя приезжий имел вид командировочного, кто в здравом уме может устроить командировку в город, где естественный фон до сих пор заметно отличается от нормы? Ведь отсюда до эпицентра недавнего ядерного взрыва меньше сотни километров. Значительная часть населения, из тех, кому было куда и к кому уехать, уехала, оставшаяся влачила какое-то непонятное существование. Впрочем, электричество было, коммунальные службы как-то теплились, и даже часть магазинов и баров продолжала работать.

Отпустив такси, приезжий, никуда не спеша, прошелся по центральной улице, внимательно разглядывая редких прохожих и строения. Вот гостиница, по виду действующая, но с баннером на одном из окон второго этажа с красноречивой надписью «for sale». Вот вывеска агентства недвижимости. Он сверился с какой-то записью в своей записной книжке и отрицательно покачал головой – не то.

Сторонний наблюдатель легко мог бы сделать вывод, что гость города интересуется местной недвижимостью, что само по себе уже выглядело странно. Но эта догадка была бы верна лишь отчасти. Да, он искал некое агентство недвижимости, но ничего в этой выморочной местности приобретать не хотел. Он сюда приехал совсем за другим.

Выпив кофе и перекусив в пустом кафе здесь же на центральной улице, гость продолжил поиски, прибегнув к помощи местного населения. И местное население не подкачало – какой-то тощий дядька в выцветшей рубашке с обтрепанным воротником вокруг жилистой морщинистой шеи указал ему точный адрес, попутно удивившись, кому и зачем могло понадобиться хоть что-то из местной недвижимости.

– Что Вы! У вас же здесь Клондайк возможностей. Вы скоро все это почувствуете на себе!
Обнадежив, таким образом, случайного прохожего, он поспешил по указанному адресу. Это было совсем рядом.

И вот оно – агентство недвижимости «Мастино Риэлтино» с несколько фривольной табличкой, набранной вычурным шрифтом и логотипом в виде упитанного мордастого пса.

Агентство было открыто. В приемной никого не было, хотя по оставленному на столе стакану с недопитым чаем было видно, что секретарша выскочила куда-то совсем недавно. В помещении кроме секретарского были и еще два рабочих места, но эти компьютеры и столы выглядели несколько заплыено.

Зарешеченное окно было открыто, снаружи доносились голоса птиц и отдаленное жужжание какого-то случайного для этих унылых мест автомобиля.

В помещение помимо входной имелись еще две двери, обе без табличек. Он наугад постучал в ту, что была слева, и попытался ее приоткрыть. Тщетно, дверь была закрыта на ключ. Он направился, было, ко второй, и тут же почувствовал чье-то присутствие. Он обернулся и вздрогнул – перед ним стояло столь обворожительно и юное создание, что мысли о радиации, которые подспудно, как естественный фон, присутствовали в сознании, тут же куда-то исчезли.

– Здравствуйте... – удивленно протянула девушка – Вы к кому?

– Я в ваше агентство, куда же еще! – гость полез в нагрудный карман за визиткой.

По-японски, двумя руками, слегка изогнувшись, он протянул визитку хозяйке помещения:

– Пендюрин, граф Пендюрин! – и он внимательно посмотрел в чистые серые глазенки напротив..

Так... сейчас она прочтет название его конторы. Прочла, в глазах что-то проявилось, но лишь на миг. Или настолько неиспорченна и непорочна, или... та еще стерва!

– Лиза, агент. «Пендюрин и Засандальский»... И чем ваше бюро занимается, граф? – в голосе девушки была еле слышная насмешка.

– Решаем вопросы со спорной недвижимостью. Реституция, ускоренный вывод из люстрационных списков, снятие арестов с имущества коррупционных династий, – он продолжал внимательно ее внимательно изучать. При этих, неприятных для многих словах ее лицо ничуть не изменилось. Или... что-то все-таки что-то промелькнуло по ее свежему личику.

– И что же вас привело именно в наше агентство, ваше сиятельство? – девушка мило ему улыбнулась чтобы смягчить насмешку и спокойно заняла свое место напротив входа. Значит, секретарша или агент... Только не ей... Он непринужденно уселся на скамейку для гостей и в шутовском тоне понес заранее заготовленную пургу о том, насколько недооценена недвижимость в их райском уголке.

– ... и если у вас застопорились продажи, то это исключительно временное явление...

– Я вам открою правду, – она сделала паузу, – У нас уже два месяца нет никаких продаж. Вообще нет.

– Да? – он сделал удивленное лицо – А что думает по этому поводу ваш директор?

– Вы знаете, мне кажется, что ей все равно. А меня такая ситуация устраивает. Вот сижу и учу бухгалтерию, может, к осени, когда Виктории Сергеевне надоест мне платить непонятно за что, двину куда-нибудь, где есть жизнь...

Зазвонил телефон на столе. Девушка вздрогнула и посмотрела на телефон чуть ли не с испугом. Помедлив секунду и удивленно взглянув на собеседника, взяла трубку.

– Добрый день, Виктория Сергеевна! У нас? У нас все нормально, – она взглянула на «графа».

– Виктория Сергеевна, а у нас тут в офисе гости! Граф. Какой-какой! Самый настоящий. Граф Пендюрин, собственной персоной. Нет, я не шучу. Все так и есть. Говорит, что у нас тут Клондайк, – голос девушки звенел и искрился как лесной ручеек. Даже такое прожженное существо как «граф» попало под это обаяние и начало забывать, зачем оно здесь, но девушка уже обратилась к нему:

– Возьмите трубочку, граф. Виктория Сергеевна вас просит...

Он начал сухим деловым тоном:

– Добрый день, Виктория Сергеевна, рад знакомству. Агентство «Пендюрин и Засандальский», а я – Виктор Ондерович Пендюрин, инвестиции в недвижимость, защита от незаконных люстраций, спорные вопросы наследования.

На том конце провода явно напряглись. Отточенные интонации отдавали одновременно холодком и хорошо скрываемым любопытством. Но он знал, что сказать.

– Виктория Сергеевна, я не до конца уверен, но возможно, у меня есть к вашей компании предложение. И это не телефонный разговор.

При этих словах Лиза опустила глаза в стол. Он пригласил руководительницу агентства в кафе на ее выбор или изъявил готовность пообщаться у нее в офисе. На том конце провода задумались...

– Виктор Ондерович... А где вы остановились?

– Еще нигде, а где бы вы посоветовали?

Она назвала ту же гостиницу, которую он уже встречал.

– Хорошо, значит там и остановлюсь.

Когда она узнала, что он всего на сутки, она еще раз задумалась, и голос заметно потеплел:

– Виктор Ондерович... Жалко, что так получилось, но сегодня ко мне приезжает старый знакомый. Да и посиделки были запланированы у костра. Давно не виделись, все такое. В общем, все одно к одному. Может, вы к нам заглянете, посидим, да и уделим полчаса вашему предложению.

Она назвала адрес и время.

– Лиза... Вы знаете, я обычно очень хорошо определяю возраст людей по голосу. Но тут осечка... Сколько вашей начальнице лет?

Он врал, досье на Мелехову Викторию Сергеевну, 48 лет от роду он собрал и выучил наизусть. Игра началась не сегодня. Но в чем он не покривил душой, так это в том, что если бы он не знал точно ее возраст, то легко бы мог ошибиться, просто услышав ее голос. По телефону он смог дать ей всего 35.

* * *

По дороге Джереми решил заглянуть на городской пляж. Днем это было вполне приятное место. Река протекала в километре от старого города. Огромный ухоженный парк раскинулся вдоль ее берега на пять километров. Полотенца и плавок при нем не было, но он знал места, и не одно, где ему ничего из этого не понадобится. Он прошелся по еле заметной тропке среди ив и оказался на крутом галечном берегу ниже пляжа. От посторонних глаз его скрывают нависающие к воде ивы, от катающихся на лодках – их собственная увлеченность процессом отдыха. Он разделся, зашел по колено и прыгнул в воду. Несколько гребков под водой и он начинает всплывать. Свет, плеск воды, приятная пресная прохлада. Вокруг по поверхности плывет какой-то пух. В небе над ним пролетела стая ворон.

Он посмотрел на берег и увидел, что его сносит. В этом месте течение ровное и сильное. Он повернул к берегу. Чтобы попасть на место, где лежала его одежда, пришлось приложить немалое усилие.

Он, шатаясь, вышел на берег и услышал смех. Тихий смех. Приятный и почему-то знакомый.

Он оглянулся. На горизонтальном стволе ивы, практически над водой сидела она, его сегодняшняя знакомая.

– Ой, что это? – шутливо пропела она – Мы застеснялись, да?

– Вода холодная, – коротко ответил он.

– Я вижу... – она снова засмеялась.

– Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду.

– А откуда ты знаешь, что я буду здесь?

– А куда тебе деться? Ведь я-то тут!

Он помолчал и посмотрел на нее. Да, она симпатичная. Его к ней точно влечет. Но что-то в ней есть такое, что его всегда пугало во всех орках. Какая-то невербализованная, не помещенная в ясное место осознания опасность. Вслух же сказал:

– Ты красивая.

– Ты тоже.

Ему вдруг стало очень приятно. Настолько, что он постарался это скрыть.

– Как твой знакомый, нашла?

– Нашла... Козел он! С тобой лучше.

В ее голосе он слышал и насмешку и... симпатию. Во всяком случае, ему бы хотелось ее услышать. Он представился:

– Я – Джереми, студент, занимаюсь пока сам не знаю чем. Живу чаще всего в лаборатории института, где подрабатываю сторожем. А ты кто?

– Я же тебе говорила – орка на пособии. Странствующий голубь, разносящий миру послания и приветы.

– И что ты принесла мне? – у него при этих словах сладко свело низ живота. Он уже успел взять в руки для одежды чтобы одеться и теперь стоял в двух метрах от нее.

– Иди сюда...

То, что произошло потом, он будет вспоминать всю жизнь, долгую-преддлгую жизнь странствующего эльфа. Эти безошибочные и такие простые действия девушки, которую он видел второй раз в жизни, потрясли его всего – временами он казался себе пустым сияющим шаром, парящим над бушующей бездной. Она выжсала, опустошила его на три раза без остановки. Он стоял весь мокрый от пота, ноги дрожали, в голове звенело.

– Ну что, иди еще искупайся, я подожду.

Он взял ее за обе руки и заставил встать. В своих глазах он чувствовал слезы.

– Что ты со мной сделала?

– Что, твои эльфийки так не могут?

– Не могут, – честно признался он и удивился этой мысли. Всем известно, что хорошие девочки умеют делать все то же самое, что и плохие, но лучше. Но не в его случае.

– Иди-иди в воду, – довольно засмеялась она, – Я жду.

Он, пошатываясь, спустился по камням и упал в прохладные воды. Слегка отплыл в сторону и посмотрел на сидящую на стволе фигурку. Его жизнь только что совершила резкий и интересный поворот. Который вряд ли что-то серьезно изменит (так его учили), и все же...

** * **

Социальные потрясения, когда не подвергаются до конца сомнению базовые человеческие ценности типа частной собственности, но при этом большое количество вчерашних хозяев жизни вдруг становится преступниками и объектами преследования – безумно прекрасное время, особенно если знать, что делать и отбросить при этом излишнюю щепетильность. Граф Пендюрин Виктор Ондерович, как любил называть себя наш герой, это понял уже с год как, и к описываемому в нашей летописи времени удачно провернул пару-тройку интересных операций, касающихся имущества и овуаров членов семейств одного бывшего полковника МНДВ, бывшего руководителя района и даже одной особы, еще вчера наводящей страх на жителей небольшого городка. Конечно не один. И не всегда подручные действовали по его плану. И не всегда все получалось, как он хотел, но даже этот небольшой опыт убеждал, что дело, которым он занимается, в высшей степени перспективное и порой даже приятное. Главное – найти

жену или дочь бывшего хозяина жизни. А дальше – по обстоятельствам. Вот одна из рабочих схем: Для начала нужно немножко или не очень угроз (не от себя лично, а через помощников), затем нужное количество личного обаяния и участия, и вот он уже – принц на белом коне и спаситель. То, что в результате опекаемые лишались значительной части «нажитого непосильным трудом», его не заботило – ни практичных «насосалок», ни заносчивых девочек-мажорок, ни холеных матрон ему не было особо жалко. Он даже чувствовал себя немножко таким Кудряшкинским Бобровским или Робин Гудом.

В пыльном номере гостиницы, отвыкшей от гостей, юный граф (а что такое 27 лет, как не вторая фаза юности?) принял душ и сменил одежду. В отличие от своего земного собрата по романтическим мечтаниям о несметных богатствах и белых штанах на тропическом пляже и, кстати, чем-то на него похожего даже внешне, Виктору Ондеровичу было во что переодеться. Он выбрал шорты и легкую, даже неприлично яркую гавайку и сандалии. С собой взял только барсетку с самым необходимым.

Дом на окраине городка нашелся быстро. До времени назначенной встречи оставался почти час. На противоположной стороне улицы чуть в стороне быстро обнаружилась удобная скамейка, откуда хорошо был виден высокий забор нужного дома напротив. Дом был ничем не примечательным кирпичным двухэтажным особнячком, отделенным от улицы не только забором, но и невысокими деревьями.

Не успел Виктор Ондерович сосредоточиться на теме будущего разговора, как его внимание привлек высокий человек, неловко бредущий по тропинке, заменявшей тротуар. Он явно что-то искал, вглядываясь в адресные таблички на домах и заборах. Дойдя до дома №88, он остановился, оглянулся вокруг, а затем зачем-то направился к скамейке, где сидел Виктор Ондерович. Перейдя дорогу, он снова огляделся вокруг. Он был похож на подслеповатого журавля или богомола, когда стоял и немножко неуклюже и недоверчиво смотрел вокруг. Его внимание привлекла машина, медленно ехавшая по дороге. Он вдруг ускорился и, не испросив разрешения, плюхнулся на другой конец скамейки.

– Добрый вечер, – по приветствовал его Виктор Ондерович.

Тот, не отрывая настороженных глаз от машины, которая в этот момент еще больше замедлилась, ответил коротким выразительным «здрассте», не располагавшим к продолжению разговора. Машина, между тем, уже, можно сказать не ехала, а кралась. Стекла были затемнены, и сколько человек внутри, сказать было нельзя. Сосед по скамейке явно нервничал. Виктору Ондерович машина тоже чем-то не понравилась. Но вот машина вдруг набрала скорость и укатила дальше на выезд из городка. Сосед облегченно вздохнул и взглянул на соседа по скамейке. Потом, глухо откашлялся и заговорил:

– Времена-то нынче какие... Темные времена!

– Вы не к Виктории Сергеевне, случайно? – неожиданно для себя спросил Виктор Ондерович.

– К ней самой, – глухо отозвался собеседник и тревожно взглянул на соседа по скамейке. Виктор вскочил и галантно представился:

– Граф Пендюрин, Виктор Ондерович. Поверенный по сложным юридическим вопросам и проблемным инвестициям.

Выбранный вариант представления произвел должный эффект. Собеседник внимательно оглядел его, затем тоже вскочил, и слегка изогнувшись, протянул Виктору Олеговичу свою огромную, худую и вялую ладонь.

– Модест Иннокентьевич Шатановский! Профессор психологии.

Он еще раз тревожно оглянулся, что не укрылось от внимания Виктора Олеговича, и предложил:

– А давайте уже пойдем, а то Викочка нас, поди, заждалась.

* * *

Мозг отличается от примитивных допотопных компьютеров тем, что это принципиально многозадачная система. И если через виртуальную черную дыру подключиться к иной реальности, правильно настроив Контекст, то мозг может загружать в себя массу процессов и событий одновременно. Конечно, не совсем в мозг, а в Дубликат. Дубликат – это персональная мыслительно-запоминающая часть Облака (или по другому, Личное Облако), где часть информации и процессов можно употреблять в одиночку, а можно расшарить для кого-нибудь еще. Дубликат значительно расширяет мыслительные способности и возможности работы с большими массивами информации. Это не просто хранилище данных, и даже не средство быстрого доступа к ним, а виртуальная машина для обработки данных на ходу, но последнее доступно уже не для всех.

Когда эльф подключается к своему Дубликату, он, как некоторые любят выражаться, становится Хэльфом, почти полубогом. Эта технология абсолютно недоступна оркам, и известна, не говоря уже о доступности, далеко не всем эльфам. И на это есть причины. На орков Дубликат действует часто весьма негативно. Им то хочется свергнуть ненавистных «поработителей» -эльфов, то хотя бы возвыситься над себе подобными, воспользовавшись открывшимися блестящими возможностями. Не в коня корм. Часть эльфов тоже смотрит на эту технологию подозрительно. Некоторые не хотят возможного контроля со стороны Большого Брата через Облако, другие считают, что и их сил вполне хватает для любых стоящих перед ними задач.

Но вся эльфийская элита давно уже определилась в этом вопросе – без Дубликата в наше время никуда! Он, Джереми, получил доступ к Дубликату довольно давно, хотя и не совсем законно. Сейчас там, в его Дубликате хранилась вся его работа по наблюдению за безумной планетой и той странной страной Карассией, к которой почему-то прилип луч его внимания.

Он и Эни неторопливо брели по тропинке в сторону центра

– И что ты планируешь делать дальше? – неуверенно спросил Джереми.

– Ты хочешь сказать, мы? – она смотрела себе под ноги.

– Хорошо, мы...

– Вот! Уже лучше. Тогда слушай... – какой же у нее приятный голос!

– Я хочу, – паузы между словами были намеренно длинными, – чтобы ты показал мне свою работу.

Он заколебался... Во-первых, это прямое нарушение и обычных должностных инструкций и правил конспирации его Ордена. Во-вторых, как и что он ей может показать? Помещение, где он сидит, когда выполняет работу сторожа? Или лаборатории?. И что она там поймет? Он решил уточнить.

– И что ты хочешь посмотреть? Понимаешь, там у нас ничего такого большого и блестящего нет. Обычные помещения. Полутемно и скучно.

– Полутемно, говоришь... А души там есть?

Он задумался. Души там был. И запасной ход, по которому он легко мог ее провести в лабораторию. И день сегодня выходной. Все в отпусках или командировках – шанс нарваться ничтожно мал. Сегодня смена Джима – орка-качка, с которым у него неплохие отношения. И тот сам таскал на пост девочек ночью «посмотреть уматные видяхи».

– Душ есть. Ладно, пойдём...

Они шли молча. Он думал о том, смог бы он показать ей ту страну из другого мира. Если подключить ее по временному протоколу к его Дубликату, то кто знает... может и получится. Вот только зачем? Но последний вопрос как-то растворился сам собой – он живо представил институтский души в подвальном этаже, их там вместе, и почувствовал, что начинает выглядеть не очень прилично. Он осторожно и медленно выдохнул, чтобы расслабиться.

С тех пор как в верхних слоях атмосферы появились флаеры, необходимость в камерах наблюдения отпала. В институте их точно не было. И Джиму за привод девочек ни разу ничего не было. А тот территорией вахты явно не ограничивался. В души они точно там ходили. Но что насчет Эни? Какой у нее статус для недреманного ока из Высокого Неба? Он решил рискнуть. Он покажет ей свою работу, он уже придумал как.

* * *

Все революции губительны в первую очередь для инфраструктуры. Глобальный катаклизм, пронесшийся над страной еще так недавно, и уже гордо именуемый «революцией», пока не принес видимых сладких плодов, а вот последствия разрушений еще сказывались везде и во всем.

Мир вокруг, безболезненно отказавшийся от свихнувшегося поставщика сильно потерявших в цене и ценности углеводородов, ничего не замечал, а вот сама страна победившей Революции Кактусов, как часто называли произошедший переворот журналисты, смертельно страдала от физической нехватки наличности. Не работали и многие сервисы, ранее вполне доступные для людей со связями и деньгами.

Например, когда до зарезу нужно кого-то найти. Это легко сделать, если разыскиваемый оснащен особым маячком. Маячок настроен на сотовую сеть и имитирует абонента, но, по сути, абонентом не является. В сети он виден как странный короткий сигнал, выдаваемый с периодичностью раз в час. И если в техслужбе нужного оператора есть свой человек, то отследить примерное местонахождение такого человека можно. Еще проще это сделать при помощи специального оборудования.

Карла Адольфовна не знала, что неприятные ощущения там, сзади, над мошонкой – не недолеченный простатит и не травма при неудачной посадке мотодельтоплана, а вшитая через прямую кишку во время операции по созданию женской груди «торпеда» -маячок, вставленный соратниками по операции «Саркофаг».

Не знала она и того, что система наблюдения уже месяц работала с перебоями. Новая власть, устроившая отвратительное, бессовестное судилище над чекистами всех поколений, уничтожила и материальную базу для наблюдения, уволив последних спецсотрудников. И сейчас соратники по новому подполью тщетно пытались выйти на след Карлы Адольфовны через обычных штатных сотрудников сотового оператора.

* * *

Сама же Карла Адольфовна в это время пребывала в тихом и таком мирном летнем лесу. Не надолго выйдя из леса и купив себе еды, питья, спальник и одноместную палатку, спортивная коренастая старуха снова углубилась в лесную чащу. Надо было отсидеться и все обдумать. Купленная колбаса оказалась редкостно мерзким вариантом импортозамещения, фруктовый напиток «Дюшес» пусть и напоминал о далеком фидербургском детстве, но не особо радовал, а тренажерный костюм, хоть и будил воспоминания о славной спортивной юности, но не добавлял сил. Все-таки она была не молода. И так ужасно одинока!

Новенькая одноместная палатка камуфляжной расцветки стояла на берегу небольшого лесного пруда, к которому склонились ивы, закрывая и берег и саму палатку. Карла Адольфовна возлежала на расстеленном спальнике и пыталась выработать план действий. Но куда ни устремлялась ее усталая и тревожная мысль, везде мерещилась засада. В предыдущую ночь ей снились кошмары.

Она шла по пустыне, окрашенной в закатные цвета тяжелым багровым солнцем. Шла, избегая возвышенностей и слегка петляя, но при этом четко выдерживая направление. Там, впереди, где-то совсем недалеко ее ждал вождельный конец пути. Путь внезапно преградил высокий бархан. Она карабкалась по уходящему из под ног багровому песку все выше и выше, и там, на вершине, наконец-то увидела ЭТО. Сердце учащенно забилося. Впереди, совсем близко, возвышался высокий курган. Его склоны были покрыты цветами. Это были розы. На самом вершине возвышались три фигуры, окрашенные закатом в необычный вишневый цвет. Она оглянулась – вокруг никого. Ни шума ветра, ни крика птиц. Тишина и закат. И три фигуры на холме. Вот они... Карла Адольфовна кинулась бежать вверх, поминутно спотыкаясь, падая на карачки, одышливо всхлипывая. И вот она наверху. Три дорогих ее сердцу золотых изваяния смотрели на нее сверху вниз. Но что-то с ними было не так.

Ближе всего стоял пожилой мужчина с длинными волосами и грубым, искаженным страданием лицом. Где-то она видела это лицо, совсем близко, и так недавно! Она заметила, что фигура медленно поворачивается вокруг своей оси, издавая легкий мелодичный скрип, больше похожий на стон.

И вот фигура повернулась – сзади между золоченых ляжек торчал глубоко засаженный нож, и по блестящей поверхности вниз, до самого основания тянулась полоска крови. Это была самая настоящая кровь, в этом не было никаких сомнений. Карле Адольфовне стало страшно, а изваяние, завершив оборот, уперлось в нее своими печальными глазницами бедуина-мученика и издало такой душераздирающий скрип, что Карла Адольфовна развернулась и побежала вниз, споткнулась и растворилась в пучине утробного первобытного ужаса...

Проснувшись, она долго не могла успокоить бешено стучавшее под не молодыми ребрами и толстым слоем силикона сердце. Уснув, она снова обнаружила себя в жутком сновидении – все в той же страшной пустыне. Со всех сторон ее одинокое усталое тело окружал ужасно, как ни странно, сторона, где стояли жуткие монументы, пугала уже меньше всего. Ведь там, наверху, ее ждал ОН. И это был не замученный врагами полковник-пустынный, а САМ. Презиарх! Генералиссимус! В гимнастерке, сапогах, с усиками, добрый и великий. И он тоже страдал. Но не так как тот, с ножиком между ног. Это была не боль, а скорее обида.

Великий вождь смотрел ей прямо в сердце. А она тут, посреди сна, как-то вдруг уменьшилась, и снова стала тем мальчиком с пионерским галстуком на тощей шее, идущим с первой

тренировки. Огромное металлическое усатое лицо в вышине зывало к нему, пионеру – Ты должен! Ты сможешь!!!...

Статуя скрипнула и медленно повернулась. Сзади, между могучих ягодиц Вождя торчала лампочка. Обычная лампочка ватт на 100. К ней вела приставная лестница. Он, не задумывая, поднялся наверх. Запыленная лампочка освещала письма, покрывавшие монументальный зад статуи, ее спину и ноги. И это были имена. Он, пионер Вольдик, откуда-то знал: слева были имена врагов народа, справа тех, кто с ними боролся. И он знал, что должен сделать. Ее надо было вырвать, эту ненужную лампочку. Никто не должен читать эти ни кому не нужные и вредные пасквили! Маленького пионера переполняла любовь к Вождю. Он схватил этот ненавистный светящийся светом Ильича огненный шарик голыми руками. Стало ужасно больно, но он не отпустил, а подпрыгнул и уперся обеими ногами в могучие твердые ягодицы Вождя Народов, и лампочка вышла с легким щелчком, и какая-то теплая струя унесла пионера далеко-далеко, туда, где безопасно и совсем не страшно...

Ночной лес вокруг молчал. И сейчас, в непроглядной лесной темноте, проснувшись после очередного сна, Карла Адольфовна, четко понимала, что делать. Она, Карла Адольфовна, была вновь полна сил и готовности прожить эту свою новую жизнь назло всем. Внезапно наступившая эрекция лишь укрепила ее в этой мысли и она, улыбнувшись и нежно приласкав напоследок свои груди, мирно отошла ко сну без сновидений до самого утра.

* * *

– Это что такое было? – Эни подняла на него свои широко раскрытые от удивления глаза, – Как это понимать?

Она была в явном замешательстве. Привычная ее уверенность и легкость куда-то испарились. Он только что показал ей и жуткую «старуху» и ее сновидения и чувства, и одновременно – разговор на скамейке двух пока незнакомых или мало знакомых ему самому личностей в зараженном радиацией городе.

– Ты просила показать тебе мою работу. Я все-таки думаю, я надеюсь, что это она и есть...

– Это что, что-то, что заменит фильмы?

– Ну, я думаю, это могло бы заменить фильмы. Но это – другое. То, что ты видела только что, происходит в другом мире. Очень далеко отсюда, настолько далеко, что даже думать о расстояниях смысла нет.

– Допустим... А зачем вы все это делаете?

Ему пришлось импровизировать. Он сам пока не очень знал, зачем он все это смотрит.

– Например, для того, чтобы на примере других цивилизаций понять, чего делать не надо.

– Слушай, а почему они там такие же, как мы?

– Такие же?

– Конечно, это же те же эльфы да орки, все как у нас. Прикид, сам понимаешь, не в счет.

Он согласно кивнул и задумался. Он не знал, как ей объяснить про множественность призрачных миров. Но попытался. Она внимательно слушала его, крутя в руках какой-то предмет.

– То есть эти миры – это наш же мир в одной из вероятностей его развития?

– Молодец. Поняла.

Она рассеянно взглянула на него. – А попасть туда можно?

– В физическом теле? Нет, конечно. Иначе и наш мир тоже находился бы под чужим влиянием и не мог бы нормально развиваться. Как наши.

– А наш развивается нормально? – в ее голосе вновь возникла уже знакомая легкая насмешка. Он ответил утвердительно.

– По сравнению с этим миром, что ты сейчас видела более чем. Ну или по сравнению с этой страной, Карассией, как они себя называют.

– А кто у них там правят, орки или как здесь?

– До этого правили орки и гномы. Сейчас у них бардак. Сам пока не понял, что к чему. Знаю, что предыдущие власти уперли все золото и сейчас в бегах.

– Ух ты... Так интересно! Все, я с тобой. Я буду помогать. Можно? – она нежно потерлась о его бедро.

– Тебе, правда, это все интересно?

– Да! Да! – она подскочила к нему и поцеловала в губы.

– Понимаешь... то, что я делаю, не совсем законно. Это все на самом деле не входит в мои рабочие обязанности. Я просто нашел это, и мне стало интересно.

– Понимаю... Мне тоже... Что-то еще? – она испытующе смотрела на него.

– Да, я не могу брать тебя сюда в рабочие дни.

– То есть эта штука, которая позволяет заглядывать туда, есть только здесь?

– Штука, да, только здесь. Но... возможно... я могу показывать тебе все это и у себя дома. Так пойдет?

– Ух ты! Ты зовешь меня к себе в дом? А где ты живешь?

Он объяснил.

– Так чего мы тогда тут делаем? Пойдем к тебе?...

* * *

Маргарита Михайловна, хозяйка домика, оказалась дамой лет 40, приятной во всех отношениях. Миниатюрная, с великолепной фигуркой, она как утренняя пчелка порхала вокруг большого стола на мощеной плиткой площадке, окруженной ухоженными цветниками.

Знакомство прошло не без приключений.

– Маргарита Михайловна... – протянула она ручку – Можно просто Марго! Ну, про вас мне Викочка мне столько рассказывала. – она улыбнулась Модесту Иннокентьевичу и перевела слегка вопросительный взгляд на Виктора Ондеровича.

– Пендюрин Виктор Ондерович, – слегка наклонившись, представился тот, – Здесь у вас по некоторым особым делам. Мы с Викторией Сергеевной договаривались...

– Ой, Вика просила сказать, что она подойдет попозже... А, скажите, Виктор... не слышала отчество!

– Ондерович. Мой папа был турецко-подданный.

Ох, зря он это сказал. Симпатичные серые глазки 40-летней Мальвины приняли нежелательно задумчивый вид. Надо было спасать положение.

– Я не шучу, – смеясь, сказал он, и тут же выложил, в целом правдиво, целый эпизод из биографии своего родителя.

Его отцом был владельцем довольно значительной строительной компании из Турции и ряда кое-каких побочных бизнесов в ряде других стран. Жена обучила его языку Кудряшкина и Толстютчева, дети тоже говорили на обоих языках.

Эфенди Ондер Джемилль имел деловые интересы во многих странах, от жаркой Индии до холодных Норвегии и Карассии. В последней он на протяжении ряда лет построил ряд объ-

ектов. В основном это были субподряды, или долевое участие в различных крупных девелоперских проектах, но иногда эфенди Джемиль строил и кое-что сам, с прицелом на использование либо с целью дальнейшей перепродажи. И дела шли не просто хорошо, а более чем!

Немного омрачало настроение успешного бизнесмена полное нежелание единственного отпрыска мужеского полу вливаться в семейный бизнес. Любые попытки пристроить мечтательного и крайне неформального Виктора Ондеровича хоть на какой-то участок фронта непрерывно растущей бизнес-империи рано или поздно заканчивались какой-нибудь досадной неприятностью или даже скандалом. Дольше всего и с наибольшей охотой молодой сын турецко-подданого проработал на Гоа, где у папаши были свои интересы в гостиничном и ресторанном бизнесе.

Но и оттуда после череды скандалов, связанных с безумными кутежами и постыдными для доброго мусульманина выходками, отпрыска оттуда изъяли и попытались привести в чувство. Но в чувство тот приходил отказывался, предпочитая шляться по миру и вести крайне расслабленный образ жизни. Многочисленные увлечения сменяли друг друга: Виктор то неистово и рискованно греб на каяках, то прыгал с парашютом, то вдруг накопал кучу объектов и воображал себя фотографом, а то заводил сразу несколько блогов на разных площадках, и порою блогов довольно известных некоторое время, благодаря острому языку автора и скандальным фото на грани флора.

Все закончилось внезапно. Удачно провернув несколько сделок с застройкой и перепродажей недвижимости в Карассии, успешный и доселе не знавший крупных поражений в бизнес-сражениях эфенди Джемиль окончательно уверовал в карассийский рынок. В далеком уже 2012 году он получил права на строительство пяти крупных торговых центров и микрорайона для военных. Права были оформлены на дочернюю компанию. Объемы были огромны, и естественно потребовались крупные суммы денег. Немного подумав, эфенди Ондер избавился от всех активов на теплых берегах Индийского океана и все вложил в новые грандиозные стройки в богатой северной стране. А затем грянул 2014 год, а за ним и еще более ужасный 2015-й, с известными карассийско-турецкими торговыми и дипломатическими войнами.

И вот уже у его компании в Карассии возникли большие проблемы. Сначала перестал платить заказчик жилья для офицеров, сославшись на сокращение финансирования. Затем вдруг выяснилось, что землеотводы на торговые центры были оформлены якобы неправильно. Стали звонить какие-то люди и предлагать смешные деньги за почти построенные торговые центры. Естественно, эфенди Джемиль отказался. Начались суды, которые он один за другим проиграл, а затем и внезапно тихо умер в салоне первого класса самолета, летевшего в Анкару.

Потом у его компании, лишившейся капитана, начались неприятности и в Турции в виде невыплаченных кредитов. В итоге семейство осталось практически без денег. Мать и сестры остались в Турции, а Виктор, всегда больше тяготевший к Карассии, остался здесь, и был вынужден искать способы снискать хлеб насущный.

Думал он не долго. Для начала сменил фамилию на фамилию матери – так харизматичнее. Конечно, легенда про графа была только легендой, хотя самому новоявленному графу она импонировала.

И скоро первая жертва приплыла в руки сама. Однажды стоя возле кафе, он был окликнут какой-то дамой бальзаковского возраста или чуть старше.

– Молодой человек, не поможете даме поймать такси?

Он помог не только с такси, но и оказался настолько галантен, что сопровождал даму до дома. И не отказался там ни от чая, перетекшего в коньячок, ни от ночлега с постельными приключениями. Так он задержался в той квартирке на целых два месяца.

Олеся оказалась весьма разговорчивой особой. Ее муж, полковник полиции, бесследно исчез как раз в канун известных всем событий, задолго до объявления люстрации и чистки и отмены срока давности, начиная с далекого 1917 года. Флегматичному пухляку с показанных Олесей фотографий было от чего бежать. Много лет он возглавлял сеть по торговле наркотой в одном из не бедных районов города, а заодно прикрывал игорные дома и притоны.

Олеся была нервная, не очень умная, весьма своеобразная как любовница, но разве дарящей кобыле в разные места заглядывают? Или, как минимум, не приглядываются, ибо довольно унижительное положение содержанца не располагает к подобным ненужным экзерсисам. А деньги у Олеси откуда-то водились. Они часто наведывались вместе в подпольный игровой притон ее испарившегося мужа, где Олеся проигрывала помногу и наличными.

– Витя, не надо учить меня жизни! Вот не надо!!! У меня сейчас тяжелый период, как ты не понимаешь...

Попытки объяснить ей, что без денег этот период легче не станет, ни к чему не приводили. Она часто напивалась, весьма неприлично приставала к нему на людях, задирала прохожих в пьяном состоянии. Ей нравился секс в публичных местах и пошлые анекдоты, которых Виктор помнил великое множество.

Рано или поздно Виктор задумался – где она берет деньги? Но задавать такой вопрос вслух как-то не правильно. Вместо этого он попросил ее рассказать про мужа, в том контексте, мол, не грозит ли ей самой наличие родственника в бегах.

Впервые он увидел ее задумавшейся. Была зима, она подошла к темному ночному окну, открыла створку и закурила, молча глядя в окно.

– Отсосут. Отсосут они все у меня.

– Что, Олеся, отсосут?

Олеся молча подошла к тумбочке и извлекла из-за дальнего угла увесистый, покрытый пылью забвения толстенный черный фаллос и грозно потрясла им. Затем нервно погасила сигарету о тарелку с остатками ветчины и испытующе посмотрела Виктору в глаза. Было видно, что она что-то хочет сказать, но не вполне уверена, нужно ли. Затем она рассмеялась, села ему на колени верхом, обхватила горячими и пухлыми ручками, и как сама неотвратимость присосалась губами со вкусом табака к его задумчивому рту.

Ночью он вдруг понял, что она не спит. Не то чтобы она дышала или шевелилась. Нет, он всем телом ощущал работу не спящего мозга рядом с ним.

– Олесь, что не спишь?

– Да вот над твоими словами думаю. Плохи-то ведь дела...

...Выяснилось, что исчезнувший полковник был весьма не прост, и соломенная вдова под боком – вполне состоятельная дама. Владелица сети автомоек, авторемонтов, двух или трех заправок и сдаваемых в аренду ангаров где-то за городом, она впервые забеспокоилась о своем будущем.

И основания на самом деле были. После отмены срока давности и взятом курсе на наказание всех и вся, связанных с прежним режимом, публично было объявлено, что любая собственность, приобретенная на незаконно полученные средства чиновниками, работниками силовых

ведомств или их родственниками или доверенными лицами, подлежит конфискации и продаже на открытых аукционах.

Вокруг гремели шумные дела, пока, правда, касающиеся самых главных, ключевых, знаковых фигур бывшего истеблишмента. Но периодически под раздачу попадали и деятели поменьше калибром – разные руководители районных администраций, силовики на местах.

Но кто знает, а вдруг доберутся и до мелких сошек? И что можно сделать в подобной ситуации бедной вдове? Без особого желания помочь и еще без корыстного умысла, Виктор задумался...

Продать имущество? Кому? По какой цене? Да и не сделаешь это за один день.

Вот если Олеся могла бы продать имущество самой себе, но так, чтобы об этом никто не догадался. Новый собственник становится благонамеренным покупателем и будет защищен от преследования.

И тут Виктор вспомнил о давней и памятной встрече на Гоа с одним специалистом по оффшорам, много пьющем и не пьянеющим, с цепкими глазками и крайне циничным взглядом на жизнь... Он заглянул в «контакты» и, немножко подумав, позвонил. Собеседник его сразу припомнил и охотно ответил на все вопросы.

Продать компанию своей же компании, так чтобы новый собственник был надежно прикрыт? Можно. Сколько будет стоить? Ага... А насколько надежна такая схема? Собеседник пустился в пространные объяснения, попутно выказав прекрасное знание ситуации в современной Карассии. Видимо, сходные запросы он уже получал неоднократно.

Тогда он осторожно задал последний вопрос: а если этот клиент – не очень хороший человек, и деньги ему не очень нужны? В том смысле, что другим людям они могут быть нужнее и полезней?

На том конце провода задумались и обещали подумать. Через пару дней он получил СМС: «Есть идея, скинь мэйл»

Письмо началось вопросом касательно «клиента» – насколько он глуп? Идея же состояла в том, чтобы раздеть клиента дважды. Сначала в виде приличной суммы за сам факт «спасения». Затем, если позволял интеллектуальный уровень «клиента», следовала довольно сложная и рискованная операция, в результате которой собственником в итоге становилась совсем другая компания, а собственность можно было продать на законных основаниях.

Виктор не питал к Олесе никаких отрицательных чувств, но вечно быть спутником этой странноватой и взбаламошной особы у него в планах не значилось. Да и деньги ему были ой как нужны. А еще... А еще... ведь такой же точно полковник, как ее муж с друзьями, лишил собственности и жизни его отца, которого Виктор любил и перед которым чувствовал некоторую вину. В общем, это был не только «just business».

Они поторговались. Он делал это впервые, но проявил изрядную твердость. Его комиссионные по первому этапу должны были составить 50%. И половину от продажи собственности. Для успешной реализации второй части операции требовалось каким-то образом задержать новую владелицу оффшора хотя бы на месяц за границей. Что ж, он постарается...

И вот он изложил идею Олесе. Та спросила про цену вопроса. Виктор назвал сумму в евро. Цена Олесе не понравилась, и он решил, что не надо, так не надо. Но через неделю она сама вернулась к разговору. Выяснилось, что искомая сумма наличными у нее имелась. Ее интересовали гарантии.

– Олесь, ты сама едешь туда, сама регистрируешь контору полностью на свое имя, сама платишь деньги, сама назначаешь директора. Сама подписываешь договор купли-продажи. Сама переводишь деньги...

Так они оказались на скучном для него острове Кипр, где, как выяснилось, она уже бывала и не раз. Она водила и возила его по своим любимым местам, и была удивительно тиха. Даже почти не пила. Он предложил отметить успех операции в Тайланде. Олесья не возражала. Через неделю она стала владелицей компании на Кипре, а его счет в турецком банке незамедлительно пополнила круглая сумма в 100 000 евро.

Они же летели в Тайланд... Здесь за культурную программу должен был отвечать уже он, который в свое время исколесил местные острова и островки на каяке и велосипеде. В Тае на Олесю снова напал приступ неумного жизнелюбия, и время пролетело быстро. А он ждал вестей от партнера по их бессовестной операции. Месяц подходил к концу, а вестей все не было. И у Виктора появились определенные опасения. За три дня до даты отъезда он сообщил своей подруге, что ему позвонили родственники, и попросили срочно приехать. Он до сих пор помнит выражение ее лица. Больше они не виделись. А он выкинул старую симку и стал подумывать о новой операции. Партнер его кинул, оставив себе все от проданного в России имущества. Это было не страшно – саму схему он запомнил, и мог бы при случае проверить и сам.

А Олесья... Что ж, она теперь действительно владела компанией на Кипре. Вот только сама эта компания ее ничем не владела, да и денег у самой Олеси уже не было.

* * *

Салат из помидорчиков и огурчиков, щедро сдобренный ароматнейшими укропчиком с петрушкой, был очень хорош, венгерское рагу и какой-то экзотический кавказский суп с бараниной – просто великолепны. На вопрос «откуда овощи» был получен простой и недвусмысленный ответ – «наши, местные».

Модест Иннокентьевич поперхнулся и спешно отодвинул от себя тарелку. Марго засмеялась.

– Да вы ешьте, не бойтесь. К нам приходили, мерили – нет у нас радиации. Это вот река, там что-то есть. Да и то, рыбу мы не едим сами. А купаться-то ходим. Говорят, небольшая радиация для мужского здоровья хороша! – она кокетливо и испытующе взглянула на Виктора Ондеровича.

Сын турецко-подданого продолжал уплетать салат. Они сидели за столом уже полчаса и выслушали три тоста – многословный и витиеватый от Модеста Иннокентьевич «за встречу», его, Виктора «за прелестную хозяйку», и короткий, ответный от Марго «просто третий, для тех, кто в теме». Подняв голову от тарелки, он взглянул в открытое окно второго этажа и внезапно увидел направленный на него пристальный взгляд. Сомнений не было – это была она, Виктория Сергеевна, или «наша Викуся», как ее ласково звала Марго. Серьезная дама, подумал Виктор. Это не Олесья. И даже не Елена Петровна... Дстойный противник.

Через пару минут к столу спустилась и сама Виктория Сергеевна. Она была намного выше своей двоюродной сестры. Узкое, волевое лицо, короткая стрижка непонятного цвета волос.

Она совсем не старалась казаться секси. На вид Вике, как она предложила себя называть, было лет 45.

Виктор несколько раз перевел глаза с Марго на Вику и обратно. За полчаса проведенных за столом он успел немножко изучить Марго. Почувствовать что ли. Он знал, если бы не цель его приезда сюда, он легко бы сегодня переночевал здесь. Он нравился Марго, которую уже несколько раз успел рассмешить уместным, как раз к ситуации, анекдотом.

Но Вика... В отличие от жизнелюбивой хохотушки Марго, эта походила на тренершу по йоге, человека ведущего крайне размеренный и трезвый образ жизни. Тем не менее, рюмку она взяла и за следующий тост «за полезную радиацию» пригубила. Но не до дна.

После четвертой рюмки вдруг разошелся Модест (все уже перешли на «ты»). Он парил над столом и, картинно взмахивая руками, что-то весьма смешно и умело рассказывал. Смеялась даже Вика. Вся смеялась, почти – кроме глаз. Он, Виктор, сидел рядом с Марго, и они же несколько раз успели коснуться под столом ногами. Ему определенно хотелось бы остаться здесь, а не в гостинице если бы не...

Их с Викой взгляды снова встретились. Ему показалось, что она заметила что-то между ним и ее двоюродной сестрой. А собственно, почему бы и нет? Он же по делу здесь, да и не монах вовсе...

Разговор вдруг коснулся политики. Начал Модест, пожаловавшись на скромное финансирование своего заведения, потом перескочил на люстрационную комиссию и прочие, не нравящиеся ему новые порядки.

– Да тебе-то что, Модест, до этой комиссии? Ты что, депутат? Или мэр какой с бугра? – спросила Вика.

– Ах, Викуся, конечно, – он молитвенно сложил огромные ладони перед худой грудью, – Люди мы скромные, маленькие. Но в партактиве-то я состоял. Хотел ведь как лучше, Отечеству своему помочь хотел. Вот и у тебя, Вик, муж... – он посмотрел на Вику и осекся. Эта женщина умела говорить взглядом не хуже чем ртом.

– Ах... в какие времена живем, прости Господи, – после небольшой пазы протянул Модест и продолжил как ни в чем ни бывало, – А скажи, Марго, что, правда, что у вас тут завод разбомбили в областном центре?

– Было дело. Я думаю, все про это знают.

– И что, совсем разбомбили? Я читал, три тысячи человек погибло. Что-то маловато – город-то большой... Врут, может быть?

– Завод в 20 км. от города. Взрыв, говорят, был низко, поэтому город почти не задело. Хотя волну мы здесь ощутили еще как. Да и гриб и свечение видели.

– А как там сейчас с радиацией?

– Зона закрыта для посещения, но пишут, что года через два начнутся работы по дезактивации. Город эвакуировали весь. Представляешь, 400 000 человек распахать куда-нибудь. У нас тут многие самозахватом на дачах окопались. Часть-то и отсюда убежала, а они оттуда – сюда.

– И когда ж это все кончится...

– А что должно кончиться, Модест? То, что должно было кончиться, уже кончилось, – она вздохнула и невесело засмеялась.

– А! – воскликнул Модест, – Вот она какая – жизнь после жизни!

– Ну что вы все о печальном?! – воскликнула Марго, – Витя! Скажи им! Давайте же о веселом!...

Но Виктор тоже был задумчив. Задумчив и внимателен. Сейчас его заинтересовал Модест. Мутный тип. Скользкий какой-то. И этот его интерес к разбомбленному заводу...

– А что с этим заводом не так, Модест? Как вы думаете, его специально, или просто случайность?

Модест Иннокентьевич одарил его таким взглядом, что подозрения Виктора еще более усилились. Он решил давить дальше, наудачу.

– Это же был один единственный взрыв. И нет никаких доказательств, что случайный. Может, это как-то с самим заводом связано?

– Точно! – радостно поддакнула внезапно Марго, – там же эти статуи отливали для этого, как его там... кургана славы и примирения! Это все пиндосы! Они взорвали, чтобы не дать всем нам, карасям, объединиться!

Виктор громко рассмеялся и поаплодировал этой жизнерадостной глупости. Но не все отреагировали так же. Модест заметно побледнел. А Вика задумалась и после небольшой паузы задумчиво протянула:

– Марго, какие там пиндосы... Больше на операцию прикрытия похоже. Ты вспомни – через неделю все и началось...

И опять Виктор заметил крайне нервную реакцию Модеста. У него явно какой-то особый интерес к этому заводу и этому взрыву. Но какой?

– Ладно бы сами слиняли. Так ведь еще и золотой запас исчез, – подлила масла в огонь Марго, снова заставив Модеста поежиться.

Сам Модест уже не раз заметил на себе пристальный взгляд этого янычара с нагло выпирающей, царапающей слух, фамилией.

Но тут Марго спасла положение, вскочив и поставив что-то румбообразное.

– Хочу танцевать! – объявила она и сделала несколько изящных танцевальных движений.

– Виктор, дама приглашает кавалера!

Пришлось повиноваться. Тем более что танцевать Виктор не только любил, но и умел.

Модест пригласил Вику. Та улыбнулась и встала.

Румбу сменил бодрый рок-н-рольный мотивчик. Затем танго. Марго была прекрасной партнершей, она явно имела отношение как к бальным, так и к спортивным танцам.

Модест и Вика сразу после румбы вернулись к столу и о чем-то неслышно разговаривали.

Глаза Марго сияли, она весьма нескромно прижалась к партнеру. Партнер же испытывал какое-то странное раздвоение сознания: одна половина радовалась отличному вечеру в приятной компании, а вторая переваривала полученную информацию. Эта Вика – еще та штучка. Да и Модест здесь не просто так. Как бы ему, Виктору, здесь не задержаться...

* * *

Джереми вернулся из ванной. На кровати лежало обнаженное прекрасное юное тело с шлемом для подключения к уже не его личному Дубликату, а ее собственному – он сделал для нее и это, еще раз нарушив и закон и договоренности в Ордене. Тело Эни лежало неподвижно и расслаблено, только слегка шевелились кисти рук – он показал ей как управлять видениями. Прошло уже два часа с тех пор как они последний раз позанимались любовью. Он успел приготовить ужин, почитать и... соскучился.

Эни, как будто услышав его чувства, сняла с головы шлем.

– Знаешь, там и сейчас походу орки всем заправляют. А еще мне показалось, что они там все какие-то тупые.

– Почему? Достаточно развитая цивилизация с хорошими темпами развития. По одной Карассии-то не стоит судить о всей планете.

– Я про другое. Про золото это. Вот сидят двое дураков – оба ищут одно и то же. Чего бы им не объединиться?

– Я не заметил, что они ищут одно и то же. Или они же этого еще не знают... Подождем, может так и будет.

– Слушай, а давай поспорим, кого этой ночью этот Виктор трахнет! А?!

– Интересное предложение...

– Точно, мы поспорим. Я ставлю на бабу с деньгами, а ты? А ты, ты кого бы из них трахнул?

– Тебя.

– Я не они... Они же обе эльфийки. Думаешь, я такие вещи не вижу?... – в не голосе было что-то, что впервые походило на грусть.

– А ты всегда отличишь эльфа от орка?

Она помолчала, задумавшись

– Знаешь, если тебя связать, засунуть тебе в рот кляп, поместить в темную комнату и запустить туда меня, я бы все равно сказала, что ты – эльф.

– Почему?

– Вы кончаете не так как орки. Не все конечно...

– У тебя богатый опыт... – произнести эти слова ему было довольно трудно.

– Есть немножко... Но тебе же со мной нравится? – она потрепала его за висящий пенис и мошонку.

Ему сразу захотелось ее обнять, что он и сделал. Она уложила его рядом с собой, прижалась и затихла.

– Ты же понимаешь, что вот это – не надолго? – тихо спросила она.

– Почему? Зачем? Кому надо, чтобы это было недолго?

– Таковы ваши законы, законы эльфов. – Нет таких законов!

– Нет, есть. «Путь Эльфа» ваш этот напыщенный и все такое...

Она откуда-то знала про «Кодекс Эльфа» – апокрифический документ неизвестного автора... А он не знал, что ей ответить...

– Знаешь... это ведь не закон, а типа мифического кодекса поведения. Он не обязателен к исполнению. Так, благопожелания...

– А баллы в Небесном Реестре? Или тебе вообще наплевать на карьеру?

– Знаешь... мне-то как раз скорее наплевать. Если бы мне не мешали заниматься тем, чем я сейчас занимаюсь, плевал я на карьеру.

Она приподнялась на локтях и внимательно посмотрела на него.

– Ты это серьезно? – Вполне

– И взял бы такую, как я, в жены?

– Да, – он ответил ей практически сразу, не вполне осознавая, уверен ли полностью в своих словах.

– Правда?! – в ее голосе была такая радость, что он даже удивился. А она вскочила на него верхом и приказала не шевелиться. Началась медленная и изощренная пытка страстью, которая для Эни явно была такой же естественной как пенье для камышевки или соло-вья в запыленных придорожных кутах.

– Ты делаешь из меня зомби? – слабо произнес он полчаса спустя.

– А разве тебе это не нравится?

Он был вынужден согласиться. Нравится!

* * *

Незадолго до революции прежние власти объявили масштабную амнистию, и десятки тысяч недосидевших и недонаказанных вдруг оказались на свободе, где оказались никому особо не нужны. И естественно, посбивавшись в стаи, занялись привычным ремеслом. Картину усугубило то, что ряд тюрем после этого были взяты штурмом, а их население разбежалось. По всем дорогам бродили лихие люди в поисках часто даже не наживы, а хотя бы пропитания.

...Закат тронул своим нежным светом кроны берез. На полянке рядом пел свою песню вечерний кузнечик или сверчок – лежавшие на траве не могли отличить первого от второго. Парочка была весьма колоритна. Один, парень в кедах, джинсах, несвежей футболке, был длинноволос и бородат. Он лежал, подложив под голову джинсовую куртку и рюкзачок, и, жуя травинку, мечтательно смотрел вверх, сквозь редкие кроны деревьев. Если бы не одежда, он, со своими спутанными волосами на голове легко бы сошел за какого-нибудь былинного Садко с планеты Земля или воина Ристании.

Его спутник, наоборот, явно тяготел к темным силам. Покатые плечи, неуклюжие длинные руки, большая тяжелая голова не очень молодого гоблина, серое лицо со складками на щеках, низкий лоб с мощными надбровными дугами, мятая, давно не стирания одежда. Он лежал на боку, подставив руку под голову, и к чему-то прислушивался.

Вместе они смотрелись довольно странно. В рюкзаке у первого была пара книжек, выглядел он в полнее себе эльфом, хотя и давно попавшим в дурную компанию. Второй же за всю жизнь не прочитал ни одной книги. Он и говорить то не очень умел, хотя, как ни странно, именно его загадочная и обрывочная манера разговора порой оказывалась весьма убедительной. При определенных обстоятельствах.

Судьба свела их совершенно случайно, когда их исправительные заведения общего режима окружили толпы народа при поддержке солдат, и либо взорвали забор, либо взломали главный вход. Охрана разбежалась, кто-то пооткрывал в поисках нужного человека или людей все камеры, и толпа растерянных эков внезапно оказалась на воле. Правда, без документов, и как очень скоро выяснилось без особых прав на свободу. Но потом захотелось жрать, и наш выдавший виды гоблин Волобуев вернулся к стенам тюрьмы уже на второй день. Делать на воле он ничего не умел, да и кому он был нужен в такое время да еще без документов...

Но обратно его уже не пропустили. Охранник сказал ему: «Иди-иди... Денег нет вас кормить. Вали отсюда, пока не стреляют»

И он пошел, резонно решив, что на югах выжить будет легче, именно на юг. Возле железнодорожной станции встретил еще одного собрата по свободе. Вместе они попытались ограбить аптеку, но оказавшийся рядом патруль полиции открыл огонь. Убежал только он, Толя Балбес, как его звали на зоне.

Он попробовал останавливать попутки, но никто не желал подвозить жуткое человекообразное существо с короткой стрижкой и в грязных трениках. Он голодал, питаясь по огородам украденными овощами. Благо, стояла теплая сухая осень, и урожай был хороший. Но чтобы насытить такое большое тело, нужно было много калорий, а жалкие помидоры и огурцы не давали нужного количества, и лишь жалобно бурчали в натруженном непривычной пищей желудке. Найдя брошенную дачу в дачном поселке, гоблин Анатолий поселился там и показал невиданные для себя чудеса смекалки на поприще выживания. Рейд по окрестным дачам

снабдил его одеждой, пусть совсем не по размеру, но той, что позволит ему пережить зиму. Особенно нравилось ему красное зимнее пальто с наскоро подшитой серебристой бахромой и мохнатая красная шапка Деда Мороза, оставленные на одной из дач после празднования кануна нового года.

Он даже размечтался о подработке в качестве Деда Мороза. Но кому теперь нужны деды морозы, да еще без паспорта?

Когда он обнаружил, что на собранные во время рейдов овощи претендует кто-то еще, а это были крысы, то расстраивался он недолго. Первая же засада принесла пару жирных осенних дачных крыс, и Анатолий сварил первый в своей жизни вкусный супчик из крысятинки, найденных на одной из дач макарон, картохи, лука и морковки. Сварил, как сумел, но ему понравилось.

Позже он отточил свое мастерство охоты на крыс до совершенства. Хитрые красноглазые создания оказались вовсе не хитрее его, большого и вечно голодного. Особенно понравились ему крысы, запеченные с картошечкой. Иногда за сутки он съедал до семи штук.

Так прошел месяц мирной и относительно сытой жизни. Но однажды кто-то из обкраденных соседей договорились между собой и на него устроили засаду. Пришлось с сожалением покинуть обжитое местечко. До следующего областного центра он дошел пешком. Перемещался ночью. По ночам уже холодало, и редкие машины испуганно объезжали огромного сутулого человека с большим мешком за спиной. Звериная интуиция во время предупреждала Анатолия о постах на дорогах, и путешествие закончилось вполне без происшествий. Самое лучшее время для пробной экскурсии по дачным районам – это дни со вторника по четверг. В это время работающий люд находится в городе, и вероятность встретить кого-то относительно мала. Для начала надо найти брошенную дачу, где можно остановиться. Анатолий уже безошибочно, просто бросив беглый взгляд на территорию и строения, опознавал такие среди прочих.

И вот он, подходящий объект. Покосившаяся калитка, плотно обмотанная проволокой, заросшая, еле заметная тропинка к старому дому среди густого сада, колодец. То, что надо. Он быстро прокрался вокруг дома и припал к одному из окон. Кровать с матрасом и подушкой, стол, полка с книгами, беленые по старинке стены, лампочка Ильича под потолком. Он вернулся к входной двери. Ржавый навесной замок, почерневшее кольцо... Он поддел кольцо куском арматуры, оно неожиданно легко покинуло свое место.

В сенях стоял пыльный стол, полки по стенам были уставлены банками, одна дверь вела в кладовку, вторая в дом. Замка там не было. И тут что-то заставило Анатолия напрячься. Пол. В отличие от стен пыли на нем было заметно меньше. Он оглянулся и не увидел своих следов.

Пудобней перехватив арматуру, он осторожно приоткрыл дверь внутрь самого дома. Та отчаянно и жутко заскрипела. На вешалке справа висел старинный овчинный тулуп. Не новый, но явно теплый, рядом выше лежала меховая шапка, явно маловатая для его огромной башки.

Стол, беленая старинная печь с кольцами на поверхности плиты и заслонкой. Даже холодильник с раскрытой настежь дверцей. Кухонный шкаф с посудой, стол для готовки. И легкий запах еды... Он взглянул на пол. Пыли не было. Повинуясь непонятному инстинкту, он осторожно спиной вперед двинул назад. Выйдя из дома, он не покинул территория, а быстро переместился за брошенный парник и улегся в траву. Дом ему понравился, но что-то тут было не так. Полы. Не могут полы в брошенном доме быть такими чистыми. Но и законные владельцы не станут вырывать кольцо замка. Анатолий осторожно приоткрыл один из пакетов, достал пару украденных ранее морковок, вытер их о штаны и почистил об острый край парника. Надо подождать. С улицы его точно не видать, разросшийся укроп, осенние цветы

и сорняки надежно защищали его со всех сторон. Стояла тишина, лишь изредка нарушаемая редкими осенними насекомыми. На старых яблонях были заметны желтые листья. Подождав полчаса и не заметив ничего подозрительного, Анатолий, крадучись, снова совершил обход дома сзади. На этот раз он смотрел еще и под ноги. Вот окно, через которое он заглядывал. Все как было. Второе окно было зашторено изнутри. А на подоконнике были свежие следы ноги и прилипшими кусочками травы. Он оглянулся – след уходил к колодцу. Место было занято.

Что ж, занято так занято, найдем другое. Он уже собрался было повернуть к выходу, когда сзади раздался скрип открываемой двери. Он быстро пригнулся, убрав руку с железным прутом чуть назад. В дверном проеме деревенского сортира стоял молодой человек с книжкой в одной руке и палкой в другой. Он был в шортах и свитере. Вид у него бы явно настороженный, но не опасный.

– Здесь ничего нет, я проверил, – сообщил новый знакомый, – Ни пожрать, ни надеть. Даже огород пустой.

Анатолий немного расслабился. Незнакомец не производил впечатления опасного типа.
– Анатолий меня зовут, – представился он первым.

Незнакомец, вместо того чтобы, как полагается вежливым людям, представиться в ответ, внимательно и как бы изумленно рассматривал Анатолия. Тот не сразу понял, в чем дело. Потом до него дошло, и он засмеялся утробным смехом горного тролля:

– Да нет, не он я. Или я – не он. Меня Анатолий зовут, – зачем-то еще раз повторил он. Близкое портретное сходство с еще одним беглым гоблином из бывшей Державной Думы имело и свои плюсы и свои минусы, – А ты кто такой будешь?

– Андрей, просто Андрей, – представился новый знакомый, – Человек без определенных занятий и места жительства. А еще без паспорта. К сожалению.

– Такая же фигня... Не из освобожденных?

Выяснилось, что приключения Андрея один в один повторяли испытанное Анатолием за парой исключений – вот только освобовился он на месяц позже, но в отличие от гоблина Анатолий эльфа Андрея легко брали на борт попутные машины.

Итак, их стало двое. Андрей обосновался в доме всего как сутки, и как выяснилось, серьезно ошибся насчет его ресурсов. В кладовке они обнаружили погреб, где вполне можно было хранить картошку, три банки старого малинового варенья, несколько банок просроченных, но не вздутых консервов, заварку и сахар. Вечерний рейд по окрестностям обогатил их огурцами, помидорами, укропом, подсохшей половинкой булки хлеба, мешком картошки и трехлитровой банкой соевого масла.

Ужин получился просто праздничным. За дачей начинался глубокий овраг, где они разожгли костер и нажарили большую сковородку картошки с луком и тушенкой.

– Надо где-то раздобыть или радио или свежих газет, – сообщил Андрей, – а то сидим тут и не знаем, что там, в большом мире делается. Не можем же мы вечно так прятаться.

– А что, есть какие-то планы по получению паспорта и работы? – вопрос для Анатолия был праздный, сам он за последние десять лет на свободе провел только полгода, и не особо надеялся на что-то иное. Хотя такая вот вольная жизнь, какую он вел последние два месяца, ему даже понравилась.

– Кто знает, может, это и реально. А еще можно было бы родственникам позвонить... Вот только как?

Еще через две недели они обнаружили, что совершенно случайно попали в райский уголок. Брошенными оказались все пять домов в их округе. Зона обитаемых и посещаемых дач, куда они совершали набеги, начиналась где-то через полкилометра, и это было очень удобно.

Они перекопали дорогу в свой тупик, чтобы никто сюда не проехал, и уже смело, не боясь, топили печь. Картошки заготовили столько, сколько надо, притащили целую кадку квашеной капусты, и даже нашли целое радио на батарееках.

Потом они смогли организовать и весьма прибыльный бизнес. Неподалеку проходила грунтовка, где местами после дождей были огромные лужи. Лужи имели пугающий размер, но грунт был достаточно твердым, и машины проезжали туда-сюда без проблем.

Идея пришла в голову Андрею, и решено было ее опробовать, тем более, что новые друзья нашли на одной из дач рабочую трехтонную лебедку. Взяв пару лопат, они вечером выкопали в одной из луж глубокую колею и на следующее утро стали ждать в засаде на ближайшем пригорке.

Через пару часов появился фургон, который и стал первым клиентом. Кудрявый обаяшка Андрей, насколько можно быть сохранить обаяние при таких суровых бытовых условиях, с видом случайного прохожего с корзинкой для сбора осенних грибов появился на месте происшествия минут через пять после того, как машина уже глубоко сидела в рукотворной колее. Поцокав языком и посочувствовав бедолагам, он сообщил, что помочь он бы конечно мог, но за лебедкой идти далеко, да и мужики сейчас слабые все, работы ни у кого нет. Денег у водителя тоже не было, но, позвонив начальству, он пообещал, что расплатится натурой. Так у них в хозяйстве появились ящик тушенки и ящик рыбных консервов. Объехав на приватизированном велосипеде окрестности, они обнаружили широкую сеть перспективных дорог. И дела их пошли в гору. Склад провизии пополнился существенно. Стали появляться даже деньги.

– Надо бы родным позвонить, – уже в который раз заикнулся о своем, наболевшем, Андрей. Радио, сколько они его не слушали, так и не сообщило о судьбе и правовом статусе сбежавших из тюрем. Наоборот, по косвенным данным получалось, что освобождены они все были незаконно, и должны были быть возвращены на место отбытия наказания.

Гоблин Анатолий был против такого возвращения. Зачем куда-то дергаться, если есть провиант и обустроенный быт? Они даже смогли запустить соседнюю баню и раз в неделю устраивали помывку и стирку.

Единственное, что смущало душевный покой Анатолия, так это порочные мысли то и дело возникшие на фоне нужного количества калорий в сытом, откормившемся наконец-то организме. Местных жителей они сторонились, а Андрей, который теперь брился и был весьма красив, не возникал в эротических мечтах даже мельком.

Проведший 15 лет в местах лишения свободы Анатолий привык считать, что для того чтобы употребить мужика по сексуальному назначению, нужно чтобы мужик этот был чем-то виноват. Например, не угодил или наоборот, понравился главшпану. Анатолия часто звали поддержать таких провинившихся или убедить отдаться добровольно. У него очень хорошо получалось объяснять опущенным правильный расклад. А также то, что все, что произошло или должно произойти – нормально, и соответствует всеобщему порядку вещей. Он садился рядом и, глядя прямо перед собой, своим глухим монотонным голосом увещевал:

– Ты, это, не кипешуй. Сам рассуди – кто он и кто ты. Это понимать надо. Он ...ть, а ты терпеть, понял? И все будет хорошо! Это жизнь!...

Фраза «Это жизнь» в его исполнении выглядела особенно убеждающее.

И странное дело, многих дальше приходилось уже не держать, а только слегка придержать... Эту его способность убеждать часто пытались использовать и на воле по отношению

к должникам. Но там все почему-то получалось плохо. Вначале слушали, а потом на горизонте возникал очередной срок за вымогательство или что-то еще.

Но самое главное, чем самого Анатолия не устраивали мужики – это были сиськи. А точнее их полное отсутствие! Ну не бывает у мужиков сисек! А сиськи Анатолию очень нравились и часто снились ночами. А также мерещились во многих окружающих предметах.

Спокойная жизнь на свободе повлияла на усталого гоблина и ветерана мест лишения свободы в лучшую сторону. Он стал сентиментальным и на зону уже категорически не хотел. Пришла зима, сытая и теплая. Окна в доме были целы, печь топилась хорошо. Они с Андреем играли в домино, карты, на новый год даже устроили себе небольшую пирушку с алкоголем.

У Андрея, конечно, были свои недостатки. Он, например, слишком много читал и во время чтения выпадал из общения. Иногда Анатолий просил его чего-нибудь почитать вслух. Репертуар был невелик и ограничен трилогией про хоббита Фродо и какими-то книгами, которые для Анатолия звучали как белый шум, ни о чем. Еще, правда, были все пять книг про волшебника в круглых очках. Эти книги Анатолию тоже пришлось по вкусу. Даже сходство своей внешности с гоблинами и орками его забавило:

– Я, конечно, страшон, что уж тут, но я вот думаю, что я не орк. Орки, они же все время куда-то воевать лезут. А я вот сижу тут и никого не трогаю уже полгода.

Слышь, Андрюха, а может, я – гном? Не... гномы мелкие, а я большой. Ладно... Буду троллем. Всю жизнь был, сколько себя помню. И даже срок за это первый отсидел. Дал одному эльфю за обзывач по личику его светлому, а тот вдруг сыном пента оказался...

Книги, даже такие, запустили в тяжелой голове Анатолия маховик необычных для него дум.

– Ишь ты... Вот смотри, Андрюха, штука какая получается. Везде все одно и то же – хоть в нашей жизни, хоть в придуманных историях, как их не разукрашивай. Вот этот Дамблдор из колонии волшебников и этот, в шляпе как поганка, который с Мордором воевал, это же одна и та же харя! И знаешь... не такой уж он и добренький, этот мудак в колпаке. У нас в колонии малюток такой был начальником. То-то он в параллельном мире в Хогвартс пристроился, к деткам поближе. И никто его, педофила старого, еще не раскусил...

Так прошла зима, за ней весна и наступило лето. Старый пруд за оградой избавился ото льда, прогрелся, и обитатели глухого уголка теперь часто отдыхали на берегу. В этот теплый летний вечер жизнь была прекрасна, и ничто не предвещало никаких неожиданностей.

Их берег пруда порос высокими раkitами, противоположный – низким ивняком, и дальше терновником. Пруд был не широк в этом месте и не глубок...

* * *

Анатолию уже минут пять чудились какие-то звуки на противоположной стороне пруда. Пару раз показалось, что ветви ивняка качаются. А затем раздался отчетливый треск, и среди ив на берегу появилась голая женщина. Настоящая. В руках у нее был большой узел с вещами. И она прямо с узлом вошла в воду и направилась в их сторону. Их она определенно не видела, глядя перед собой и громко сопя. И у нее были груди!

Глубина в месте перехода была небольшой, и Анатолий зачарованно смотрел на покачивание из стороны в сторону белых не тронутых загаром настоящих женских грудей, которые, слегка подпрыгивая, скользили над потревоженной водной гладью. Вот она все ближе и ближе, голодный взгляд Анатолия невольно потянулся к тому месту, где должно было появиться из воды Главное... Вот, все ближе и ближе этот момент...

Женщина сделала пару шагов, споткнулась, выдала хрипкое «бля», и тут произошли сразу два неожиданных события. Во-первых, с ее головы упал парик, обнажив довольно короткую и не очень ровную прическу, а по сути лысину, во-вторых, из воды при очередном шаге выпрыгнуло то, чего он никак там не ожидал увидеть. Он моргнул, но наваждение не исчезло. У незнакомки ниже грудей и живота висел обыкновенный мужской член, со всеми остальными атрибутами мужского пола.

Но сиськи-то, сиськи! Они никуда не исчезли!!!

Друзья синхронно взглянули на лицо странного существа. Если это была женщина, то не то, что не красавица, сильно наоборот... Но губы ее были ярко накрашены, а белые груди на белом же, давно не видевшем загара теле, были так хороши, что Анатолий почувствовал невольное раздвоение чувств.

– Это что, пидор что ли такой праздничный? – негромко прошептал Андрей.

Увидев друзей, странное существо внезапно остановилось в позе античной Венеры и стыдливо прикрыло одной рукой гениталии, другой – одну из грудей. Мешок с вещами упал в грязь.

– Не смотрите на меня... Я голая... – пролепетало создание.

* * *

Хотелось бы раз и навсегда закрыть тему насчет отличий эльфов от орков. Хотелось бы! Но сделать это не так просто.

Так что же отличает эльфа от орка? Как давно уже всем известно, внешность обманчива. Даже опытный житель планеты Ксанф может на фотографии и при беглом взгляде принять орка за эльфа и наоборот. Но стоит лишь немножко пообщаться вживую и все становится на свои места. Орки и эльфы, случается, дружат. Ездят вместе на охоты-рыбалки, например. Но странная это дружба. Обедненная. Есть темы, которые в разговорах таких друзей не принято поднимать – уж слишком различны позиции по многим вопросам у эльфов и орков.

Если попытаться найти различия между этими двумя расами или, как некоторые еще более неpolitкорректно считают, кастами, то список будет довольно большой.

Музыка. В музыке орков всегда присутствуют очень характерные и узнаваемые гопнические мотивы и какое-то особое, чисто оркские страдание и жалоба. Популярный персонаж – мальчонка-орк, которого засудили злые взрослые эльфы с холодными рыбьими глазами. Жизнь мальчонки тяжела. Если он не сидит, то либо его кинула любимая, либо нет денег, либо на него и его корешей наезжают наглые орки с соседнего квартала. Во многих песнях мальчонка совершает противоправные поступки, но каждый раз виновата оказывается Система. Жизнь-Говно – главный персонаж многих орочьих песнопений.

И кстати, если на вашем жизненном горизонте вдруг возник этот самый персонаж, подумайте, а уж не орк ли вы сами? Ну если, конечно, вы этого еще сами не знаете...

Но нельзя сказать, что в песнях орков совсем нет радости. Песни радости, и песни про оркскую радость, тоже есть и они весьма популярны. Надо заметить, что оркские песни радости бывают очень даже ничего, и порой популярны даже у эльфов. Правда, там, где орки видят искреннюю радость, эльфы замечают скорее юмор.

И все-таки природная основа у орков и эльфов общая – это один биологический вид. Один ареал обитания, никаких репродуктивных барьеров, а различия, тем не менее, весьма заметны.

На планете Зыёрс, что так привлекла внимание эльфа Джереми, тоже имели случаи, когда члены одного вида искусственно делились на группы, между которыми было запрещено скрещивание. Такие группы назывались, где кастами, где сословиями, где расами, но при всем сходстве даже близко не дотягивали до простого и естественного и единственно правильного деления на эльфов и орков.

Правда, и на Ксанфе к такому делению пришли не сразу. Здесь тоже в разные времена хватало всего, и каст и рас и сословий. Новый порядок, незыблемый уже в течение столетия, возник не сразу. Ему предшествовали реальные и культурные войны, ожесточеннее научные дискуссии, но в конце концов правда бытия победила – любой разумный биологический вид состоит из двух крупных групп (не считая более мелких) – эльфов и орков. Орков всегда много, эльфов – мало. И все же Ксанф теперь – эльфийская планета. Это не означает, что орки при встрече должны делать ку перед эльфом, но все прекрасно понимают, о чем идет речь.

Все ключевые и не очень ключевые решения на Ксанфе принимаются давно уже только эльфами, не без декоративного участия орков. Часть орков понимает это и злится, другая их часть подобного порядка вещей даже не замечает.

Орк, кстати – вовсе не обязательно злое и агрессивное существо, как его представляют себе читатели Толкиена, этого земного провидца и мифостроителя, почти осознавшего всю ужасную правду, но тут же пошедшего на поводу у тогдашнего политического момента и сюжетных задач своей толстой книжки, и только запугавшего в конце своих читателей.

Орк может быть милейшим человеком и радушиейшим хозяином, он может прийти на помощь в трудную минуту. А может в очень короткий срок ожесточиться и принять участие в ужаснейших злодеяниях. В старых книгах, общих для обеих планет, про таких сказано «не ведают, что творят». Орк – слабое, внушаемое существо, легко поддающееся любым общественным манипуляциям. И чем больше орков вовлечено в процесс манипулирования, тем он эффективнее. Свою внутреннюю слабость орки втайне осознают и поэтому стараются сбиваться в стаи.

На Ксанфе большинство орков давно знают, что они – орки, что вероятность того, что их дитя станет эльфом довольно мала, хотя такое и случается сплошь и рядом и чревато проблемами, как для родителей, так и для отпрыска. Как орки относятся к своему положению? По-разному. Есть умиротворенные орки, которым все нравится – их простые удовольствия, работа, если есть, и ее отсутствие, если ее нет. Таких на Ксанфе примерно половина.

Вторая половина считает эльфов задаваками и поработителями. Когда орка на посохи начинаешь спрашивать – «и как же это они тебя поработили, если ты за всю жизни и месяца не проработал?», он может привести массу аргументов типа «они не дают нам стать такими как они».

Спросишь – «какими как они», ответит «которые всем тут рулят». На уточняющие вопросы вроде «а чем они мешают лично тебе», орк обычно затрудняется ответить. Дело в том, что в оркских районах даже полиция в основном состоит из орков. Никто не мешает оркам одеваться как им нравится, курить что они курят и пить, что они пьют, чтобы забалдеть, танцевать их оркские танцы и трахаться в лопухах под забором.

Но если бдительное око с неба видит, что происходит что-то реально противоположное, возмездие прилетает тут же. В виде своего же оркского полицмена. Но орки прекрасно знают, кто за ним стоит, кто все так устроил, и им это не нравится. Но сделать они ничего не могут, и это воистину прекрасно!

* * *

Для того чтобы скрыть себя от посторонних и излишне любопытных глаз, осторожная и жаждущая приватности большая часть человечества изобрела заборы. А куда меньшая, любопытная и беспокойная его, человечества, часть научилась делать в заборах дырки. Уже полчаса как за пиршеством и танцами на лужайке у дома Свиридовых наблюдала пара любопытных женских глаз. Дырки были проделаны аккуратно и как бы случайно – при сварочных работах над забором. Аккурат на нужной высоте, чтобы сидеть на стульчике и все видеть. В деталях. Эта несносная Маргушка опять завела себе нового мужика. При живом-то муже. И сестрица ее подозрительная туда же. Того гляди, групповушку устроят бабки-ешки. Нет, давно пора на эту парочку написать куда следует. Из бывших ведь, что та, что та.

За картиной на соседском дворе, нервно расчесывая свои мокрые длинные волосы, ревниво наблюдала одинокая горожанка Екатерина Васильевна Халтурина, девушка бальзаковского возраста, редкой по ее мнению красоты и еще никем по достоинству не оцененных достоинств, попутно давняя тайная соперница Маргариты Михайловны. Они были не просто соседки. Обе выросли на одной улице, ходили в одну и ту же школу, учились в одном и том же ВУЗе, но никчемной, по мнению Екатерины, Маргарите постоянно и незаслуженно везло, а вот ей, Кате, такой умной и красивой – как-то не очень.

Хотя, если разобраться, не везло Кате часто исключительно из-за ее привычки совать нос туда, куда не просят, а также лезть в знакомые к сомнительным личностям. Благодаря таким талантам и природной непоседливости, Катя успела сменить массу профессий и мест работы, побывать в трудовом помидорно-мандариновом рабстве за границей, отрабатывать два месяца натурой за замерзшие в киоске цветы, и даже отсидеть полгода в СИЗО за какую-то, по ее, Кати, разумению, абсолютную мелочь.

Да и с мужьями тоже везло не очень, не то, что Маргарите этой. С которой, кстати, открыто Катя никогда не конфликтовала. Наоборот, они дружили. И эта дружба была прикрытием для одного из секретных увлечений Кати и утешений ее израненной души – тайно трахать хахалей и поклонников своей удачливой подруги.

Самым большим и сложным призом оказался муж Марго, Сергей, бесследно исчезнувший около года назад, как раз тогда, когда вся заварушка в стране шла уже в полный рост.

Сергей Свиридов женился на Марго давно, в первое их лето после окончания института. Жизнь вокруг била ключом, у самой Кати было полно поклонников, и тогда она не особо обратила внимание на скромного парня, закончившего юрфак двумя годами раньше. Первые 10 лет после выпуска пронеслись как сплошной ураган безумных жизненных решений, неожиданных встреч, бесшабашных пьянок и прочей житейской чехарды вдалеке от родного городка. И только когда Екатерине пришлось фактически бежать из этой заносчивой и вдруг проявив-

шей к ней враждебность Квасквы, спасаясь на самом деле от наделанных по глупости долгов, она вновь очутилась здесь, в этом милом родном захолустье. Мама еще была жива и жила в их большой квартире в центре.

Идея продать квартиру и купить этот дом была ее, Катерины. В ее мечтах эту деревянную халупу должен был потом сменить роскошный особняк с открытым бассейном и сногшибательным ландшафтным дизайном.

Из этих мечт за восемь быстро пролетевших на родине лет появились разве что канализация, да роскошные, и это признавали многие, цветники. Лучше чем у соседки, что хоть как-то сравнивало счет.

Но у той был и дом и бассейн. Бассейн, правда, был сборный, но все равно было обидно. И хотя сама Катя часто бывала здесь в гостях и купалась в нем, дырку в борту, когда хозяйева не видели, руки проковыряли сами.

Рукастый Сергей дырку в стенке залечил, а когда попал таки под ее чары, Кате стало и вовсе не так обидно. Кроме Сергея к числу своих тайных побед над соперницей относились дядя Марго, который явно выказывал к своей племяннице знаки внимания, выходящие за пределы родственных отношений. Он был сед и не молод, но в деле ее тайного соперничества с Марго не это главное. После визита к Кате по ее просьбе посмотреть насос в скважине про Марго он тут же забыл, и это было приятно. Он даже звал замуж и к себе, в Кваскву. Это было бы триумфальное возвращение в негостеприимную столицу, но Катя, подумав, отказала. А еще были: пара коллег Марго по работе, Влад и Николай, и даже ее, Марго, суровый начальник, с которым, правда, получился неловкий конфуз. Но это уже не важно.

И надо было отдать ей должное, Катя была не болтлива. Она умела хранить свое счастье только у себя в памяти, ей этого было вполне достаточно.

Последние пару лет в жизни Кати были непростыми и тяжелыми. Дошло до того, что она, Екатерина Халтурина была вынуждена бороться за место кассирши в местном супермаркете, а это дно, о котором она раньше и подумать не могла. И стоящие мужчины тоже куда-то исчезли. Не с охранниками же ей любовь крутить.

И вот сейчас, наблюдая знойные аргентинские извивы пары за забором, Екатерина вдруг почувствовала, что она еще очень даже молода и готова побороться за себя и свое счастье. Да и танцует она получше... А уж растяжка у нее такая, что перед ней мало кто мог устоять. Нет, надо действовать. Повод, для того чтобы вот так, без приглашения, заглянуть в гости у Кати был – вчера в своем магазине она видела странное и даже пугающее происшествие.

* * *

Выяснилось вдруг, что вещей у Эни с собой практически ничего. Она постирала, все, что было с собой, и сейчас разгуливала по дому в абсолютно голом виде, что, впрочем, очень нравилось Джереми. За последние сутки он кончил уже семь или восемь раз, и ему снова ее хотелось. Такого с ним не было никогда. Эни позволяла не все, и ей явно нравилось доминировать. Он никогда не думал, что ему может такое понравиться. Но завтра рабочий день, а в среду сборище их Ордена, где он тоже должен присутствовать. Он испытывал смутную тревогу, хотя не мог понять, с чем она связана. Эни послала его за вином и сказала, что хочет еще понаблюдать за тем призрачным миром. Насчет того, кого там трахнет или не трахнет Виктор, они так и не поспорили.

Он вышел во двор и направился к ближайшему магазину. Покупка спиртного для эльфа – это немножко отрицательных баллов в Небесный Реестр и предупредительные баллы к меди-

цинской страховке. Превысишь определенный лимит и платишь больше. Причем за все, и за текущий ремонт и за все апгрейды.

Как это все у орков, он не помнил. Многие орки любили расслабиться, откровенно портя свои тела. И вряд ли это было для них бесплатно – чем они лучше эльфов? Он знал, что продолжительность орков на пособии – самая короткая в их мире. Трудно жить долго, если нет никаких целей.

Он задумался про Эни. А у нее есть цель? Среди орков встречаются сильные и целеустремленные личности, и при достаточно высоком социальном статусе они тоже порой легко перешагивают через порог столетия.

Он понимал также, что если их союз с Эни состоится, он тоже будет не вечным – браки в их прекрасном новом мире давно уже не длились как у лебедей – до самой смерти. Смерть в их мире вообще была довольно загадочной вещью. Ведь если ты можешь делать апгрейд постоянно, то зачем тебе умирать? Но что-то с этим явно было не так. Редактуру генов *in vivo* их общество освоило больше 120 лет назад. Сто лет назад был принят общепланетарный Закон о Человеческой Форме, запрещающий нарушающие Образ трансформациями. Можно менять свойства и возможности, но нельзя кардинально изменить форму.

Его лично это вполне устраивало, хотя в обществе до сих пор шли вялые дискуссии на тему – а почему бы не пойти дальше? Был даже ряд громких скандалов с обнаружением тайных лабораторий, где эльфы превращали себя в жутких чудовищ, но это тоже было давно, чуть меньше ста лет назад.

Он выбрал вино и еду, зарегистрировал покупку и пошел к себе. Эни лежала в шлеме Дубликата на спине, бесстыдно раздвинув ноги. Нежные пальчики ног слегка шевелились – неужели она уже и так научилась?...

Сейчас ему казалось, что он будет хотеть это тело всегда.

* * *

Когда зазвонил колокольчик у калитки, Виктор еще раз убедился, что с Модестом что-то не так. Тот напрягся и пригнулся над столом, насколько это было возможно для такого высокого человека. А еще ему показалось, что это заметил не он один – Вика тоже внимательно наблюдала за своим сокурсником. И только одна Марго, улыбаясь, упорхнула открывать.

В калитку грациозно вплыла уверенная в себе женщина с распущенными волосами и в фривольно распахнутом халатике. Волосы были недавно вымыты, халатик был короток и открывал длинные и симпатичные ноги снизу, а сверху весьма откровенно намекал на грудь самых выдающихся форм. И только лицо вошедшей не оставляло никаких сомнений – в их компанию ворвалось создание порочное и беспринципное. У Виктора на таких взгляд был набит давно. Поздоровавшись с Викой и кивнув остальным, гостя затараторила:

– Маргуша, я тут тебе семена принесла, помнишь, ты просила...

Марго сделала удивленное лицо.

– Ой, Кать, не помню... Ну спасибо, давай сюда...

Но незваная гостя уже без спроса подлетела к столу и плюхнулась на один из стульев. Она невинно улыбнулась Модесту Иннокентьевичу и, не взглянув на Виктора, быстро заговорила:

– Ой, девочки! – всплеснула она руками, – Что я вам сейчас расскажу!!!...

Сию я вчера на работе. Подходят покупатели, трое. Одежда цивильная, шорты, футболки, кепочки. Но я-то вижу – кто есть кто. У них две полные телеги жратвы и воды литров 30. А у меня лента как раз перед ними кончилась, и вообще кассовый заматерился.

А переходить некуда – везде очереди, народ-то сократили.

В общем, стоят эти молодцы и тихо разговаривают между собой. А я сразу на них глаз положила, какие-то они не такие. И не наши. Тут таких не бывает. Стриженные, накачанные какие-то. Один седой, лет 50—60, может быть. Двое помоложе. Один вообще на гоблина похож.

И седой и говорит, а я все слышу: «...недовзорвали они тогда. Второй заряд не сработал.»

Гоблин ему отвечает: «Так это давно было-то, что теперь-то?...»

А тот ему: «А то, что мусор за собой надо убирать. Недоубрали. Надо это исправить»

А тот: «А мы-то причем?»

Седой: «А при том, что работа у нас такая, Семен. Три дня у нас, три дня.»

Тут гоблин ему негромко, но сердито: «Я под такое не подписывался. И как мы оттуда выбираться будет?»

А тот ему: «Ты не ссы, все продумано. Да и...» – Тут я не расслышала – а потом он сказал: «Главное – грязи побольше, чтоб туда никто даже не думал сунуться.»

Рассказывая, гостя отчаянно жестикулировала длинными изящными пальцами, выкатывая на сидящих за столом большие глаза. Они у нее были и без того крупные и черные, а лицо с отчетливыми чертами богоизбранного народа – узкое и выразительное. Яркая дама, подумал Виктор и перевел глаза на Модеста. То ли рассказ Кати так на него повлиял, но цвет лица его, и без того не особо радостный, принял мертвенный вид. Модест смотрел вниз под стол, изредка поднимая глаза на рассказчицу. Кисти его механически двигались, то сжимаясь в кулаки, то принимая вид каких-то хищно согнутых птичьих лап.

– Ну и что тут такого, Катя? – равнодушно протянула Марго.

– Как что?! – вскричала Катя. – Вы что, все забыли, где живем, и что тут было?!

А если они еще один взрыв устроят? Он же сказал, что «второй заряд не сработал» И что «надо исправить». Ты представляешь, что тут будет? Мы и так тут еле концы с концами сводим. А так вообще уезжать придется... Мне-то что? Моя халупка и так ничего не стоит. А тебе-то, Маргош, есть чего терять...

– Из-звн-ните... – неожиданно для себя, заикаясь, протянул Модест, – Не знаю, как к вам обратиться..

– Катя, просто Катя, – мгновенно сменила на своем подвижном лице ужас на радостное выражение Катерина, – А вас? – она обвела глазами Модеста и Виктора.

Те представились. Виктор на этот раз ограничился просто именем.

– Катя, – обратился к ней Модест. – и Вы думаете, что это все серьезно? И что они взорвут, они не сказали?

Та еще раз повторила основные моменты подслушанного. Слова седого про «главное – грязи побольше, чтоб туда никто даже не думал сунуться» заставили задуматься и Виктора. Он вспомнил, то, что когда-то читал про это в Интернете. Взрыв был мощный, термоядерный, на высоте около полукилометра. Мощность, вроде бы, около половины мегатонны. Стандартная старая боеголовка. Погибла почти в полном составе смена завода и железнодорожники, работавшие на подъездных к заводу путях. Сильно пострадали обитатели окружающих пригородов. Часть погибла потом от лучевой и ожогов. Общее количество погибших чуть больше трех тысяч.

Помнил Виктор и про то, какую работу выполнял завод. Он быстро достал из кармана сотовый и полез в Эдипедию. Одно из крупнейших металлургических предприятий Карасии... Прошло технологическое переоборудование всего за три года до катастрофы. Способно к отливке крупных объектов. Получило заказ на производство статуй для кургана примирения, так кажется его звали... И погибло при странном взрыве ядерного боеприпаса, из-за которого чуть не началась третья мировая война.

И зачем там что-то еще взрывать? И главное – почему этот завод так интересуется Модестом?

– Модест, ты не куришь? – прервал он задумчивость последнего.

– Нет, и никогда не курил. А что?

– Может, оставим дам не надолго? Ноги разомнем, сад посмотрим... А то вид у тебя какой-то... – он не смог подобрать слово. Модест уже поднимался над столом.

– Девушки, Вика, Марго, дорогая, можно мы садик ваш обозрим?

Они молча пошли по мощеной плиткой дорожке, которая, виляя, уходила в глубину сада. Модест сложил руки за спиной и молча поглядывал по сторонам. Они дошли до висячей скамейки, под перголой, заросшей девичьим виноградом. Виктор сел первым. Наступила пауза. Надо было что-то говорить. Виктор попытался было разговорить Модеста на тему несчастного завода, но столкнулся с явным нежеланием последнего обсуждать эту тему. На вопрос «как он оценивает правдоподобность предположения Катерины» он ответил уклончиво.

– Может и так...

– Так если так, ведь тогда линия отсюда надо, здоровье-то не купишь. Ты когда отсюда, Модест?

На лице Модеста была видна картина напряженной внутренней борьбы. Он то вроде бы хотел что-то сказать, потом в последний момент сомневался... Явно этот долговязый что-то знает, но не хочет говорить. Потом так осторожно спросил:

– А что ты, Виктор, помнишь про тот взрыв?

Виктор последовательно изложил только что прочитанное в Интернете.

– Вот-вот... Я думаю... – Модест осторожно подбирал слова, – Я тоже думаю, что тот взрыв был операцией прикрытия. И что-то они, допустим, недоприкрыли...

– Что? – Виктор внимательно смотрел на лицо Модеста. Тот вдруг повернулся к нему и тоже внимательно посмотрел в глаза. Они изучали друг друга.

– Виктор, а ты по какой части вообще человек? – с пристрастием спросил Модест.

Виктор помолчал секунд пять и ответил:

– Аферист. Устраивает ответ?

– Успешный?

– По большей части, – улыбнулся Виктор.

В голове Модеста явно шла лихорадочная борьба. Виктор решил, что лучше ему не мешать и посмотрел по сторонам. За ними наблюдали сразу с двух сторон. В окне дома он вдруг увидел Вику, внимательно смотрящую на них, за зеленой изгородью из мальв о чем-то шушукались Марго и Катя. Последняя уже вычислила их местоположение, и сейчас рассматривала его именно его, Виктора. Но в данную минуту его это совсем не интересовало. Даже Вика, цель его приезда в это захолустье, вдруг отошла на второй план.

– Виктор, а что если я скажу, что знаю, что они прикрывали тем взрывом? – внезапно ошипшим голосом спросил Модест.

– ???

– Помните про золотой запас? И про статуи? – Модест от волнения вдруг снова перескочил на «Вы».

Виктор громко рассмеялся.

– Модест, ну ты же серьезный человек. Хочешь сказать, что они отлили золотые статуи, вывезли их и долбанули по своим же гражданам для прикрытия?

– Да, так и хочу сказать! А что тебя смешит? Сам подумай, собери факты в кучу. Что нам известно: золотой запас испарился. Взорван завод, где делали статуи. Руководство страны и часть олигархата тоже частично исчезла. Разве не очевидна связь?

– Допустим... Допустим, Модест, ты прав, и все так и есть. Золото скоммуниздили-съединокарасили, сами где-то в бункере сидят и коньячок попивают. Или того краше, договорились с мировой закулисой, и за отступные вывезли все куда надо и продали, поменяли паспорта и пол...

На словах про пол Модест аж вздрогнул. Он внимательно взглянул на Виктора. Снова повисла пауза.

– А что если скажу тебе, что все так и есть? – Лицо Модеста искривилось в нехорошей усмешке, – Да, сменили пол, спрятались, а золото спрятали подальше. Но пока никуда не вывезли.

Бинго. Вот он шанс шансов, думал Виктор, но что же я такой равнодушный-то, тут же спросил он себя. И сам же себе ответил: «Потому, что больше денег я люблю жизнь». И вслух равнодушным тоном развил эту мысль:

– Модест, я верю, что ты что-то знаешь, Допустим, даже знаешь, кто и где спрятал это золото. Но ты же представляешь себе, как его охраняют в этом случае, и что за люди его украли? Мы для них – ничто. Раздавят и имени не спросят.

– То есть, ты, если бы узнал подобное, даже бы не дернулся?

– А что я знаю? Я пока не знаю ничего.

Модест задумался. Потом спокойно сказал:

– Ну, я-то тоже знаю немного. Но кое-что знаю точно. Первое – золото действительно украли. Тот «дед мороз», что 17 лет поздравлял всех с новым годом, сменил пол и прятался у меня в заведении. И третье – я видел эти статуи. Они действительно золотые.

– Дед Мороз стал Снегурочкой? – Виктор с сомнением посмотрел на Модеста. Тот горячо закивал в ответ:

– Да-да, я лично в этом убедился!... Во всяком случае, тут. – И он взялся за воображаемые груди на своем теле.

Затем Модест вкратце пересказал все известные ему приключения с исчезнувшей Карлой Адольфовной. Во время рассказа Виктор внимательно рассматривал собеседника. Странная личность, конечно, но тому, что он сейчас слышал, он поверил. Вот только где здесь выгода?

– Так значит, «старушка» исчезла?

– Исчезла...

– Знаешь что, Модест... Вот если бы найти твою «снегурочку», то можно было бы попытаться на ней заработать. Или вытрясти из нее информацию, где золото, или, на худой конец, сдать ее в Гаагу, например.

Из-за кустов на них вывалились Марго и Катя.

– Вот вы где!!! Это что за отщепенчество? Ну-ка к столу...

И они вернулись. Катя встала над столом и с вызовом посмотрела на Виктора.

– Так, у меня тост. Вот выпью, станцую один танец и потом потопаю к себе... Мужчина, не откажете? – Виктор улыбнулся.

Тост у Кати был на основе анекдота про радиацию и мужскую потенцию, весьма пошлый, но никто не возражал, все посмеялись и выпили, а Катя нашла нужную мелодию и включила. И это было танго.

* * *

Оставшуюся часть вечера солировала Марго. Она то и дело требовала танцев и постоянно искала повод выпить. Двоюродная сестра с удивлением наблюдала за родственницей. Вика то и дело переводила глаза с Виктора на Марго и обратно. И реже – на сидящего рядом Модеста. Тот как-то съезжился и понуро сидел рядом, глядя в стол и изредка поднимая глаза на Виктора. Виктор старался поддержать хорошее настроение хозяйки, но в глубине души испытывал какое-то странное смущение. Что-то было не так. В нем самом не так. Потом до него дошло – его расстроила его собственная реакция на по сути предложение Модеста. А в том, что это было предложение, он уже не сомневался.

А какой у меня выбор? – думал Виктор, незаметно сжав чуть сильнее чем положено талию Марго. Взять и забыть. Трахнуть на прощанье Марго и отбыть из этого «лучистого» местечка. Или согласиться на опасную авантюру?...

Катерина после рассказа тоже к себе не ушла, она взяла на себя заботу по обслуживанию сидящих за столом, помогая Марго, или тихо сидела у уголка стола. Она лишь еще один раз напросилась на медленный танец с Виктором.

Они встали друг напротив друга, она была ненамного его ниже. Глаза ее были задумчивы. Потом она шепнула:

– А я все видела.

– Что?

– Все. И все про вас знаю. А вот вы не знаете ни-че-го.

– Катя, а что я должен знать такого, чего я не знаю?

– Я же сказала – я все видела. И я не дура. Хочешь, расскажу про завод? Я много чего знаю...

Его тело невольно напряглось, и она это заметила и довольно улыбнулась.

– Вот-вот... Хочешь... В общем, – она сделала паузу, – Если хочешь узнать, приходи сегодня ночью.

Она отвернула лицо и смотрела куда-то в сторону своего дома. Виктор задумался и спросил:

– Собак нет?

– Есть. Давай так. Не оставайся у Марго, не фиг, она замужня, потерпит. Сейчас сядем, дашь свой номер, скину СМСку, когда подходить, встречу.

Их шушуканье не укрылось от внимания Марго. Когда кончился танец, она тут же взяла своего кавалера в оборот. Но обменяться телефонами с Катей у Виктора все же получилось.

А между тем темнело. Надо было действовать. Он подошел к Модесту.

– У меня предложение – прогуляться ко мне и все обсудить. Ты же здесь будешь ночевать? Я провожу потом.

Модест согласился. Виктор зашел в дом, якобы в туалет, затем вышел и объявил, что позвонили с гостиницы, и попросили прийти.

Они вышли на улицу и неспешно пошли по пустой улице. Впрочем, не совсем пустой – через двести метров они увидели припаркованный автомобиль и переглянулись.

– Тот же?

– Да, похоже, что так.

– Вот видишь...

Увидев побледневшее лицо Модеста, Виктор рассмеялся.

– Да ладно... Может и случайность.

Он рассказал Модесту о предложении Кати, потом добавил:

– В общем, так, мои условия – 50 на 50. Если мы решаем действовать, то разрабатываем план и действуем строго по нему – никакой самостоятельности. Но перед этим ты мне рассказываешь и показываешь все, что есть.

В гостинице они начали с изучения содержимого футляра. Виктор долго и придирчиво изучал фотографии. Затем он изложил некоторые свои соображения:

– Я думаю так – первое, что нужно сделать, это прямо сейчас глянуть в Интернете фотографии этого завода – старые и после взрыва.

Он вошел в Интернет, и они вдвоем стали изучать то, что было в открытом доступе в Сети. Фотографий места после взрыва оказалось гораздо больше чем его же в неповрежденном состоянии.

И вот, что они увидели: Старые бетонные стены цехов частично обвалились, частично выдержали натиск ударной волны, а вот крыш на цехах практически не было. Они попытались рассмотреть содержимое цехов в поисках форм для отливки статуй. И ничего не обнаружили. Зато узнали от любителей экстрима, где выставлены кордоны, ограждающие зараженную территорию, и значения фона в эпицентре и вокруг.

– Терпимо. Мы же там пробудем от силы час. Ничего не случится! – заверил Модест.

– Хорошо... Вот только как туда попасть?

– Может, Катя и с этим поможет?

Целью их посещения завода было выяснить – отливались ли тут статуи с фотографий, или все же это просто искусно сделанные фальшивки для отвода глаз. Затем разговор вновь перешел к обсуждению возможности повторного взрыва.

– Как она сказала? – «три дня». Один, кстати, прошел. Какие идеи, Модест?

У Модеста идей не было. Зато появилась идея у Виктора.

– Можно попытаться попасть туда как туристы. Просто заплатить?

Модесту явно было жалко денег:

– А сколько это может стоить? Да и получится ли?...

– А у нас есть варианты? Давайте так – если не будет других, то я заплачу. Естественно, это потом мне должно быть компенсировано.

Модест не возражал. Пришла СМС-ка. Пора было двигать в сторону гостеприимных сестричек и загадочной Кати.

* * *

Их передвижение в сторону двух таких разных домов не укрылось от внимания сидящих в припаркованной в 200 метрах от дома Марго машине. Сергей сидел сзади с напарником и ожесточенно спорил:

– Да мне наплевать, на то, кто этот второй! Грек сказал «кощеем» заняться, вот мы и должны его выпотрошить. А этот нам на хрен не сдался.

Сергей был в шортах с ремнем, сверху, поверх футболки, была просторная даже для его огромного тела ветровка с капюшоном. Любимый «Свечкин» примостился на полу между ног. Ему было жарко и тесно, ноги затекли после долгих часов наблюдения.

Сейчас они только что наблюдали, как сначала молодой незнакомец нырнул крадучись в калитку, а Модест Иннокентьевич через минутку позвонил в соседнюю.

– Что тут думать? – уже спокойнее сказал он, – Этот к бабе знакомой пошел ночевать. Местный, может быть...

– Да? А что он тогда в гостинице делает?

На этот вопрос ответа у собеседников не было. Изначальный план был простой – подъехать к объекту на машине, посадить в салон и произвести допрос с пристрастием. И тут этот незнакомец нарисовался. Да и в доме дамы...

– Может, просто ночью вломимся, да и заберем этого с собой? – предложил сидящий за рулем.

– Может... – согласился Сергей. Он связался с шефом. Никаких новостей ни о сбежавшей старушке, ни об ее «сиделке» Семене пока не поступило. Начальство явно нервничало и торопило. Настолько сильно, что порой перегибало палку с обвинениями подчиненных в лени и небрежении своими обязанностями. Вот он, Сергей, когда последний раз отдыхал по-человечески? Уже две недели они рыскали по нескольким областям, выискивая пропавшую «старушку», а теперь еще и эту глисту им подавай...

И эти сроки. Почему обязательно до послезавтра? Непонятно. Впрочем, как и то, кто у них теперь в команде старший, он или это этот доходяга сидящий рядом. Допрос глисты Грек поручил ему. Понятно почему – тогда, с незваными гостями, потревожившими бабушку, он Сергей, конечно, сработал не совсем хорошо. Нужно было одного оставить и допросить. И все же...

– Ладно, если до утра ничего не придумаем, может и навестим это гнездышко.

* * *

Выслушав доклад Сергея, «Грек», он же полковник Васин, недовольно скривился. Дела разворачивались для их команды в крайне нежелательном ключе. Пенсионер ПСБС, он продолжал считать себя человеком службы, разрушенной теперь до основания и оплевываемой со всех экранов страны наглыми выскочками, захватившими власть. Да, его контора тоже несла вину за все произошедшее. Недосмотрели, недомочили в сортире. А ведь все было в их руках.

Теперь же приходилось думать не о стране. А об элементарном личном будущем. Которое сейчас напрямую зависело от успеха его, Грека, миссии.

Начальство поставило перед ним сразу две непростых задачи:

– Найти Адольфовну;

– обеспечить беспрепятственное выполнение завершающего этапа операции «Саркофаг».

Его подключили к операции поздно. Старуху уже упустили, кто такие эти таинственные конкуренты, и, самое главное, как они вычислили золотую «старушку», никто не знал. И ключей к разгадке пока не было видно даже на горизонте.

Когда о нем вспомнили и извлекли из такого мирного и комфортного для него забвения, он не сразу дал согласие на руководство операцией. Но какие у него были варианты? Как и все, он был в черных списках, хотя и не с волчьим билетом. И не в бегах, что было его сильным преимуществом перед многими бывшими коллегами. Его даже позвали на работу в новые структуры, правда, консультантом, но он отказался, и сейчас был рад своему решению.

Все решила названная сумма вознаграждения. С погибшей страной его больше ничего не связывало, а для переезда куда бы то ни было еще требовались значительные средства. Не до чистоплюйства. Согласившись, «Грек» запросил всю информацию по загадочной «старушке». И получил столько и ТАКОГО, что первые два дня у него голова шла кругом, а мозг отказывался верить тому, что ему рассказали и дали почитать.

Особенно его поразил рассказ одного из сотрудников ФСО про тайный проект «Горец – 21», на который тайно спустили половину всего бюджета Распилково, карассийской Силиконовой малины. Сотрудник этот возглавлял охрану территории, где проводились все работы, а также всех участников проекта персонально.

Оказывается, еще лет пять назад к дремлевскому куратору Распилково окольными путями пробился бойкий человечек с головой редькой, заостренной снизу, рыжими вьющимися волосами и картавой речью. На вид это был обычный непризнанный гений, каких множество, но то, что он предлагал, было настолько необычно, что тут же заинтересовало и куратора проекта и Главного Заказчика, когда ему рассказали о сути изобретения.

На самом деле, никого своего изобретения у Ильича, как все, не сговариваясь, окрестили отца идеи, не было. У него были: сама идея, план по ее воплощению, невероятный нюх на чужие изобретения, и умение убедить в чем угодно нужных людей.

Суть его предложения состояла в том, что давно пора прекратить разбазаривание ценным опытом Лучших из Лучших. Они, эти Лучшие из Лучших, должны жить если не вечно, то очень долго, переживая поколения и накапливая на пользу человечества бесценный опыт управления странами и народами.

Кто эти лучшие, вопрос не стоял. «Лучшие» тут же поняли, о ком идет речь, оценили открывающиеся перспективы, и приступили к более конкретным и вопросам практического характера.

И вот тогда Ильич изложил свой план полностью. В его основе лежало случайное знакомство с двумя безумными, но недооцененными, а самое главное, катастрофически недофинансированными изобретателями. Первый работал над созданием нейро-интерфейса и передачей различных типов информации между мозгом и компьютером и обратно.

Второй был специалистом по квантовым компьютерам, нейронным сетям и нелинейным вычислениям, и как и первый изобретатель, был убежденным трансгуманистом. Он утверждал, что способен создать компактный рабочий образец такого вычислительного устройства, логика работы которого была бы подобна мозгу, но превосходила его в разы.

Ильич предложил не тратить на никому не нужное Распилково, а профинансировать рабочий прототип устройства на основе наработок обеих ученых, на которое затем можно было бы загрузить личность любого «Лучшего» и затем каким-то образом перенести все это на новое тело. Ну и останется подчинить это новое тело новому осознанию «Лучшего». Прекрасная, благородная задача!

Идея была сформулирована в виде четкого ТЗ, с обоими специалистами был проведен переговоры. Юных гениев мало интересовало имя заказчика. Куда больше им были интересны объемы финансирования и доступ ко всему необходимому. Заказчик согласился на все условия, и в живописном уголке Северного Кавказа, на берегу моря возникло шикарное поместье. Злые языки называли в качестве хозяев поместье и тогдашнего патриарха, и лично царьзидента, и главную фаворитку царьзидента, в тот момент резко потерявшую былую красоту, и черт его знает еще кого! Никто не возражал, все эти версии решали главную задачу – чтобы никто не догадался, какая серьезная игра ведется за этим высоким охраняемым забором, и как высоки ставки.

К откатным воротам периодически приезжали крытые грузовики в сопровождении охраны, или черные машины, в окнах которых можно было разглядеть лучших красавиц обеих столиц и их окрестностей – ученые были молоды, не слишком красивы, а женская красота и ласка, как известно – лучший стимулятор мозговой активности.

Уже через пару лет, намного опережая весь научный мир планеты, маленький коллектив хорошо замотивированных энтузиастов добился первых результатов. В их гибридный компьютер и нейронной сети смогли загрузить небольшой и несложный искусственный интеллект и связать его с живым мозгом шимпанзе. Второй победой было научить этот компьютер запитываться от живого организма при помощи небольшой электростанции в одной из крупных сосудов, проходящих по малому тазу.

Тогда же и возникла эта для странная непосвященных идея – поместить вместилище нового интеллекта и воли под нежную кожу прямой кишки. Когда Ильич с горящими глазами объяснял эту идею непосредственно Главному Заказчику, тайно отдыхающему в поместье вместе с своей очередной фавориткой, тот немного опешил:

- Это что, жопой думать, что ли?
- Ну почему жопой? Мозгом. Просто этот мозг будет там...
- В жопе?
- Ну типа того...
- А по-другому никак нельзя?

Марку пришлось объясниться. Во-первых, жопа вместительна и растяжима в отличие от черепушки. Во-вторых, там, рядом начинается позвоночный столб, а как выяснили Марк совсем с Сержем недавно, спинной мозг можно без труда заставить передавать в мозг и обратно огромные объемы информации, используя его как своеобразный оптоволоконный кабель.

– Ладно, в жопе так в жопе, – мрачно согласился Главный Заказчик, – только давайте делайте побыстрее.. – и мрачно взглянул на себя в зеркало, где хорошо были видны провисшие защечных мешки утомленного и пресыщенного грызуна и усталые глаза в сетке морщин. И разрастающаяся с каждым годом лысина. Крякнув от досады, Главный завершил разговор фразой, которая впоследствии была использована его спичрайтером для одного выступления по международной проблематике, а также вошла в сборник лучших высказываний национального лидера:

- Лучше мозг в жопе, чем жопа в мозге!

И работа закипела. Но следующего прорыва пришлось ждать еще год, когда наконец-то удалось переписать, с ошибками, личность одной из лабораторных шимпанзе, на прототип компьютера. Вроде бы все работало, но не устраивал размер носителя.

Когда Главному заказчику сообщили, что в жопе придется таскать устройство размером с кирпич, он как-то даже расстроился. Но согласился. Но еще через месяц был достигнуты сразу два прорыва. Во-первых, сам квантовый компьютер уменьшили до размеров огурца, во-вторых, заключенному в новую искусственную среду мозгу Джокера, пятилетнего самца шимпанзе, удалось захватить управление над телом донора тела – Джины, десятилетней самки.

Все сомнения на тему, что это именно Джокер, отпали быстро. Джокер в своем новом теле еще прихрамывал и потирал зад, но уже бодро откликался на свою старую кличку и выполнял команды, которым учили именно его, Джокера. Это была победа. Джину-Джокера немедленно продемонстрировали Главному Заказчику, который незамедлительно прибыл посмотреть на чудо уже через уже три часа, и был просто на седьмом небе от счастья.

По его скуластой щеке полуазиата, каким он стал после многочисленных сеансов омоложения, скатилась скупая слезинка умиления, когда он увидел, как Джокер рассматривал себя

в зеркале. А когда тот обнаружил у себя между ног отсутствие привычного органа, и начал с огромным любопытством изучать странное новообразование там, где раньше помещались массивные обезьяньи яйца, восторгу Главного Заказчика не было предела.

– Круто! С огурец, говорите? Ну, это совсем другое дело, такое любая жопа выдержит! Ребята, вы – гении, наша страна вас не забудет!!!

Он зачем-то полез в карман пиджака, потом в другой, и вдруг достал оттуда два ордена. Когда Марку и Сержу объяснили суть предстоящей церемонии, новоявленные герои растерянно произнесли по очереди и с ужасным акцентом «Служу Карассии» и подождали, когда дрожащие старчески руки прикололи им к их белым халатам странные для них, француза и англичанина, ордена...

* * *

Они лежали рядом на боку, их тела повторяли изгиб друг друга. У обоих на голове были шлемы Дубликата. Происходящее вокруг (а именно так воспринимает сознание посещение призрачных миров) даже его Джереми заставило отвлечься от тела рядом. Он видели чуждый мир вокруг, могли заглядывать в сознание его обитателей и – порой чувствовали присутствие друг друга. Это был необычный опыт. Джереми казалось, что если постараться, он может прикоснуться к Эни там, в странном мире Карассии. Но сейчас его больше всего поразила возможность извлекать информацию непосредственно из сознания обитателей чуждого мира.

Полковник Васин, или «Грек», как по договоренности его звали подельники-подчиненные, его заинтересовал больше всего. Это был, несомненно, орк-переросток. Странный орк. Вот музыка – она считается одним из ключевых критериев отличия орка от эльфа. Орков слушающих классику у него в мире, наперечет. Или чтение. Или осознанные упражнения на развитие IQ в виде своеобразного спорта и жизненной цели. Нет, это, конечно, редкий экземпляр. Тот Сергей, что следил за Модестом из машины, куда более похож на типичного представителя своей породы. А тут...

– А я тебя слышу! – послышался голос рядом. Он скинул шлем. Эни сидела рядом, подбрав ноги под себя, и внимательно его рассматривала.

– Что ты слышишь?

– Сейчас уже ничего. А только что, там, в Дубликате, я слышала твои мысли. Или не слышала... Не знаю, может, видела.

– И что ты видела?

– Ты думал про того орка, который поисками заправляет. И ты думал про него как эльф! – ее глаза впервые смотрели на него с чем-то напоминающим осуждение.

Он задумался. Сам лично он только ощущал ее присутствие. А она, получается вон что... И что она еще знает? Она произнесла слово «Дубликат»... Он ей его не говорил.

– А сейчас ты мои мысли не читаешь?

– Нет. И спасибо... за ответ. Значит, я не ошиблась...

– В чем?

– В том, что мне удалось к тебе подключиться там. Грустно.

– Что грустно?

– Что для тебя даже самый умный из нас – не более чем «орк-переросток»!

– Слова – это лишь способ как-то классифицировать и подписывать. И они не всегда соответствуют тому, что есть на самом деле.

– Это как?

– А так, что на самом деле никаких орков и эльфов не существует. Мы же одной крови, ты и я. Как в детской книжке.

– А почему тогда я – орка, а ты – эльф?

– Это новая сословная система, неужели не ясно? Так просто удобнее управлять обществом.

– Но это же несправедливо. Получается, что бы орк не сделал, он навсегда останется орком?

– Останется... Но ведь разница-то между орками и эльфами реально существует, разве не так?

Теперь задумалась она.

– Существует... Но вот представь, берутся дети орков и воспитываются в изолированной среде как эльфы. Кем они будут?

– Это зависит не только от воспитания. Хотя если им говорить, что они эльфы, сами они так и будут считать.

– То есть ты хочешь сказать, что орки – это группа людей в среднем более глупых чем эльфы? Так?

Ему трудно было ей ответить. Он сам именно так и считал. Хотя она, Эни... Откуда у нее такие совсем не оркские интересы и формулировки – «изолированная среда», откуда она знает про Дубликат?

– Эни, это все не я придумал... Мы живем в таком мире. Не мы его создали. И согласись, он намного безопасней и человечнее того, как жили наши предки.

– С этим-то я согласиться могу. А вот с тем, что ты ТАК думаешь... – она замолчала и снова надела на голову Шлем. Как будто захлопнула за собой дверь.

Больно захлопнула.

* * *

В этом уютном уголке Мультивселенной, на нашей маленькой Земле, из нашего родного такого реального и знакомого мегополиса или аула, все другие беккетовские-эвереттовские миры кажутся эфемерными и малозначащими порождениями чьей-то буйной фантазии. И в принципе, для обывателя так оно и есть. И никогда наш умеренно успешный Виктор Ондерович с планеты Зыёрс не встретится с менее блистательным покорителем подвядших женских прелестей Виктором Ондеровичом из иной версии сходного с Зыёрсом мира, ни с Виктором Ондеровичем – тотальным лузером и, может быть, алкоголиком или наркоманом, своим во всех остальных отношениях полным двойником из еще одного вселенского дубликата своего мира.

Через все беккетовские миры проходит невидимая глазу череда вспышек – точек бифуркации, в которых каждую секунду разделяются и множатся призрачные миры. ГиперВселенная сверкает и искрится как триллионы бенгальских огней. Невидимая жемчужная сеть покрывает настоящее, не видимое глазами простых смертных, пространство этого мира. Потому их и зовут – Мерцающие Миры. Сами они, если взять только временное измерение, живут уединенной жизнью хорошо изолированных проводов. И когда изоляцию вдруг пробивает, провод сторает так, как будто его и не было никогда. Впрочем, последнее – только версия. Не пугайтесь.

В одном из таких миров когда-то давным давно пионер Вольдик не только отрубил несчастной кошке голову, но и украл три рубля, выпавшие на его глазах из кармана своего одноклассника, пока тот купался. И пошло-поехало... пока не закончилось уже известными

нам событиями, с последствиями которых вынуждены бороться все задействованные в повествовании персонажи.

Конечно, с точки зрения любого человека, далекого от современной науки, в том мире, где пионер Вольдик не крал три рубля, и вообще ничего не крал, этот мир с украденной трешкой, и разложенной в неприличной позе как распутная девка в кустах нищей страной, как, впрочем и наш собственный мир, где нет никакого Вольдика, да все эти миры! – просто фантастическая и никак не влияющая на вкус котлеты во рту возможность. А ведь все мы живем в бесконечно ветвящейся голограмме-фрактале. Но такой красивой и реальной на вид...

* * *

Атмосфера в роскошной причерноморской резиденции, превращенной в тайную лабораторию практического бессмертия, чем-то напоминала обстановку всему миру известных ступинских «шарашек». Разве что возможности арестантов были здесь куда шире. Меню на заказ три раза в день. Каждый вечер новая девочка? Только скажите. Но во всем остальном это была именно «шарашка», в чем парочка наивных забугорных гениев быстро убедилась. Ни о каком свободном перемещении даже по ближайшем городку не могло быть и речи. Только с надежной охраной из персонажей с такими глазами, что прогулка напоминала конвоирование злостных преступников. Поместье охраняли самые настоящие крабовые береты, с головами, отбитыми о разные предметы, и синим крабом, выколотым напротив сердца.

А уж тем более о публикации материалов в научной прессе. Последнее больше всего напрягало молодых, амбициозных и жаждущих заслуженной славы Сержа и Марка. Ильич тыкал им в пункты договора с их подписями, где черным по белому было написано, что публикация возможна только после успешной имплантации сознания хотя бы одного только Генерального Заказчика в его новое тело.

Марк и Серж слушали его и пытались понять – кто тут дурак? Они-то прекрасно помнили, что в том договоре, который они подписали в начале, ничего подобного они не читали. Но спорить было бесполезно, а, может даже, и опасно – уж больно красноречив был вид и начальника охраны и его подчиненных.

У Марка даже возникли сомнения – а выпустят ли их отсюда после успешного завершения проекта, если все получится. Может лучше, наоборот, все затянуть. А над страной, куда завели их собственная наивность и таланты, уже вовсю сгущались тучи. Черный лебедь или буревестник уже мрачно и неумолимо носился над потерявшими свой золотой блеск нефтяными морями в удушливых газовых тучах, прорезаемых вспышками отвратительных финансовых и внешнеполитических новостей. А Ильич, которого обещали поставить на счетчик за не сдержанные обещания, изо всех сил тропил ребят. И ребята решили – будь, что будет, тем более, что особого выбора у них не было. И налегли на проект.

И вот пришел день самой главной попытки. Заказчик, нагруженный супер-ноотропами и могучими стимуляторами, лежал, окруженный приборами и непрерывно вспоминал, отвечал на вопросы, проходил тесты, иными словами всеми способами активировал все возможные очаги своего мозга. Этот процесс продолжался целую неделю.

По стране поползли слухи по поводу исчезновения главного человека страны – этого краугольного, замкового камня всей нынешней карассийской цивилизации, как представляли Главного Заказчика населению козлоторские старцы в рясах и без, а также известные каждому телезрителю крикливые мальчики и девочки с ток-шоу.

И вот, по мнению гениальной парочки, перенос был в общих чертах завершен. Необходимо было протестировать результат переноса целой личности на новый носитель в работе. А для этого требовался живой организм, без которого, в полностью искусственной среде сознание пока работать не могло. Да и не ставилась такая задача в принципе. Лучшие из Лучших должны были жить в дворце прекрасного молодого тела, жить, наслаждаясь всеми щедрыми возможностями Жизни и не боясь смерти.

Насчет «не боясь смерти» в самом начале разговоров не было. Но по мере появления реальных достижений эти разговоры все-таки возникли. Ильич как представитель Главного Заказчика уже поговаривал о новом контракте, обещая просто астрономические гонорары. Главный Заказчик хотел иметь бэкап на случай разных непредвиденных событий.

Марк и Серж, переглянувшись, обещали подумать, но потом – впереди был главный этап. Для начала было решено использовать тело все той же Джини, относительно молодой и жизнелюбивой самки шимпанзе, уже избавленной от мыслящего огурца в малом тазу и шумно радующейся свежим бананам и новым игрушкам.

Конечно, никто не мог предположить, как поведет себя осознание человека, подключенное к телу высшего примата и внезапно получившее доступ к органам чувств и всей нервной системе обезьяны. Информационный обмен, как показал опыт с Джокером, в этом случае получается двусторонний, и полученный опыт может оказать непредсказуемое влияние на подключаемую к чужому организму личность.

Для Джокера полученный опыт недельного бытия в женском теле оказался разрушительным. Само пребывание в чужом теле, как казалось наблюдателям, его не сильно фрустрировало. Да, он легко захватил контроль над телом знакомой ему самки и удивился поначалу трансформации, затем наступил этап вдумчивого изучения своей новой телесной оболочки и ее возможностей. Было видно, что, глядя в зеркало, Джокер понимает, чье это тело. Увидев «себя» в зеркале первый раз, он кинулся искать настоящую Джину, и не найдя ее, задумался, усевшись на полу вольера. Он по привычке потянулся к месту, где еще недавно торчал отросток, теребление которого так его порой успокаивало. И обнаружил там нечто иное. И снова подход к зеркалу и внимательное разглядывание и придирчивое ощупывание.

Никаких изменений в аппетите и прочем исследователи не обнаружили. Настоящий же Джокер после переноса сознания был разбужен и отселен в другую часть поместья.

Эксперимент можно было считать удачно завершенным, но Марк предложил проделать еще один опыт – пересадить «мыслящий огурец» самому донору и посмотреть, что произойдет. По умолчанию схема проведения эксперимента предполагала возможность переводить мозг донора тела в положение «slave», отдавая приоритет имплантированному сознанию.

– «И станут жопы головами!» – шутил по этому поводу жизнерадостный Ильич. Ильич, надо отдать ему должное, активно участвовал в экспериментах, помогал чем мог, и даже порой делал вполне полезные предложения.

И вот Джокер пробуждается от послеоперационного сна, «торпедированный» Джокером-программой. Вначале все идет как обычно. Затем он, кажется, что-то начинает подозревать, вот он бежит к зеркалу, ощупывая себя в разных местах. Он явно помнит о прошлом опыте. То есть это именно тот Джокер, который был перенесен в женское тело шимпанзе и обратно. Он явно озадачен. Аппетит животного снижен, им явно овладела апатия.

Решили свести его с Джинной. Обычно они радовались друг другу. Но тут произошло неожиданное. Джокер отнесся к Джине как к неизвестному и потенциально опасному незнакомцу, Джина тоже не проявила прежней симпатии. Они молча обошли друг друга по кругу. Джина, которая, кстати, после удаления чужого осознания вела себя совершенно как обычно тоже, казалось, что-то чувствовала.

А потом Джокер вдруг кинулся на Джину и попытался ее ударить. Повторная и последующие попытки свести их вместе тоже провалилась. А затем Джокер загрустил и прекратил есть. Чтобы спасти животное, было решено удалить «второго Джокера» из под кожи прямой кишки первого. Но проведенная операция не принесла ожидаемого облегчения. Несчастное шимпанзе полностью потеряло интерес к жизни, и через пару недель было найдено посередине вольера мертвым.

В общем, все оказалось не таким простым. Но Заказчик требовал все настойчивее, и надо было что-то делать. И вот они все наблюдают, как пробуждается крупное и слегка перекормленное тело Джинны, заряженное мозгом, Сами Знаете Кого в одном интересном месте. Волнующий, незабываемый момент!..

Вот Джина открыла глаза, села, почесалась и... замерла. Потом медленно перевела глаза на свои ноги. Потом поднесла к глазам одну из лап... И кинулась к зеркалу. Обезьянье лицо несколько секунд изображало ужас, потом застыло, а потом... она улыбнулась. И обернувшись, искала глазами наблюдателей. Потом выставила вперед руку с поднятым вверх большим пальцем. И сделало приглашающий жест.

Это был успех... Говорить у нового существа, правда, не получилось. Даже писало оно с трудом, но смогло тут же сообщить, что хочет побыть в новом теле пару дней. Джина, нет Джин, как тут же обозвал новую гибридную сущность Ильич, занялось активным изучением возможностей своего нового тела. Джин скакал по развешанным веревкам и веревочным лестницам, кувыркался, строил рожи. Успокоившись, перешел к вещам поинтересней. Первым делом, он перещупал свои соски, а затем с самым серьезным выражением лица засунул себе во влагалище палец. Потом подумал и вставил сразу два. В общем два дня для Джина, или Главного Заказчика, оказались очень познавательными. Затем мыслящий имплантант удалили.

И тут встал главный и весьма щекотливый вопрос – где найти донора тела для переноса осознания Главного Заказчика в его новую радостную молодость. Этический вопрос, похоже, Главного Заказчика не интересовал вовсе. Говорили, что он, закрывшись у себя в кабинете, активно изучал образцы современной мужской красоты и, опять таки по неподтвержденным слухам, им самим был создан примерный портрет предполагаемого реципиента. Это был высокий, широкоплечий, не ниже 185 см, блондин с прямым носом, голубыми, а желательно синими глазами и солидным мужским достоинством с крайне точными характеристиками последнего, к которым прилагался старательно выполненным самим Главным заказчиком рисунок. В общем, истинный ариец, нибелунг, прожигатель женских сердец – вот что требуется!

Появились и первые кандидаты. Особенно понравился Главному Заказчику один «апполон» из головочкины, но изучение анкеты слегка расстроило – предки из высланных при Ступине, к тому же он казался каким-то малахольным и склонным потреблению разных веществ, хотя эти подозрения и не были доказаны. Но что делать, времени-то нет..

А пока думали да решали, был поставлен предварительный эксперимент. Для этого было решено обогатить недолгой жизнью в теле животного осознание Главного Заказчика под-

ключить к телу самого же Главного Заказчика. А заодно узнать его впечатления от недавнего путешествия в мир наших волосатых предков.

И вот мыслящий огурец старательно внедряется в немолодое усталое тело Главного Заказчика. Пробуждение прошло штатно, выявив доминирование нужной копии сознания. Все шло как нельзя лучше. Но потом события внезапно ускорились. В воздухе все отчетливее пахло жареным, политическая обстановка накалялась. Национальная валюта брала все новые и новые рекорды по дешевизне, цены на жизнь в стране, наоборот, перли вверх, как олимпийцы на мельдонии.

Было решено поторопиться. Последний раз были взвешены все за и против, и выбор пал на того самого не слишком благонадежного блондина. Его усыпили, похитили и вертолетом доставили в «замок доктора Зло», как между собой звали место своего заточения Марк с Сержем. Никаких вопросов они уже никому не задавали.

И вот на операционном столе упругими, прекрасной формы ягодицами отражает свет операционных софитов молодое красивое тело, в заднее место которого с некоторым усилием запикивают электронную копию сознания Главного Заказчика. И тут внезапно гаснет свет. Генераторы запустились быстро, и операция продолжилась. За ней, покусывая от волнения то губы, то кулак, наблюдал сам Главный Заказчик. Еще немного, и их станет двое. Драматический момент... Внезапно в операционный зал вбежал пресс-секретарь и что-то зашептал ему на ухо. Главный заказчик суетливо вскочил и побежал к выходу. Снаружи слышался гул вертолетных двигателей.

Когда операция была завершена, и тело реципиента с вживленным осознанием Главного Заказчика еще мирно покоилось под наркозом, хирург, Марк, Серж и Ильич вышли из помещения на солнечный свет. К ним подошел один из охранников и сообщил:

– Вам сказано никуда не отлучаться! – фраза была излишней, все и так знали местные порядки. Потом охранник добавил:

– Слышали – бомбу ядерную взорвали где-то за Квасквой..

– Кто?!!!

– А кто его знает. Как бы войны не было...

У охранника сработала рация – начальник охраны отдал приказ собрать вещи. Научное население слушало приказ с немим изумлением. Их бросают?

– Пойдем, посмотрим на пациента, – сказал Ильич, – пора уже бы ему...

Еще подходя к операционной, они услышали странный шум. На операционном столе никого не было. Рядом в оборонительной позе с длинным скальпелем в руке стоял с ошалевшим видом совершенно голый испуганный парень и, как казалось, к чему-то прислушивался.

– Не подходите! – закричал он, увидев вошедших. Они благоразумно задержались в некотором отдалении.

– Где я? Кто вы такие?! – голос парня звучал хрипло и напугано.

Вперед вышел Ильич и делая успокаивающие пассы обеими руками, заговорил:

– Успокойтесь. Успокойтесь... Сейчас я все объясню.

Тут дверь в операционную снова открылась, и вошел один из охранников. Увидев человека с оружием и в камуфляже, парень толкнул в его сторону каталку, обежал стол и выскочил через вторую дверь, ведущую к лабораториям.

Охранник кинулся за ним, на ходу снимая предохранитель. За охранником уже бежали все остальные.

– Стойте! Не стрелять!!! Это царьзидент!!!
Они остановились перед запертой изнутри дверью.

– Какой еще царьзидент?

– Самый настоящий. Не верите, начальника спросите.

Охранник связался с шефом. Тот появился на месте буквально через минуту. Ильич торопливо объяснил ему, что произошло...

– То есть этот – это Тот? – косноязычно и заикаясь спросил начальник охраны.

– Тот-тот, сегодня пересадили.

– А кто тогда только что улетел?

– Значит, второй.

– И кто из них главный?...

Повисла пауза.

– Эй, ... – обратился он по имени отчеству к забаррикадировавшемуся за дверью. Оттуда не отвечали.

– Ломай дверь, – приказал начальник охраннику.

Ломать ее не пришлось, дверь была приперта еще одной каталкой и парой стульев. В помещении никого не было. Беглеца они обнаружили уже в следующем помещении.

На обращение он не отреагировал, продолжая затравленно озираться по сторонам.

– Господин Царьзидент!!! – закричал начальник, приближаясь незнакомцу, – Мы свои! Свои!

Но парень был быстрее. Он разбежался, выскочил через открытое окно, и большими прыжками кинулся через всю территорию поместья. Бежал он как настоящий спортсмен, быстро и ловко, перепрыгивая невысокие преграды и умело обегая прочие препятствия. Хорошее тело, подумал завистливо Марк, который здесь сумел поправиться почти на 10 килограммов. Команду стрелять начальник охраны отдал поздно, когда беглец уже карабкался по кабелю на заборе. И первая пулеметная очередь ударила уже по пустому забору. Еще через секунду к нему подключился второй пулемет. И тут же забухал АГС. В заборе появилась и быстро увеличилась в размере дыра. За дырой был виден лес.

Когда стрельба на миг смолкла, тишина не наступила – над посадочной площадкой уже завис вертолет.

– Там кровь и... никого, – доложил запыхавшийся охранник, сбегавший по команде к образовавшемуся пролому.

– Всем в вертолет! – скомандовал начальник.

– А мы? – спросил Ильич.

– А вы свободны!

Пахло пороховой гарью. Еще слышался в отдалении шум улетевшего вертолета, забравшего всю охрану. На центральную площадь поместья понемногу выползли оставшиеся обитатели брошенной резиденции – повар, посудомойка, горничные, садовники...

– А что с нашими деньгами теперь будет? – спросил практичный Серж. Часть денег была им перечислена в виде аванса несколькими платежами, но основную сумму они должны были получить после завершения всей работы.

– А ничего не будет... – успокоил его Марк, – Ничего...

И улыбнулся. Они были живы. Они были на свободе. Потом добавил, вспомнив фразу из любимого фильма:

– Было круто!

Рассказ этот произвел на «Грека» -Васина двойственное впечатление. Борис Борисыч, бывший начальник охраны, не был фантазером, это точно. Крабовый берет, служебный пес, такой же как он сам когда-то, вот кто он был, этот Борис Борисович. Исполнительный и лишенный ненужных фантазий.

– Так, значит, ты отдал команду стрелять по царьзиденту? – посмотрел на него в упор Васин.

– Да не царьзидент это был! Просто парень какой-то! Спросите Ильича, он подтвердит.

– А где, кстати, Ильич?

Выяснилось, что никого местоположение ни одной из трех ключевых фигур, связанных с тайным экспериментом, не известно. Иностранцы, должно быть, радостно покинули страну, а где был хитроумный инициатор проекта, тоже было покрыто мраком.

– Ладно, что дальше-то было?

– А что дальше... Когда до Квасквы добрались, получили новое указание и двинули в сторону бункера. Но туда нас уже не пустили, территорию блокировали эти... А потом как все – в бега.

Полковник Васин на минуту задумался. То, что было дальше он, знал прекрасно. А вот по только что услышанному вопросы оставались.

– Борис, а ты откуда все это знаешь? Ты же служака, не колдун какой научный...

– Как откуда? Два года все это наблюдал. Там же камеры всюду. Да и с рыжим этим Ильичом не раз пивко пил с девками. Он мне много чего порассказал...

– То есть ты хочешь сказать, что этому сбежавшему чуваку в жопу мозг царьзидента вставили?

– Ну да, типа того. Только что-то пошло не так. Раньше у них все получалось, и с обезьянами и с людьми. А тут было видно, что это не царьзидент.

– Угу... и он точно жив?

– Я не буду утверждать того, чего не знаю. В одном уверен – он был ранен. Возможно, умер потом.

– Ладно, спасибо за информацию.

* * *

Она его простила. Подползла ночью и приласкала. Сказала, что хочет узнать, может ли эльф стать по ее просьбе разнузданным и грубым орком. Так, в порядке игры... Он смог. И ему понравилось.

Они лежали рядом, сцепив руки.

– Знаешь, чем дальше узнаю тот мир, тем больше у меня вопросов. Вот, например, этот ихний царьзидент. Как ты думаешь, получилось у него? А вдруг он очнется там, в заднице этого красавчика, наверняка эльфа (она толкнул его локтем в бок), а контроль взять не сможет. Что тогда? Это же Ад настоящий... Всю оставшуюся жизнь слушать как рядом течет это самое...

– У нас, если ты знаешь, тоже были подобные попытки. Лет сто с лишним назад.

– Знаю. А потом богатые эльфы решили проблему иным способом...

Опять эта скользкая тема...

– Эни, «эльфы» здесь лишнее слово. Есть и орки, которые тоже живут по 150 и больше. Знаешь об этом?

– Знаю. Только сколько таких орков и сколько таких эльфов? Я знаю, сколько стоит ангрейд и в деньгах и в баллах Небесного Реестра. Страшно стареть... А еще хуже знать, что кто-то другой имеет возможность всего этого избежать.

* * *

Нет, он не умер. Он даже не был серьезно ранен, если за раны можно считать порезанные о стекло на верхней поверхности забора руки. Когда началась пальба, какая-то непонятная чисто звериная интуиция отбросила его метров на 10 от того места, где буквально через секунду крупнокалиберные пулеметы и АГС начали крошить забор. Он добежал до оврага и начал кубарем катиться вниз. И только чудо спасло его от второго варианта смерти – он вовремя увидел синеву снизу и схватился за пролетающий мимо молодой ствол как-то деревца.

В голове все плыло и мешалось. Но внизу, теперь он явно это видел, был обрыв. Он осторожно пополз в выбранную сторону, стараясь держаться не ближе пяти метров от обрыва и держась за корни и ветви. Его мутило. В голове стоял странный звон. Где он? Он не знал. Судя по всему, он только что сбежал из какой-то жуткой операционной. Что там с ним хотели сделать? Разобрать на органы? В любом случае, у них не получилось. Он услышал гул вертолетных винтов и спрятался под самую густую крону поблизости. Когда гул затих, он проложил свой путь дальше. Потом отыскал удобную расселину и затаился. Болели порезанные руки, и почему-то очень болел зад. А еще периодически сознание как бы пропадало, а в голове появлялся странный шум. И угнетало отсутствие одежды.

Его обнаружили отдыхающие спящим в голом виде калачиком в расселине и сперва приняли за труп. Когда «труп» ожил и завертел головой, они очень удивились. А когда «труп» спросил «где я», они удивились еще больше.

Но потом пришла очередь удивляться «трупу».

– Где?!!! Какая еще Праздноварская губерния?!

Ему дали телефон и позволили позвонить домой. Память не сразу выдала нужные цифры, но со второй или третьей попытки он дозвонился. Выяснилось, что его хватились вчера, когда он не пришел с работы домой. Ни одежды, ни документов. Кое-какую одежду ему принесли добрые люди, которые его нашли в лесу. И немного денег. Через пару дней приехал брат и забрал его домой.

С тех пор прошел год. Его жизнь внешне не сильно изменилась. Он по-прежнему ходил на работу и даже иногда церковь, но что-то пошло сильно не так. У него вдруг появился ангел-хранитель. Правда, какой-то весьма своеобразный. Все началось буквально на следующий день после приезда из этой необычной «командировки» на черноморское побережье. Он пошел на работу и сидел за своим столом напротив клиента. Клиент жаловался на проблемы с финансами и, ссылаясь на трудности и их давние отношения, бесовестно вымогал скидку.

Скидку Никита мог дать, только зацепив собственный процент, что было неприемлемо в принципе при его личной ситуации с деньгами. Клиент же продолжал давить на жалость.

И тут он услышал голос. Голос этот он раньше никогда не слышал. Или слышал, но непонятно где... И голос этот сказал всего четыре слова:

«Пиздит, сука, как Стоцкий»

Никита повел головой из стороны в сторону и оглянулся. Они были вдвоем.

«Не верь ему» – добавил голос.

И он отказал в скидке. Клиент ушел, обещав подумать о смене поставщика.

Оставшись один в кабинете, он задумался – а может, показалось.

«Не ссы, не показалось» – ответ прозвучал незамедлительно.

«Ты кто?» – спросил он мысленно.

«Конь в пальто» – голос был ернический и какой-то злобный.

«Оставь меня в покое» – обратился он к незнакомцу.

«Хрена лысого» – уже добродушней отозвался голос в голове, – «Я теперь – твой добрый ангел»

«А зачем ты тогда ругаешься?» – спросил он ангела.

«Время нынче такое. Даже у ангелов.»

Так в его жизни появился свой ангел. Ангел встречал тогда, когда хотел, часто сквернословил, порой просил поставить какую-нибудь музыку. Обычно это был шансон, который Никита терпеть не мог. Стало трудно общаться с девушками.

«Какая задница» или «Давай вставим этой телке» – были любимые выражения ангела. И самое обидное, заткнуть его было очень трудно. Во время интимных встреч ангел вообще пытался командовать и описывал происходящее в таких выражениях, что у склонного в целом к христианским добродетелям Никиты, кровь стыла в жилах, и пару раз даже случился конфуз.

«Не говори под руку, а то из-за тебя опарафинился...» – попросил он ангела. Ангел подумал и согласился.

«Ладно, партнер, жарь их как умеешь, а я помолчу». И, в целом, слово свое держал.

Иногда он давал дельные советы, например, в том, что касалось поступков и намерений других людей, особенно плохих. Иногда же его лучше было не слушать. Никита через некоторое время сделал вывод, что ангел – довольно пошлая личность с умеренным интеллектом и старался больше не обращать на его слова никакого внимания. Он сжился с ним как с занозой, которая обросла ороговевшей тканью и уже не так беспокоит, как в начале.

И вот однажды вечером ангел обратился к нему с вопросом:

– «Никит, скажи, а на хрена тебе эта твоя работа?»

– «А у тебя, что есть для меня другая на примете?»

– «Может, и есть...» – протянул ангел. – «Но ты же, осел, не слушаешь.»

– «Почему? Человек должен вести себя разумно.»

– «Ну ладно, разумный ты наш... Слушай сюда...»

Странный рассказ ангела был похож на полный бред, но ангел обещал ему предоставить определенные доказательства того, что он говорит правду, и Никита решил поверить. И проверить.

На следующий день Никита написал заявление на отпуск без содержания и отправился проверять рассказ «ангела». Если бы он знал, во что это все выльется, он бы серьезно подумал, что лучше – говорящее создание в голове, пошлое и циничное, но которое в принципе можно и просто проигнорировать или... или то, что ему пришлось претерпеть на своем пути.

Когда ангел предложил ему много денег, назвав совершенно нереальную сумму, Никита засмеялся.

– «Да ты не ангел, а демон... А душу тебе не нужно, случаем?»

Выяснилось, что души у ангелов и чертей больше не котируются.

– «Я тебе скажу, что мне нужно. Ты меня доставишь к одному человеку.»

– «И все?»

– «И все.»

– «И я тебя больше не услышу?»

– «Хотелось бы верить...» – голос привидения был слегка задумчив.

Еще через некоторое время их знакомства Никита уже знал, что этот поселившийся в нем ангел или демон, или кто там еще, кроме беспонтовости и болтливости оказался довольно таки беспомощным созданием. Получалось, что самостоятельно по горным высям или прочим тайным тропам он путешествовать не мог и требовал для собственного передвижения его, Никиты, активности. Пассажир, короче. Он чувствовал себя водителем трамвая, в котором поселился говорливый и бесцеремонный безбилетник. При чем этот безбилетник требовал от водителя трамвая кардинальной смены накатанного маршрута, обещая некие несусветные по размерам, но вполне мирские блага.

Первым делом демон, так теперь звал своего внутреннего постояльца Никита, попросил узнать, где сейчас находятся некоторые люди. В список входили в основном политические деятели и крупные бизнесмены.

– «Сидит? Ладно... Тогда этот? В розыске, проехали...»

Они пробежали уже почти два десятка фамилий, пока не обнаружили человека, который и никуда не сбежал и не сидел. Мало того, это был теперь известный политик новой волны, жестко выступающий за усиление люстрации и примерное наказание разрушителей страны и растлителей несчастного карассийского народа.

– «Что, вот так и сказал – разрушителей и растлителей?» – недоверчиво промолвил демон.

– «Да, блин... а было время, вот с этой руки кормился, сучок.»

– «Так значит, ты никакой не демон... А кто тогда?»

– «А тебе какая разница? Я же тебе предложил сделку – ты делаешь, что я прошу, я башляю.»

– «Башляет он... Ну хоть имя тогда скажи. Ты-то меня Никитой зовешь. А мне к тебе как обращаться?»

– «Ноосфер», – подумав, представился демон. – «Пойдет?»

То, что предлагал сделать демон Ноосфер по отношению к Владиславу Гурьевичу, выглядело как банальное вымогательство.

– «...Понимаешь, нам, чтобы повернуть всю операцию, потребуется оборотный капитал. И эта перекрасившаяся свинья может нам его дать.»

– «И каким это образом она нам его даст?»

– «А таким...»

Визит в названный монастырь помимо указанной Ноосфером цели был интересен Никите и сам по себе. Настоятель заведения, отец Собачкин пребывал в глубокой печали. Новый порядок финансирования религиозных организаций по богопротивному немецкому образцу поставил огромное количество церквей и монастырей на грань закрытия. Все пытались выжить, как могли – кто пытался привлекать туристов, кто – сдавать помещения в аренду. У отца Собачкина тоже был свой секретный ресурс, правда, пока он еще не придумал, как его использовать.

Когда ему доложили, что явился некий гость с делом лично к нему, он принял гостя у себя в келье.

Вошедший носил крестик, но во всем остальном был человеком светским и весьма молодым. Вошедши, он перекрестился на образа и внимательно посмотрел по сторонам. Они были одни. Он назвал пароль, который ему сказал Ноосфер.

Святой отец слегка вздрогнул и, моргнув, спросил:

- Неужто от...?
- По-видимому так...
- Отец Собачкин побледнел и сел в кресло.
- Что... с ним? Как он?
- Он в порядке. Передает привет и говорит, что ничего не забыл. Я здесь по его поручению – нужно поработать с документами.
- А! Это всегда пожалуйста....

Монастырь оказался местом хранения архивов с компроматом на всех бывших соратников. Папки касательно нужной персоны были довольно пухлыми, но он управился за пару дней, выбрав самое «вкусное» с точки зрения Ноосфера. Кое-что пришлось отсканировать.

Папка отправилась к адресату с припиской:

«Привет, сынок. Рад за тебя, за твой большой успех на новом поприще. Надеюсь, ты помнишь своего старого доброго папу, которому сейчас нелегко. Мне очень нужны деньги.

Высылаю тебе кое-какие документы в память о нашей нежной дружбе и надеюсь на понимание.

P.S. Если фотографии понравились, не стесняйся, сынок, вышлю еще. Это – лишь малая часть нашего общего славного прошлого.

Твой папа»

Еще в письме был указан способ передачи денег и сумма. Никита сомневался:

- «А если он сдаст органам? Типа вымогательство?»
- «Не сдаст. Ты его не знаешь. Мелкая душонка. Выложит все до копеечки.»
- «А почему тогда больше не попросить?»
- «Баланс надо чувствовать. Нам и этого должно хватить на первое время.»

* * *

Но как же он ошибался, этот незадачливый демон, поселившийся в непонятном месте никитино организма! Владислав Гурьевич выдержал паузу в пару суток и дал положительный ответ, запросив при этом номер его, Никиты, телефона.

А еще через сутки прозвучал звонок с телефона с не высвечиваемым адресом.

Голос в трубке был по-кошачьему мягок. Говорящий начал было с вопросов, но четко проинструктированный Ноосфером Никита жестко пресек расспросы и сразу перевел разговор в нужное русло – когда и где будут переданы деньги.

– Вы – деловой человек, хоть и молоды, судя по голосу... – похвалил его голос в трубке, – И Вы должны понимать, что деньги на деревьях не растут. Вы сейчас где, в городе?

– Какая разница? Мне поручено получить деньги. Папе они очень нужны – возраст, здоровье... А у вас, как мы все знаем, они есть.

Собеседник задумался, и Никите показалось, что пауза как-то слишком затянулась.

- Так как, – еще раз спросил он, – где и когда?
- Я Вам перезвоню, – ответил кошачий голос и отключился.

Перезвонил он лишь на следующий день и предложил получить деньги в камере хранения одного из супермаркетов его областного центра.

– Подъедете с главного входа. Проедете парковку и найдете машину с номером, 555, черную. Рядом будет стоять тележка, в ней будет лежать бирка с ключом. Это номер от ячейки.

За день до назначенной даты Никита посетил выбранный Владиславом Гурьевичом торговый центр. Было видно, что построен он относительно недавно, и зеленая зона, отделяющая парковку и само здание от трассы, еще не успела разрастись. Заездов на территорию было действительно два – главный, широкий, и второй – узкий, постоянно запаркованный дополнительный выезд, где две машины уже не могли разъехаться. Парковочная зона охватывала здание с трех сторон.

Никита решил, что приедет пораньше и припаркуется со стороны трассы за автобусной остановкой. Ноосфер, который, видимо, наблюдал мир его глазами, одобрил выбор.

Утром он напутствовал Никиту:

– «Ты это, поосторожней и побыстрее. А еще лучше бы тебе переодеться...»

Одетый в спортивный костюм, Никита уже три часа сидел в авто. Когда до назначенного времени осталось всего пять минут, он вышел из прогретой машины, прошел 200 метров до парковки и стал обходить ряды припаркованных машин. Черную БМВ с звучным номером он обнаружил достаточно быстро. Она стояла мордой к выезду, но тележки рядом с ней не было. Он прошел мимо с максимально незаинтересованным видом, делая вид, что что-то смотрит на экранчике своего телефона, перешел на другой ряд между машинами, развернулся и пошел в обратном направлении. И увидел, как по ряду в направлении черной БМВ парень, по виду охранник магазина, катит пустую тележку. Он поставил тележку между БМВ и соседней машиной, оглянулся по сторонам и пошел к магазину.

Никита посмотрел на машину. Ему показалось, что в ней сидят двое, но он не был уверен. Он подошел сзади, к задвинутой тележке, вытолкнул ее в проезд как раз перед мордой БМВ, схватил бирку с ключом, и быстрым шагом направился к входу. Но не успел сделать и пары шагов, как услышал звук открывающейся двери. Из БМВ выскочили двое и бросились к нему. Он побежал, лавируя между машинами. Оглянувшись, увидел, что преследователи уже садятся в свою машину. Либо чего-то испугались, либо тут есть еще кто-то. Он забежал в магазин и пересек ворота торговой зоны, и сразу же кинулся к кассе. Пока кассир пробивала ему жвачку, он внимательно осмотрел пространство вокруг. Вот камеры, вот охранники. Вроде бы ничего необычного. Купив ненужную резинку, он вышел к тому же выходу и, стоя за стеклом изнутри магазина, внимательно осмотрел окружающее пространство.

– «Давай к машине», – скомандовал Ноосфер.

Никита просканировал взглядом путь до машины и видимый отсюда участок трассы. Знакомой черной машины в поле обзора не было.

Только сев в машину, он понял, что ключ с биркой по-прежнему у него.

– Это хорошо, пальчики не оставил... – прокомментировал Ноосфер и после секундной паузы выдал такой залп ругательств, вся стилистика и интонации которых очень много говорила о богатом и весьма специфическом жизненном опыте оратора. Слова «пидор», «параша» и «замочить» в этом вокабуляре и, очевидно, способе мылить, явно составляли главное семантическое ядро.

– «Знаешь, что, Ноосфер...» – начал Никита, – «Не нужны мне эти деньги...»

– «Как это не нужны?» – растерянно и даже испуганно спросил демон.

– «А так. Давай-ка ты от меня отстанешь.»

И Никита попытался представить себе свое возвращение в родной городок. На работе, положим, скорее всего, ждут – продажник он хороший. В любом случае, надо ехать. А демона забыть.

Но демон не унимался. Всю дорогу он не замолкал, пытаясь убедить Никиту в его неправоте.

– «Ты что, зассал? Не пацан, что ли? Да мы этого сидора прилизанного вонючим демократическим свиньям скормим на раз... А не он, так другого обуем. Ты главное не ссы...»

К концу дороги голова у Никиты разболелась. Домой он не поехал, а сразу позвонил Алене, своей верной подруге. Алена была старше его почти на семь лет, разведена, бездетна и хотя ее годы лишь слегка перевалили за цифру 30, совершенно лишена иллюзий. Их близость началась с простой дружбы и завершилась постелью по ее, Алены, подкупающей своим простодушием просьбе трахнуть ее, Алену, исключительно по медицинским показаниям – для обоюдного здоровья и, может быть, удовольствия. Самое интересное, что и интерес к церкви в нем тоже пробудила она, Алена, двумя месяцами раньше.

Внутренний духовный мир Алены был богат и многомерен – в нем мирно уживались астрология, нумерология, голая йога, и, естественно, Скопославие – главная официальная скрепа Карассии и при царях и при царьзидентах.

А еще у Алены была ощущаемая многими, не только Никитой, какая-то непонятная внутренняя мудрость. И сейчас он направился именно к ней. Вот только как он ей все это расскажет при этом, Ноосфере, который наконец-то угомонился.

Алена ничего не знала о его недавнем решении уйти в отпуск, и была очень удивлена его отсутствием. Они сидели на кровати, и он последовательно рассказывал ей свои приключения. Глаза Алены были неотрывно прикованы к нему. Ноосфер молчал.

Он закончил и замолк.

– Ну-ка, встань! – скомандовала Алена. Он встал. Она подошла сзади и стала водить вокруг его тела руками, не касаясь тела. Больше всего ее интересовали область головы и почему-то таза.

– Так... Не, я сама не справлюсь! Одно могу тебе сказать – это демон!

– Какой демон?

– Откуда я знаю... – она задумалась. – Матерится, говоришь... А как он к сексу относится?

Никита рассказал ей про про советы и комментарии незваного обитателя его сознания во время их с Аленой сексуальных игр.

– Так это мы тут, оказывается, групповичок имели... Интересно... – Алена становилась все серьезней и серьезней.

– Погоди, сейчас я кое-кому звякну.

– Кому? – забеспокоился он.

– Есть тут один чувак... Очень крут. С аурой работает, инграммы удаляет без одитинга, духовность повышает сразу на три уровня за раз. Специалист по голой йоге, кстати, невероятный.

Внешность накрутейшего специалиста по голой йоге удивила Никиту. Это был невысокий и немолодой уже лысоватый человек с хитрыми глазками, окруженными паутинкой морщинок. Как у многих рыжих людей руки его и шея были покрыты веснушками, а руки еще и рыжими волосиками. Рука его была горяча, пожатие было крепким и энергичным.

Он представился Владленом Ильичем. Просто, без фамилии. И сразу проявил к новому пациенту необычайный интерес.

Они общались в одной из комнат его особняка, превращенной в кабинет. На стенах висели портреты уважаемых Владленом Ильичем личностей, среди которых Никита смог узнать Эйнштейна, Дарвина, Фрейда, Шоу и комика Джона Карлина.

Другая стена, непосредственно над рабочим креслом хозяина была увешана многочисленными дипломами. Дипломы Владлен Ильич любил. Судя по этому иконостасу, трудно было назвать область человеческого знания, где бы Владлен Ильич не был специалистом. Больше всего было дипломов так или иначе связанных с психиатрией и психологией.

Алена изложила суть проблемы. В глазах хозяина кабинета, и без того не отрывавшего глаз от Никиты, горел отчетливый и нескрываемый интерес. Начались расспросы. Пока шли обычные вопросы про какие-либо психологические и психиатрические проблемы в прошлом, наличие которых Никита категорически отрицал, все вполне напоминало обычный прием у врача.

Но когда тот рассказал, когда все это началось, выражение лица Владлена Ильича на миг приняло изумленное выражение. Потом он оправился и продолжил расспрос:

– Значит, вы считаете, что вас похитили? Расскажите-ка поподробней...

Он рассказал, все как было, начиная с его пробуждения на операционном столе в неизвестном месте до того дня, когда демон проявил себя первый раз. Алена с ужасом слушала его рассказ. Ей он про это не рассказывал никогда. Он закончил, и наступила тишина, нарушаемая только еле слышной работой кулера компа.

Хозяин кабинета был задумчив...

– Владлен Ильич, может, ауру стоит просканировать... – начал было Алена. Владлен Ильич коротко взглянул на нее, потом перевел глаза на Никиту.

– Я вас оставлю на пару минут. Извините.

Он вышел и вернулся только через минут пятнадцать, явно с изменившимся настроением. Но в какую сторону оно изменилось, по быстрым цепким глазкам хозяина кабинета понять было трудно.

– Вас ведь Никита Сергеевич зовут... Угу. – Он что-то записал себе в ежедневник. Помолчав, произнес следующее и совершенно неожиданное для Алены:

– Ауру мы сканировать не будем.

– А что будем, с чего начнем?

– А с того, что мне нужно для начала подумать... – он попросил сотовый Никиты.

Мне кажется, ты его чем-то напугал, – удивленно сказала Алена, когда они вырулили на дорогу. А вечером ему позвонил сам Владлен Ильич и попросил срочно подъехать.

– «Не езд», – внезапно прервал свое долгое молчание Ноосфер.

– «Почему?»

– «Плохой это человек. Страшнее того, кого мы на бабки хотели развести.»

– «Это ты хотел бабок.»

– «Это уже не важно. Не езд», – в голосе призрака впервые послышался страх.

– «Пошел вон.»

Владлен Ильич радушно, как старого знакомого встретил его у ворот и начал с неожиданной экскурсии по территории вокруг дома, и только когда они обошли вокруг дома пару раз, повел его в знакомый кабинет.

Владлен Ильич сбегал на кухню и принес початую пузатую бутылочку.

– Я не пью, – заверил его Никита.

– Зря. Разговор предстоит серьезный... – он налил себе, выпил, скушал ломтик яблока, и уставился на Никиту.

– Скажите, а мое лицо вам не кажется знакомым?

– Нет, – чистосердечно ответил Никита.

– Что ж... бывает и так... – хозяин кабинета явно не знал, как начать.

– Знаете кто я такой?

– Кто?

– Жулик, – просто и с достоинством представился Владлен Ильич. – Жулик с семью дипломами о высшем образовании. Три, правда – практически настоящие

Никита не знал что ответить. Владлен Ильич, тем не менее, продолжил:

– Да, я жулик. И подвигаюсь в сфере, где жульничество давно узаконено во всех странах мира – в психиатрии и психологии. Мои клиенты – глупые и недалекие люди, которых ни один психолог в мире не может сделать счастливыми. Но если умеет, то может убедить в том, что такая возможность есть, и что она в его, психолога, руках. Это как лечение героинового наркомана – в 90% случаев – чистой воды обман.

– Зачем вы мне это все рассказываете?

– Подождите, я еще не закончил. Так вот бизнес этот психологический во многом зависит от удачи. Повезло – годами паришь мозги звезде из Голливуда и в ус не дуешь. Не повезло, живешь в этом Мухосранске и трахаешь ален, хоть какой-то гешефт. Простите старика за такую откровенность.

Никита не знал, что и сказать. Владлен Ильич наполнил оба стаканчика:

– Настоятельно рекомендую – разговор у нас будет архи-серьезный.

Никита выпил. Коньяк был густой и ароматный.

– «Не пей!» – заверещал голос в голове.

– «Заткнись», – неожиданно смело ответил демону Никита. Владлен Ильич уже чем-то начинал ему нравится.

– Так вот, возвращаясь к вашему демону... А, что если я скажу, где находится ваш демон.

– И где?

Ответ прозвучал неожиданно грубо. Настолько грубо, что Никита изумленно посмотрел на странного психолога.

– Да, голубчик, в жопе, именно там. Я Вам больше скажу, я и имя вашего демона назвать могу. Хотите? – он пристально посмотрел на Никиту.

– Хочу.

Услышанное в ответ показалось Никите диким абсурдом.

– Как это?!

– А так. Скажите, у вас после побега неприятных ощущений не было сзади?

Он вспомнил и кивнул – да, было такое.

– Вот-вот, там-то он и сидит.

– Кто он?

– Ну, я же вам уже сказал – сбежавший царьзидент.

– А что он там делает?

– Живет. Сейчас это единственно для него доступная форма существования. Вам же операцию там делали, вспомните.

Он помнил. А Владлен Ильич медленно и с выражением повторил суть сказанного ранее:

– В вашей симпатичной молодой жопе живет беглый преступник, скрывающийся от международного трибунала.

– Почему в моей?

– Он лично вас выбрал. Просто управлять вашим телом должен был он, но что-то пошло не так.

– Откуда вы все это знаете?

– Я бы сказал «от верблюда», но я сегодня как никогда настроен на откровенность. И я вам все скажу. Так вот, у меня есть брат-близнец, Феликс, и именно он руководил проектом по омоложению царствующей особы. А вы должны были стать жертвенным барашком для этой магической процедуры.

Никита с ужасом смотрел на собеседника и просто физически ощущал, как внутри него бьется в конвульсиях чуждое ему осознание. Бьется, пытаясь перехватить контроль. Он вспомнил и другие симптомы, тогда, еще до того, как демон решил себя обнаружить и вышел на связь, и потом, все эти сумеречные состояния, краткие подъемы температуры и прочее.

– И что мне теперь делать?

– А вот это самый интересный вопрос... Видите ли, Никита, я не очень люблю своего брата. И я сейчас ему ничего не рассказал и не расскажу. И у меня к вам есть некоторое предложение. Вот смотрите – у вас в жопе живет беглый царьзидент. А кто он такой? Беглый глава государства, которого ищет международный трибунал. Думаю, это не самое приятное ощущение. Но ведь у любой ситуации всегда есть вторая сторона. И знаете что?

– Что?

– Это шанс! И я предлагаю воспользоваться ситуацией.

– Как?

– Просто – давайте монетизируем нашего царьзидента.

– «Вот же блядь какая!!!» – раздался возмущенный голос где-то внутри. Но Никита его уже не боялся.

* * *

Он заснул, а Эни, похоже, могла оставаться без сна куда больше – она опять лежала рядом в шлеме. Она что-то напевала. Здесь в ночной комнате слова и мелодия на языке чуждого мира звучали странно...

«Делай, что должен и будь, что будет, наверно это отличный ответ на вопрос...»

Он положил руку ей на живот, там, где начинались волосики. Она скинула шлем.

– Знаешь, что... Может ты и прав – нет никаких орков и эльфов...

– А что есть?

– Мы с тобой. И те, что живут там. И знаешь... я бы хотела попасть туда, к ним.

По-настоящему, в своем теле.

– Почему?

– У них там все настоящее. Вот рубятся они вроде бы за ерунду с нашей точки зрения. Но эта ерунда – только если не думать. А задумаешься и понимаешь – деньги – не ерунда. Когда они есть, ты и помочь можешь кому угодно, и от старости убежать. Вот ты, думал когда-нибудь о своей старости?

Он задумался. Нет, скорее, не думал.

– А зачем?

– А затем, что она придет. А с ней подведение итогов. А еще лучше сделать так, чтобы она не пришла вовсе. Но я бы начала с итогов. С чем хочешь встретить старость ты?

– Не знаю, – честно ответил он. – Никогда об этом не думал.

– Это плохо. Считается, что это мы, орки, мало думаем о будущем. Но это не про меня...

– И каков твой план?

– Я думал, ты догадаешься – я не хочу стареть. И сейчас, изучая благодаря тебе, тот мир, я думаю о том, как это сделать... Нет, серьезно, я действительно об этом думаю. Я знаю, что ты скажешь, сейчас и в 60 можно выглядеть на 20. Но это все не то. Паллиатив.

– Эни, а ты точно орка?

– Тебе документы показать или сам в Облаке найдешь?

– Сколько тебе лет?

– Я думаю, что я тебя на пару лет помоложе. Но почему-то при этом постарше себя ощущаю. Джереми, мальчик мой,.. – она положила себе его орган на ладошку и как бы взвесила. – Тебе хорошо бы слегка повзростеть.

Увидев его расстроенный и удивленный вид, она засмеялась.

– Поверь, радости от жизни это не убавит. А вот от серьезных разочарований может потом спасти.

– А если я стану серьезным-серьезным, я тебе не наскучу?

– Ну что ты... Маленьким шаловливым девочкам нравятся серьезные строгие мужчины, – она засмеялась. Потом посерьезнела:

– Думаешь, я это просто так говорю? Это все к тому, что мы с тобой там видели.

Это – больше чем просто картинка. Надо просто понять – как это можно использовать...

– Виртуальный экзo-туризм устроить, заработать бабла?

– Как вариант. Но что-то мне говорит, что ты так поступить не можешь.

– Не могу.

– Почему?

– Я не один, и технология открыта не мной. И то, что мы делаем, не совсем законно. И то, что показал это тебе – уже проступок.

Она встала и подошла к открытому окну. Звездное небо проступало яркими полосами между деревьев – местный закон о световом загрязнении действовал безукоризненно.

– То есть ты у меня – преступник... Это... – она повернулась к нему. – Романтично!

Но я тебя никому не выдам, мой Гай Грахх!

Она вернулась на кровать, охлажденная ночной прохладой и легла рядом.

– Я утром уйду. По делам. А вечером, если не надоела, навещу. Хорошо?

– Ты может остаться здесь.

– Не могу при всем желании. Так ты хочешь меня видеть вечером?

Он кивнул.

– Вот! Шлем не уноси. Я хочу туда. Ну и к тебе тоже...

*** * ***

Когда у человека пытливого ума за плечами несколько высших образований и годы, проведенные в поисках то одного единственного сверхбогатого клиента, который осыплет золотым дождем и озолотит, то каких-то новых эффективных подходов к монетизации клиентов пусть более мелких, но куда более доступных, это видно сразу. Никита быстро понял, что свя-

зался с человеком деятельным и многоопытным. Из душного кабинета они перебрались в сад. Коньяка у хозяина в застаканнике оказалось мало, и они переключились на пиво.

– ... Вот и смотрите, Никита, – продолжал развивать свою мысль Владлен Ильич, – У нас есть несколько возможных подходов к ситуации, но все они исходят из того, что существо, живущее в вашей попе, малосимпатично, мешает вам жить, и должно быть удалено в более надлежащее этому лицу место. И желательно, с максимальной выгодой.

И знаете что? – он внимательно посмотрел на Никиту. – Скажу вам прямо и недвусмысленно – вам, уникальному в своем роде человеку с говорящей задницей архи-необходим импресарио. Коммерческий директор, продюсер, агент – назовите, как хотите! Но без такого человека никакая задница, пусть самая ценная в мире, не может быть продана как надо. Вы фильм «Джерри Мак Гвайр» смотрели?

– Нет...

– Обязательно посмотрите! «Покажите мне деньги!!!» Вот и я сейчас хочу показать вам деньги. Правда... правда, мне надо немного подумать о способе извлечения денег из вашей задницы. Вы согласны?

– На что?

– Чтобы я был вашим коммерческим агентом. Условия справедливые – 50 на 50.

Никита не видел смысла торговаться, правда, он и не видел и способа как можно извлечь прибыль из сидящего в нем демона. Он поделился своими сомнениями.

– Ну смотрите... – начал, глядя куда-то в глубины звездного неба над ними, Владлен Ильич.

– Что мы имеем?... У вас в заднице в каком-то виде явно технологического характера находится осознание бывшего царьзидента Чешуйкина. Царьзидента, обратите внимание, которого теперь все ищут. Первое что приходит на ум – это спросить его самого – а не хочет ли он предстать перед светлые очи тех, кто его так ищет. И как вы думаете, Никита, бедный ли это человек, если вспомнить то, что мы сейчас про него слышим с Главного канала и всех прочих? И есть ли ему что терять?

– Хм... А Вы думаете, ему там уютно, в моей жопе?

– А давайте этого говнюка прямо об этом и спросим. Спросите его – как ему там? «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?» – глумливо кривляясь, пропел психолог.

Внутри Никиты царило молчание, но он чувствовал, что тот, внутри, все слышит и пытается оценить обстановку. А Владлен Ильич продолжал:

– Есть еще один вариант. Ведь что мы видим? А видим мы результат небывалого научного достижения. Можно найти тех, кто все это сделал, и уговорить их обнародовать результаты.

– А зачем мы им? Авторы изобретения и так они.

– А как они докажут, что это сделали? Бабки-то там крутились бешенные. Без них такое не воспроизвести. А ребятам с улицы никто не поверит. А тут мы с живым доказательством. Кроме того, можно будет повторить операцию, и отдать нынешнего жителя ваших недр под суд. Думаю, желающие заплатить за такую возможность найдутся.

Никита задумался... Голова шла кругом, но не от перспектив, а скорее, от сомнений. Но посомневаться ему не дали.

«Слышь ты», – раздался знакомый голос внутри. – «У меня предложение лучше. Только помолчи и послушай. Если ты хочешь бабок, то вспомни, что я тебе предлагал. Скажи, что в туалет идешь, на обратном пути возьми колун, он по дороге сюда лежал у сарая. Подойдешь

с обратной стороны и все... А, слышь... (в голосе Ноосфера слышалось презрение) Ну тогда вот мое крайнее предложение:

Расскажи этому халдею про то, что я тебе предлагал и скажи, что я удваиваю сумму – тебе, сколько обещал и ему столько же. Чувак-то вроде в адеквате, не то, что ты, малохольный...»

Никита поделился предложением своего анального узника. Уговаривать Владлена Ильича не пришлось. Наоборот, тот тут же попытался устроить настоящий допрос с пристрастием. Но узник ограничился устным, через Никиту, подтверждением того, что действительно располагает доступом к огромным богатствам, правда не сказал, в какой форме они хранятся, и как их можно получить.

Илья рассказал про их первую попытку получить стартовый капитал.

– Угу... На все нужны деньги. – Задумчиво протянул Владлен Ильич, поставил бутылку у скамейки и повернулся к Никите.

– Спросите его – согласен ли он компенсировать мне расходы, если я избавлю операцию от излишних рисков?

Ноосфер ответил утвердительно и попросил сутки, как он выразился, на выработку стратегии и тактики.

– «И скажи этому рыжему мудаку, чтобы не обзывался.»

– «И как к тебе обращаться?»

– «Да пусть будет „Вольдемар“ – мы же теперь партнеры.»

Владлен Ильич встал и отнес бутылки в мусорку и пошел стелить Никите в гостиной на диванчике. Никита завел с пульта машину и загнал во двор. Они договорились встретиться через день, чтобы услышать план, который собирался им изложить Вольдемар. Называть своего узника Вольдемаром ему было как-то не ловко – это было настоящее имя беглого царьзидента. Все-таки дедушка в возрасте... как-то неудобно.

* * *

Утром они покинули его жилище вместе. Вид у Эни был серьезный, она мало походила на ту бесшабашную девицу, с которой он познакомился прошлым утром.

И хотя одежда на ней была той же, выглядела она совсем по-другому.

– Что-то не так?

Она улыбнулась прежней легкой улыбкой.

– Нет, все отлично. До вечера, – она поцеловала его в губы, но так, что ему стало еще более не по себе.

По дороге в институт он задумался и не заметил, как на его пути возникла человеческая фигура. Он затормозил и поднял взгляд. Перед ним стоял Ксеркс, редкое имя даже для эльфа. Это был худой, мрачного вида мужчина с черными длинными висячими усами, щетиной и длинными волнистыми черными волосами. На Земле он бы легко сошел за героя Болливуда или цыганского барона. Они были знакомы с месяцем, и едва ли перекинулись между собой парой слов. Ксеркс тоже был членом Ордена с непонятными Джереми функциями в ордене и должностью в институте. Возрастом он явно превосходил Джереми раза в два, то и больше.

– Куда спешим?

– На работу...

– И я туда же... – Ксеркс снова посмотрел на него.

– Что вид такой замученный? А... Помаду убери. – Он показал на рот.

Джеремеми смущенно вытер губы – там действительно был розовый след.

– Что за девица?

– Вчера познакомились.

– Из наших?

– Приехавшая. Говорит, орка на пособии.

– Здесь зачем?

Допрос начал Джереми надоедать.

– Откуда я знаю. Говорит, к кому-то приехала

– Но осталась в итоге у тебя... И как она, орка? Понравилось?

– А у вас, что, их никогда не было?

– Почему, случались. И случаются... Просто интересно твое мнение.

– Не знаю... Может, о чем-нибудь другом поговорим?

– А что тебя интересует?

– Что будет обсуждаться на ближайшем сборище, например...

Ксеркс повернулся к нему в упор и осмотрел Джереми с ног до головы. Очень неприятный у него взгляд, унижающий.

– А ты не знаешь?

– Знал бы, не спросил.

– Ну, если вкратце... – Ксеркс явно подбирает слова. – То речь пойдет о том, что делать с нашим открытием.

– А какие есть варианты? И чье оно, кстати, кто автор?

Он вновь удостоился неприятного испытующего взгляда.

– По первому вопросу все просто. Есть два варианта и две точки зрения по отношению к ним. Первое решение простое – заявить об открытии перед Комиссией по науке. А она уже решит, разрешенное это направление или как.

Если разрешенное, то работы будут проводиться на законных основаниях, можно будет публиковать результаты. У тебя как, есть интересные находки?

Джереми уклончиво кивнул.

– А второй?

– А второй – оставить все как есть и выработать список вопросов, которые мы хотим для себя прояснить в наших поисках. Чтобы не блуждать в потемках, а идти в хоть каком-то направлении.

– А Вы за какой из вариантов?

Ксеркс помолчал, потом показал Джереми выставленные два пальца.

– Второй.

– Почему?

– Ты теорию самого Ральфа знаешь?

– Какого еще Ральфа?

– Проехали... Ладно, раз не знаешь, как же тебе объяснить... Вот смотри. Есть версия, что весь Мультиверс – это фрактал, знаешь, наверное. То, что мы сейчас рассматриваем для нас – просто как набор мультфильмов, где контекст позволяет нам прыгать по логическим и сюжетным цепочкам. Так?

– Допустим...

– Теперь представь: мы смотрим на их миры. Но ведь кто-то, значит, смотрит, и на наш. Чисто статистически ведь так?

– Так.

– Расчеты показывают, что в этом взаимодействии энергия практически не задействуется. То есть все наблюдают, но не воздействуют. Как бы не воздействуют! След все же и мы и другие наблюдатели оставляем. А что это значит?

– ???

– *Что можно выйти на наблюдателя, а еще – оттолкнуться от наблюдаемого мира и увидеть свой мир точно также – как пространственно-временную цепочку, где можно выбрать и просматривать и людей и события. Представляешь себе?...*

– *Машина времени?*

– *И это тоже. Мечта вуайериста. Ты там еще ничей секс не наблюдал?*

– *Нет, – соврал зачем-то Джереми.*

– *И не смотри... есть вещи поинтересней. Как ты понимаешь, тот, кто может получить доступ ко всем объектам этого мира, залезать в мозги его жителей, и будет этим миром управлять. Понимаешь это? – он сделал упор на этих словах.*

– *А кому это надо?*

– *Тем, кто хочет изменить порядок вещей.*

– *Какой порядок, например?*

На лице Ксеркса впервые появилось подобие улыбки. Кривой, жутковатой, но улыбки.

– *А ты считаешь хорошо, что этим миром уже сто лет правит один и тот же человек?*

– *Как это? А как же Сенат, Небесный Регистр, сменяемость власти, социальные лифты...?*

Он услышал жуткий смех. Ксеркс, оказывается, мог и смеяться.

– *Ну что тебе сказать... Да, лучшие из лучших... Свежая кровь, дорога молодежи... Социальные лифты. Все это есть. Но есть одно НО – В Сенате давно уже сидит в лице своих разновозрастных копий один и тот же человек. Нет, конечно, не весь совет – это он. Но Он и его эльфы все равно заправляют всем.*

– *Откуда это известно?*

– *Этого я тебе не скажу. Но это факт.*

– *И давно это известно? И кому?*

– *Наши все знают... Ну не считая зеленой молодежи типа тебя. Насчет когда это стало известно... Первые сомнения возникли еще лет 70 назад. Но тогда тех, кто что-то почуял, быстро заткнули. Потом постепенно подкопились данные. Благодаря все той же технологии, с которой ты работаешь в том числе. В общем, у тебя есть все кусочки от пазла.*

– *А Он... этот СуперЭльф... он знает, что мы знаем?*

– *Вот это самый интересный и опасный вопрос. Из того, что мы знаем, он обладает сверхчеловеческими способностями. Представь, что ты проангрейдил себя многократно, что ты представлен десятками, а то и сотней копий, которые постоянно обмениваются информацией, что твой Дубликат в тысячи раз мощнее тех, с которыми работаем сейчас мы. Представил?*

– *Угу... и какие тогда у нас шансы?*

– *Они всегда есть. Во-первых, логика сверхразума нам непостижима. Может, он все знает и откровенно забавляется с нами, а? Хотя... – Ксеркс вдруг, как будто что-то вспомнив, помрачнел.*

– *А во-вторых, все-таки есть шанс, что он не знает.*

– *Хорошо, если Он такой умный, то, может, ему и наше «открытие» давно известно?*

– *Может быть... Поживем, увидим.*

Ксеркс пожал ему руку у дверей института и пошел куда-то прочь.

А Джереми задумался об Эни, ее странном интересе к его работе и умении читать его мысли ТАМ. Странно это и необычно...

* * *

Иногда даже на самых добрых и позитивных людей находит уныние. Этакая экзистенциальная грусть, когда особо остро ощущается вечно-осенняя тщета всего сущего. Даже среди цветущего лета. Вот и у Алены сегодня был именно такой день. Да и как можно радоваться жизни при такой профессии? Алена работала в частной клинике в кабинете колонотерапии. За последние пять лет благодаря ее самоотверженному труду огромное количество самых разных людей, знакомых и не очень, избавились от таких многолетних накоплений в недрах своего толстого кишечника, что если верить обещаниям адептов этого чудодейственного метода, ее давно бы уже окружала жизнерадостная толпа розовощеких ангелов. Ангелы, которые даже не пукают.

Но Алена была трезвым и практичным человеком (хоть сама бы тут же обиделась бы на такую оценку), и прекрасно осознавала – сколько из человека говна не откачай, его, говна, уровень никогда не снизится. Даже наоборот. Вот сегодня ее снова посетила давняя клиентка из банкирш – огромная краснолицая тетка с таким монументальным задом, что даже ее, Алены, бедра, выглядели невинно и подростково. Тетка на этот раз принесла ей шоколадку.

Сама Эльвира Маратовна только что вернулась с каких-то далеких европейских югов, и было хорошо заметно, что отнюдь не культурные достижения просвещенных европейских народов ее там радовали и веселили. Что совсем не живительная средиземноморская диета питала там ее могучее тело, а что-то, до боли напоминающее ее собственные телеса, подкопченные курением и годами. Эльвира, как она просила ее, Алену, себя называть, очень любила вкусно пожрать. Они пару раз бывали месте в разных ресторанах города, и каждый раз угнаться за Эльвирой было трудно во всем – от употребления алкоголя до поглощения огромных количеств всевозможной еды.

И вот сегодня все это, уже в который раз, пузырясь и журча в трубках, покинуло могучий организм банкирши, попутно наполнив душу Алены тягостными миазмами уныния. Она ни разу не была в Европе. Вот что ей мешало это сделать тогда, в мирное время? Она не знала ответа. Ей 30 лет. Жизнь практически прожита, и что впереди? Новые тонны отходов чужого потребления за ее скромную зарплату?

Может, выйти замуж? А за кого? Не за Никиту же, смешно... Нет, конечно, девушка она умная и красивая. Вот только женихов вокруг хрен да маленько. Все, хоть сколько стоящие почему-то уезжали из ее городка, да, похоже, и из страны вообще.

Походу, прав был ее дружок тот, хиппи-электрик, любитель странной дребезжащей музыки и интернет-хомячок, как он сам себя, не стеснясь, называл. Они расстались, после неоднократных ссор на политические темы. Саму Алену политика не интересовала принципиально. Она казалась ей нехорошей комнатой в целом стройном и симпатичном здании мира, комнатой, где почему-то всегда происходит самое неприятное, не красивое, тревожащее и пугающее. Она предпочитала в эту комнату не заглядывать, а вот Марат, наоборот, обожал. Он казался Алене чем-то вроде футбольного болельщика – извращенца, который болеет не за выигрыш, а за проигрыш собственной команды. Каждая неудача ее, Алены, родной страны, почему-то его особенно радовала. И однажды, после очередной ссоры, он ушел и больше не позвонил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.